

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

**Славянские
литературные языки
эпохи
национального
возрождения**

Москва 1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

**СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ
ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Г.К.ВЕНЕДИКТОВ

Москва 1998

В сборнике исследуются историко-культурные, социолингвистические, и лингвистические проблемы истории литературных языков зарубежных славян в эпоху формирования наций и национальных культур (конец XVIII в. - вторая половина XIX в.). Значительное внимание уделяется разработке понятийного аппарата теории и истории литературных языков, характеристике общих и специфических черт становления и развития литературных языков, их места и роли в социокультурной и языковой ситуации славянских стран, в процессах национально-культурного возрождения. В труде освещаются такие актуальные вопросы, как значение письменной традиции в нормализации и кодификации национальных литературных языков, соотношение литературного идиома и его диалектной основы, отражение в теоретических концепциях и в литературно-языковой практике идей славянской взаимности и др. На лексико-семантическом и словообразовательном уровнях исследуются закономерности внутри-системного развития формирующихся литературных языков.

Редколлегия:

*Г.К.Венедиктов (отв. редактор), А.Ф.Журавлев,
Л.Н.Смирнов, Ю.Е.Стемковская*

Рецензенты:

*доктор филологических наук Р.М.Цейтлин
профессор Л.П. Рупосова*

ISBN 5-7576-0075-6 © Институт славяноведения РАН, 1998

Campbell

От редактора

Настоящим сборником статей Отдел славянского языкознания Института славяноведения РАН продолжает публикацию исследовательских работ, посвященных формированию славянских литературных языков в эпоху национально-культурного возрождения зарубежных славян. Разработка этой темы в Институте была начата в 60-е годы в рамках широкой комплексной проблемы "Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры", исследование которой осуществлялось объединенными усилиями историков, историков культуры, литературоведов и языковедов. Результаты изучения вопросов формирования литературных языков зарубежных славян в эпоху национально-культурного возрождения воплощены в значительном числе научных публикаций. Это прежде всего коллективная монография лингвистов "Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков" (1978), а также ряд коллективных трудов междисциплинарного характера ("Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы", 1977; "Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты", 1981; "У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе", 1984 и др.), в которых содержатся разделы или отдельные статьи, посвященные разным, главным образом экстралингвистическим вопросам формирования современных литературных языков зарубежных славян. Эти и другие вопросы сотрудниками Института исследовались в тесном сотрудничестве с учеными Московского, Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского), других университетов и научных учреждений бывшего СССР. Немалое число статей и докладов лингвистов Института по указанной тематике опубликовано в разных научных изданиях зарубежных стран.

Предлагаемый вниманию читателей проблемно-тематический сборник "Славянские литературные языки эпохи национального возрождения" посвящен преимущественно исследованию историко-культурных и социолингвистических аспектов истории этих языков на стадии их становления, а также некоторых вопросов формирования их грамматической, словообразовательной и лексической систем.

Авторы статей и редколлегия посвящают настоящий сборник 70-летию Льва Никандровича Смирнова. Одним из основных направлений его исследовательской работы является изучение проблем формирования и развития славянских национальных литературных языков, прежде всего словацкого, а также их функционирования на современном этапе (см. библиографию его трудов, публикуемую в конце сборника). В течение многих лет Л.Н.Смирнов заведовал сектором (отделом) славянского языкознания в Институте славяноведения и балканистики (сейчас вновь – Институте славяноведения), был инициатором и руководителем коллективных трудов и научных конференций, посвященных истории и современному состоянию славянских литературных языков. В настоящее время Л.Н.Смирнов – руководитель Центра по изучению славянских литературных языков Института.

Г.К.Венедиктов

В.К.Журавлев
(Москва)

**Социально-экономические
и культурно-исторические параметры
формирования национальных
литературных языков**

Наука об истории литературного языка как особая научная дисциплина историко-филологического цикла зародилась в недрах славистики и прежде всего отечественной. В последние десятилетия Институт славяноведения РАН стал в нашей стране головным научным центром, координирующим и направляющим усилия ученых в данной области знания. В серии изданных Институтом коллективных трудов были охарактеризованы фундаментальные положения, социальные и культурно-исторические параметры, понятийный аппарат, предмет и задачи данной науки.

Особый интерес к проблемам литературного языка именно у славян объясняется тем, что XIX в. знаменует собой эпоху подъема национального самосознания славянских народов, бурным процессом формирования новых литературных языков (сербского, болгарского, украинского, белорусского и др.), борьбой за расширение сфер обслуживания и создание соответствующих стилей. Если к началу XIX в. основные проблемы формирования и нормализации литературного французского, английского, немецкого, испанского, итальянского языков были уже решены, то кардинальные проблемы литературного русского языка решались лишь в первой трети XIX в.: споры о "старом и новом стиле", борьба с шишковистами, пушкинское преобразование русского литературного языка, формирование русского подъязыка науки и т.п. Всюду возникали жаркие споры относительно "своего и

чужого" в литературном языке. Одной из центральных проблем формирования и развития славянских литературных языков была проблема отношения к кирилло-мефодиевскому наследию, к языку древнейших памятников славянской письменности и к опыту создания первого литературного языка славян. Кирилло-мефодиевская проблематика и в частности вопрос о народно-разговорной основе языка кирилло-мефодиевских оригиналов не только возбуждали чисто научный интерес, но и позволяли строить теоретический фундамент формирования и развития литературных языков славянских народов.

Отмеченная Л.Н.Смирновым недооценка понятия "литературный язык" [Смирнов 1981, 98-99], надо полагать, связана именно с недостаточно четким различением предмета исторической грамматики и истории литературного языка. Действительно, процесс формирования наций не обуславливает появление новых фонем, морфем и грамматических категорий, что является собственно предметом исторической грамматики. Процесс формирования наций непосредственно отражается не на "языковой технике", не на внутренней структуре языка, а прежде всего на "внешней его системе", на его социальных функциях и многом другом, что должно стать предметом истории литературного языка.

Отсутствие четкого представления о "национальном языке" может привести (а иногда и приводит) к некоторым недоразумениям, связанным с попытками соотнесения того или иного письменно-литературного языка феодальной эпохи с той или иной современной нацией.

Национальный литературный язык — историческая категория, связанная с категорией нации. Формирование нации в конечном счете связано с "промышленной революцией", развитием товарно-денежных отношений. Втягивание крестьянства в товарообмен с городом в рамках формирующегося национального рынка, требование элементарной грамотности работника на фабрике и заводе является своего рода

материальной подоплекой распространения грамотности на родном языке [Стецкович, Якубский 1981, 14].

В преднациональную эпоху письменно-литературные языки феодального общества "не обладали свойством общенародной коммуникативности. Круг их носителей бывал ограничен, так же как и круг их функций" [Каск 1966, 130]. Так, первые эстонские и латышские книги XVI и XVII вв. написаны немецкой орфографией немецкими священниками для немецких пасторов, призванных отправлять церковную службу на языке коренного населения. Язык их чрезвычайно неправилен, весьма далек от народного. Лишь к концу XIX в. в связи с развитием буржуазных отношений и формированием латышских и эстонских наций "в острой борьбе с немецкими помещиками и священниками формировался национальный язык" [Грабис 1966, 468]. "Младолатышши" и "младозстонцы" постепенно берут дело национальной культуры в свои руки и ведут борьбу за демократизацию своих литературных языков. Меняется не только социальное, но и национально-этническое содержание социалемы этих книжно-литературных языков, резко возрастает уровень народного образования, число читающих и пишущих. Здесь был достигнут самый высокий уровень народного образования в России конца XIX в.

Вполне закономерно, что в донациональный период эпохи феодализма письменно-литературные языки "не являлись национальными; в ту эпоху литературный язык обычно не опирался на диалект, не выросал из него" [Алексеев 1980, 10]. Критерии разграничения, например, староукраинского и старобелорусского письменно-литературных языков весьма зыбкие, что уже осознано украинскими и белорусскими лингвистами. Аналогичные проблемы встают перед историками тюркских литературных языков.

Формирование наций сопровождается интеграцией мелких этнических групп, преодолением местного патриотизма. На место осознания принадлежности к прежней феодальной "земле" ("мы псковские") встает осознание принадлежности к

той или иной нации. Как заметил Н.И.Толстой, канун национальной эпохи характеризуется множественностью областных литератур и вариантов литературно-письменных языков [Толстой 1988].

Переход от народности к нации сопровождается мощной тенденцией к единству литературного языка. Смысл реформы Вука Караджича в горячем призыве преодолеть церковно-религиозные барьеры во имя литературного и народного (национального) единства как с "братьями римского закона" (католиками), так и с "братьями закона турецкого" (магометане). Во имя такого единства он призвал сербов оставить славяносербскую книжную традицию, связывавшую сербскую книжную культуру с ареалом "Рах ортодоха" [Толстой 1988].

Этот процесс связан с определенной переинтеграцией подсоциолемы носителей книжно-литературного языка. Так, начиная с XIV-XV вв. культурная часть словацкого общества пользуется чешским литературным языком. Становление и распространение штуровщины означало победу внутри-словацкой интеграции (преодоление книжно-литературных различий между словаками-католиками и словаками-протестантами) [Смирнов 1978].

Древнепольский литературный язык сложился еще в донациональный период на весьма ограниченной социальной базе феодальной верхушки. Но лишь в национальный период литературный язык "стремится к тому, чтобы быть обязательным для всех слоев нации" [Стрекалова 1981, 163].

Первые шаги в сторону демократизации польского литературного языка предприняла Эдукационная Комиссия (1773-1794). Это первое в Европе Министерство просвещения образовалось после первого раздела Польши (1772). Комиссия организовала сеть народных школ на польском языке, в которых латынь перестала быть языком обучения. Кодификация польского литературного языка шла по линии сближения с устными формами высказывания. Это обеспечило

единство польского литературного языка в условиях раздела. Однако процесс демократизации, расширения социальной базы за счет включения крестьянства шел чрезвычайно медленно. Еще в первой половине XIX в. польские крестьяне поляками считали лишь панов.

В качестве письменной формы существования языка в донациональный период, как правило, выступает некий "чужой" книжно-литературный язык для многих народов, объединенный некоей общностью истоков духовной культуры: латынь – для народов Западной Европы (католики), церковнославянский – для народов Центральной и Восточной Европы (православные), арабский (мусульмане) и т. п. По единой "Грамматике" Милетия Смотрицкого учились грамоте в Москве и Киеве, Львове и Вильне, в Новгороде и в Новом Саде, в Яссах и в Кишиневе. По грамматике Доната учились грамоте в Риме и Париже, Берлине и Праге, Вене и Кракове.

Промышленная революция, развитие товарно-денежных отношений, борьба за свой рынок товаров и рабочей силы стимулируют первые шаги формирования наций, обуславливает процесс демократизации книжно-письменного языка, формирование национального литературного языка. Мощным катализатором этого процесса стал печатный станок, изобретение книгопечатания и развитие книготорговли, подчиненной общим законам товарно-денежных отношений, борьбы за "свой" рынок сбыта. За процессом демократизации языка стоит процесс демократизации его социалемы. Носителями литературного языка становятся широкие слои народных масс. Народный язык поднимается до уровня литературного либо путем замены прежнего литературного языка национальным [например, латыни – польским, книжнославянского – сербским, чешского (и венгерского) – словацким], либо путем резкого увеличения народно-разговорных элементов в прежнем литературном языке (русский язык).

Пионером промышленной революции была Англия. Здесь уже в XIV в. стала формироваться промышленная мануфактура. Английская суконная промышленность диктовала деревне развитие овцеводства. Товарно-денежные отношения между городом и деревней разрушали феодальные отношения. Рабочее законодательство 1349 г. регулировало наемный труд. Остро встала проблема "дешевой церкви". Формируется англиканская церковь, порывающая зависимость от папы Римского, отвергается монастырская латынь как язык духовной культуры и богослужения. По инициативе профессора Оксфордского университета Дж.Виклефа (1320-1384) осуществляется перевод Библии на английский язык (1382). Начинает складываться английская нация. К XV в. формируется английский литературный язык, классическая английская поэзия и литература (Джозеф Чосер и др.). Национальный английский литературный язык вытесняет из употребления латинский и французский. Лондонский городской диалект поднимается до уровня литературного.

Другим эпицентром промышленной революции была Чехия. Здесь интенсивно развивалась горно-рудная промышленность. Добыча и выплавка железа, промывка золота, разработка месторождений серебра и олова обусловили рост городов как центров ремесла и торговли, ослабление феодальных отношений и усиление товарно-денежных отношений, распространение денежной феодальной ренты. При Карле I Прага становится столицей "Священной Римской империи" (1347). В 1348 г. в Праге был основан университет. Усилилась немецкая колонизация чешских городов. Католическая церковь Чехии оказалась в руках немецких монахов и прелатов.

Пламенные чешские проповедники Ян Милич (ум. в 1374) и Матвей Янов (ум. в 1394) смело обличали на родном славянском языке пороки немецко-католического духовенства, разврат и беспутство, жадность и стяжательство, несоответствие христианским идеалам.

В 1391 г. в Праге была основана Вифлеемская капелла. С ее кафедры читались проповеди на чешском языке. Спонтанно развивается письменность на славянском родном языке. Переводится с латинского языка "Александреида" и басни Эзопа, создается оригинальная "Далимилова хроника", проникнутая страстным протестом против немецкого ~~засилия~~ засилия. Воспитанник Пражского университета Томаш Штитный, автор многих книг, считал своим долгом писать только на родном языке: "Буду писать по-чешски, потому что я чех, а господом Богом чешский язык любим так же, как и латинский".

Во главе "чешской оппозиции" встал профессор Пражского университета Ян Гус (1371-1415). По мнению историков христианства, он пытался восстановить древнее православие в Чехии. Прекрасно зная кирилло-мефодиевские традиции использования славянского языка в сферах духовной культуры – богослужении, Ян Гус упорядочил чешскую орфографию и графику в чисто кирилло-мефодиевской традиции: каждой интуитивно осознанной фонеме соответствует особая буква, каждой букве – особая фонема. Для увеличения инвентаря латинских букв были введены диакритики, позже замененные "гачеком" (с : ě, s : š и др.) и чертой над буквой, обозначающей долготу гласной (а : ā). Борьба чешской партии против немецкого засилия в университете закончилась победой чехов. Немцы ушли в основанный ими Лейпцигский университет. В 1409 г. Ян Гус, став ректором Пражского университета, провел серию реформ, превратившую его в национальную чешскую высшую школу.

С 1402 г. Ян Гус занимал должность проповедника Вифлеемской капеллы. В своих проповедях он учил народ истинно христианской вере и жизни по Евангелию. При этом ему приходилось критиковать весьма очевидные пороки немецко-католического духовенства. Немецкое духовенство пыталось разрушить Вифлеемскую капеллу, и в знак протеста прекратилось совершение богослужения. В 1412 г. Ян Гус резко выступил против продажи индульгенций и крестового

похода Папы Иоанна XXIII против христианского Неаполитанского короля. Ян Гус был отлучен от церкви, объявлен еретиком, осужден Костанцким собором и сожжен на костре (1415).

Волна негодования охватила всю Чехию. 25 февраля 1419 г. вспыхнуло восстание, переросшее в многолетние гуситские войны. Народным войскам удалось отразить пять крестовых походов. После поражения в битве под Липанами (1434) вооруженную борьбу пришлось прекратить. Знамя национально-освободительной борьбы подняла "Община чешских братьев". Она боролась за права чешского языка во всех сферах духовной культуры, в церкви и школе, основные усилия направив на организацию народного образования на родном чешском языке.

Последний епископ "Общины чешских братьев" (XVII в.), Ян Амос Коменский (1592-1670) — общепризнанный основоположник современной лингводидактики — прожил большую часть жизни в изгнании. Община чешских братьев издавала много книг на чешском языке. Один из ее руководителей, Ян Богослов, издал грамматику чешского языка (1571). В 1579 г. была издана Кралицкая библия — перевод священного писания на чешский язык.

В 1517 г., через столетие после мученической смерти Яна Гуса, Мартин Лютер (1483-1546) вывесил на воротах Виттенбергской кирхи 95 тезисов против индульгенций и публично сжег папскую буллу. История повторилась: горячий пепел Гуса разжег огонь гуситских войн, осветивших Европу идеями реформации и пожаром крестьянских войн в Германии (1521-1524). Судьба немецкого вождя движения против засилия католической церкви и латыни сложилась более благоприятно. Лютеру удалось заручиться поддержкой немецких курфюрстов. У него не было непреклонности Яна Гуса. Называя папу Римского "антихристом" (в частных письмах), он писал покаянные письма в Рим. Складывалось лютеранство как своего рода "христианство эпохи капитализма".

В 1522 г. Лютер издал свой перевод на немецкий язык Нового Завета (Евангелие). За основу книжно-письменного языка он взял язык Саксонских канцелярий. Язык Лютерово́й Библии стал тем фундаментом, на котором формировался национальный немецкий литературный язык, мощнейший фактор интеграции немецкой нации в условиях полунезависимого существования множества немецких княжеств, когда немец из Гамбурга не понимал немца из Мюнхена. Позже Лютер издал для народа Большой и Малый катехизис.

В Германии резко обозначились две партии: германская и католическая. Разгорелся пожар крестьянской войны (1521-1524), завершившейся в 1555 г. Аугсбургским религиозным миром. В помощь католикам был приглашен орден иезуитов. В защиту протестантов выступил король Швеции Густав-Адольф (1630). Лишь Вестфальский мир 1648 г. утвердил равноправие протестантов и католиков в Германии. На юге господствовали католики, на севере - протестанты.

Идеи протестантов-лютеран напоминали чехам идеи Яна Гуса и "чешских братьев". Борьба продолжалась. Но в 1526 г. Чехия была включена в империю Габсбургов, наиболее ярых защитников католицизма. Бесчинства католического архиепископа Матвея (1611-1619) в Праге привели к восстанию, изгнанию иезуитов. Но в битве при Белой горе (1620) объединенными армиями католических королей и курфюрстов чехи были разбиты.

Лютеранство победило в Швеции (1527). В 1526 г. был осуществлен перевод Библии на шведский язык. Из Швеции лютеранство распространилось в Финляндию. В Дании и Норвегии оно заняло господствующее положение в 1536 г. В 1526—1527 гг. был осуществлен перевод Библии на датский язык. Лютеранство победило в Пруссии, а также в Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. В Швейцарии движение реформации возглавил Ульрих Цвингли (1484-1531) и Жан Кальвин (1509-1564).

Римско-католическая партия цепко держалась за Польшу и Великое Княжество Литовское как форпост наступления на русский православный ареал. Идеи реформации, подрывающие господство латыни, стимулировали формирование национальных языков и литератур. Вслед за идеями гуситов через Пруссию и Ливонию лютеранство и кальвинизм проникали на территорию Речи Посполитой, объединенного государства Польши и Литвы. Первые польские писатели-протестанты (Кровицкий, Лютомирский и др.) вынуждены были издавать свои книги за пределами Речи Посполитой - в Кенигсберге, Магдебурге и др. Первые литовские книги М.Мажвидас (Катехизис 1547 г. и 1559 г.) издал в Кенигсберге. Позже литовские книги стали издаваться и в Вильнюсе - Катехизис (1595) и Пастилла (1599) П. Даукиши [Михальченко 1993].

Успехи протестантов, опиравшихся на широкие народные массы, стимулировали формирование национального польского языка и литературы - языка Петра Скарги, Яна Кохановского, Лукаша Гурицкого, Николая Рея и др. Проникновение идей реформации и дискуссионной борьбы между католиками и протестантами, католиками и православными стимулировали "Золотой век" польской литературы (XVI - нач.XVII вв.).

Идеи гуситов и Реформации стали первотолчком формирования словенского национального языка. Его основоположником был Примош Трубар (1508-1586). Первая словенская книга вышла в 1551 г. в Семиградье (Трансильвания). К обычному тексту катехизиса Трубар добавил 100 страниц собственного текста. По примеру Лютера он переводил и издавал по частям Библию. В 1555 г. он издал Евангелие от Матфея и "Abecedarium" "для словенцев".

В период временной победы протестантов (1562) Трубар вернулся в Любляну, но вскоре вторично покинул родину (1565). В Тюбингене (Германия) он издал "Псалтирь Давидов", и новый учебник словенского языка, сборник славянских песен, катехизис (1575) и весь Новый Завет (1577-1582). Скончался

основоположник словенского языка и литературы в изгнании (1586).

Во имя "спасения католичества и папы" в 1537 г. была создана фаланга "12 лириков общества Иисуса", Орден иезуитов, как назвал его один из вождей реформации Кальвин. Особо мощный удар иезуиты нанесли протестантам в Чехии и Польше. Пражский и Виленский университеты были отданы иезуитам. Родной язык вытесняла монастырская латынь не только из церкви, но и из школы и всех других сфер духовной культуры.

Католическая, иезуитская контрреформация одержала победу в Чехии. На кострищах инквизиции горели чешские книги, отпечатанные в лучших типографиях Европы. Сгорел почти весь тираж "Кралицкой Библии", имевшей для чехов не меньшее значение, чем Лютерова Библия для немцев. Чешский язык изгонялся отовсюду, его заменяли немецкий в быту и латынь в сферах духовной культуры. Процесс целенаправленной германизации славян Габсбургской империи усиливался до конца XVIII в. В 1781 г. немецкий язык был провозглашен общегосударственным, в том же году было отменено крепостное право, ускорился процесс формирования товарно-денежных отношений, обострилась борьба за национальный рынок.

Победа контрреформации в Польше привела здесь к упадку государственности. Религиозные и феодальные противоречия привели к трем последовательным разделам Польши, затормозили процесс формирования польской нации и литературного языка.

Формирование наций и национальных языков идет успешнее у народов, обладающих своей государственностью: Англия, Франция, Швеция, Германия, а также Польша XVI–XVII века, Чехия XVI в., когда король Чехии получил титул императора. Иноземное иго тормозило этот процесс. У народов Центральной и Юго-Восточной Европы процесс формирования наций, национального языка шел в условиях борьбы за

восстановление государственной независимости, в условиях возрождения национального самосознания. Эпоха национального возрождения длилась более столетия и началась в последней четверти XVIII в.

Болгария XVIII в. оказалась под двойным гнетом: духовный гнет греческой церкви сопрягался с османско-турецким гнетом Османской империи. В городах болгары стеснялись говорить на родном языке, называть себя болгарами. Но в 1762 г. Паисий Хилендарский в своей "Истории славяноболгарской" обратился к соплеменникам с горячим призывом: "Ти болгарине не прелащай се, знай свои родъ и языкъ и учи се по своему языку". На призыв отца Паисия откликнулись многие деятели болгарского возрождения. Стали открываться школы, издаваться буквари. Формировалась целая плеяда болгарских просветителей (П.Берон, Н.Рильский, В.Априлов и др.). В России получают высшее образование выдающиеся деятели болгарского возрождения: Хр.Ботев, Л.Каравелов и др. К 1876 г. в Болгарии функционировали около 1500 начальных школ и свыше 50 средних учебных заведений, 131 народная читальня, успешно развивалась национальная болгарская литература (Г.Раковский, П.Славейков, И.Вазов), публицистика и театр. Болгары первыми стали отмечать День славянской письменности и культуры (1851). Формировавшийся национальный болгарский литературный язык был знаменем национально-освободительной борьбы, мощнейшим фактором консолидации болгарской нации [Венедиктов 1990, 3-11].

Подводя итог сказанному, нужно подчеркнуть следующее.

1. Национальный литературный язык – историческая категория, один из важнейших атрибутов нации. Процессы формирования нации, национального литературного языка в принципе идут параллельно. Национальный литературный язык, будучи мощнейшим интегрирующим фактором "национальной консолидации", стремился стать общенациональным достоянием.

2. Литературный язык существует не сам по себе, а в определенной совокупности текстов. Социальным субстратом литературного языка является языковой коллектив, в рамках которого осуществляется речевое взаимодействие, понимание, сохранение, передача и расширенное воспроизводство текстов данного литературного языка.

3. Для расширенного воспроизводства коллектива активных носителей литературного языка (его "социалемы") необходима школа.

4. История литературного языка определяется динамикой объема и социально-этнического содержания его социалемы, отражающейся на динамике объема и содержания его текстов. Завоевание (либо утрата) общественных позиций носителями данного языка проявляется как расширение (или сужение) социальных функций данного языка, определяющих динамику его функциональных стилей.

5. Разрушение сословной структуры общества, урбанизация в связи с развитием товарно-денежных отношений, торговли, банковского дела, ремесленничества и мануфактуры с последующей промышленной революцией стимулировали развитие школы, народного образования, книгопечатания и демократизации книжного языка, расширение объема и социального содержания его социалемы.

6. Демократизация системы книжно-письменного языка обуславливает увеличение объема народно-разговорных элементов в литературном языке вплоть до формирования нового книжного языка на народно-разговорной основе. Формируются национальные литературные языки, национальная художественная и публицистическая литература, национальный театр, национальная школа, стимулирующие рост национального самосознания и соответствующие атрибуты нации.

7. Степень интенсивности формирования наций связана с административно-государственными условиями. В рамках своего государства процесс формирования нации и литературного

языка идет быстрее. При этом важную роль играют стили административно-деловых текстов языка. Во Франции, например, понятие "национальность" означает прежде всего гражданина, подданного данного государства. Естественно, этот процесс идет медленнее в условиях иноземного ига (болгарский, сербский).

8. Принадлежность к тому или иному культурно-историческому ареалу (КИА) обуславливает характер и темпы формирования и развития нации и национального литературного языка. В православном КИА с церковнославянским базовым языком действует тенденция развития литературного языка без перерыва книжно-литературных традиций (русский, славяносербский, староукраинский и старобелорусский). Современный русский литературный язык - восточнославянские, украинско-белорусские и собственно русские узоры на полотне, вытканном Кириллом и Мефодием, результат постепенной русификации, национализации его социалемы. Болгарский, сербский, украинский и белорусский формировались в результате перерыва традиций.

9. В католическом ареале средневековья латынь сдерживала формирование национальных языков. В протестантском ареале интенсивно развивалось книгопечатание на народных языках, формировались национальные языки и литература. На стыке КИА формирование единого литературного языка тормозилось религиозными барьерами (сербско-хорватский язык).

10. Формирование национального литературного языка и нации - две стороны одного и того же процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.А. Предисловие // Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л., 1980.

Венедиктов Г.К. Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. Проблемы нормализации и выбора диалектной основы. М., 1990.

Грабис Р. Латышский язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966.

Каск А.Х. Эстонский язык // Языки народов СССР. Т. III. М., 1966.

Михальченко В.Ю. Социолема литовского языка на разных этапах его развития // Диахроническая социоллингвистика. М., 1993.

Смирнов Л.Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Смирнов Л.Н. О языковом аспекте формирования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Стецкович С.М., Якубский В.А. Экономические аспекты формирования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Стрекалова З.Н. О роли языка в процессе формирования польской нации // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Л.Н.Смирнов
(Москва)

**Об изучении истории
литературных славянских языков
эпохи национального возрождения**

Процессы становления и развития современных славянских наций, происходившие в конце XVIII в. – второй половине XIX в., составляют стержневое содержание эпохи национального возрождения у южных и западных славян. Так или иначе они находили свое отражение в политической, социально-экономической и культурной жизни этих народов. В значительной мере данная эпоха была определяющей и в истории многих современных *литературных* славянских языков. К этому времени относится возникновение новых литературных языков (болгарский, сербскохорватский, словенский, словацкий, украинский, белорусский) или качественное обновление существовавших ранее литературно-письменных языков (русский, чешский, польский; заметно активизировалось развитие верхнелужицкого литературного языка). Именно в эпоху национального возрождения языковые вопросы, будучи теснейшим образом связанными с борьбой угнетенных славянских народов за свои национальные и социальные права, приобретают особую остроту и актуальность, становятся неременной и очень важной частью политических, идеологических и культурных программ национально-возрожденческого движения (в частности, у болгар, словаков и чехов).

В социолингвистическом и историко-культурном аспекте особое значение имело то, что эти новые или обновленные языки постепенно занимали все более важное место в кругу коммуникативных средств конкретного славянского народа, об-

рета статус единого общенационального литературного языка. Они выполняли важную национально-репрезентативную функцию и выступали в связи с этим не только как средство общения, литературного и научного творчества, но и как существенный фактор становления и усиления национального самосознания, консолидации нации, как мощное орудие развития образования, просвещения, национальной культуры и общественной мысли. При этом очень большую роль играла сознательная, целенаправленная нормализаторская и кодификаторская деятельность реформаторов языка (Паисия Хилендарского, Вука Караджича, Йозефа Юнгмана, Людовита Штура и др.), в значительной мере определявшая пути складывания и стабилизации литературно-языковых норм и дальнейшую судьбу национальных литературных языков.

Вопросы истории славянских литературных языков периода становления современных славянских наций привлекали и привлекают пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных ученых [см., например, сборник: *Slovanské spisovné jazyky v době obrození*. Praha, 1974]. По данной проблематике имеется обширная научная литература, которую в краткой статье нет возможности даже просто перечислить. Немало сделано в этом отношении, в частности, лингвистами Института славяноведения и балканистики РАН, которые с 70-ых годов стали особенно активно исследовать проблемы становления национальных литературных языков южных и западных славян.

Эпоха национального возрождения изучалась в Институте объединенными усилиями историков, историков культуры, лингвистов и литературоведов в рамках крупной комплексной проблемы "Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму". Было подготовлено и издано несколько коллективных трудов междисциплинарного характера: "Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы" (1977), "Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе" (1981), "Польша на путях развития и

утверждения капитализма" (1984), "У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе" (1984), в которых были и разделы, посвященные языковым вопросам. Лингвистами Института был опубликован коллективный труд "Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков" (1978), который представляет собой наш первый опыт параллельного освещения процессов возникновения и развития национальных литературных языков южных и западных славян в эпоху национального возрождения. Акцент при этом был сделан на характеристике внешнелингвистической стороны этих процессов, описываемых на широком историко-культурном и социальном фоне. Вместе с тем на материале чешского, словацкого, верхнелужицкого, болгарского, сербского и словенского языков прослеживались пути формирования литературных норм на разных уровнях языковой структуры. В 70-90 гг. в разработке лингвистической проблематики, связанной с эпохой формирования наций и национальных культур, принимали участие многие ученые Института (С.Б.Бернштейн, Г.К.Венедиктов, Е.И.Демина, М.И.Ермакова, Г.П.Нещименко, Л.Н.Смирнов, З.Н.Стрекалова, Н.И.Толстой), а также внеинститутские авторы, представлявшие научные учреждения, университеты и институты Москвы, Ленинграда, Львова и Тарту (В.П.Гудков, О.С.Плотникова, А.Г.Широкова; Н.А.Кондрашов, Л.П.Рупосова; В.К.Журавлев, Г.Г.Тяпко; П.А.Дмитриев, Г.А.Лилич, К.И.Логачев, Г.И.Сафронов, О.И.Трофимкина, Р.Х.Тугушева; К.К.Трофимович; А.Д.Дуличенко и др.).

Значительный вклад в изучение вопросов становления, развития и функционирования славянских литературных языков (и прежде всего - сербского) внес Н.И.Толстой. Основные его исследования по данной проблематике представлены в книге "История и структура славянских литературных языков" (1988). В ней большое внимание уделено вопросам теории и методологии истории литературных языков, установлению системы диахронных и синхронных

критериев классификации славянских литературных языков и их сравнительно-типологической характеристики. Из монографических работ следует отметить также книгу Г.К.Венедиктова "Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. Проблемы нормализации и выбора диалектной основы" (1990). Автор подробно характеризует позиции и взгляды болгарских деятелей национально-культурного возрождения по вопросу о возможных и желательных путях формирования единого национально-культурного языка болгар, о социальной и культурной значимости его решения в условиях сложной языковой ситуации в Болгарии XIX века. Тщательный анализ богатейшего фактического материала позволил автору проследить основные направления нормализации литературного болгарского языка, особенно в сфере грамматики. Кроме того, в работе с использованием оригинальной методики исследуется проблема диалектной основы этого языка.

Широкий круг актуальных вопросов истории славянских литературных языков в рассматриваемую эпоху обсуждался на международной научной конференции, организованной сектором славянского языкознания [см.: "Историко-культурные и социолингвистические аспекты..." 1993]. В связи с этим хотелось бы особенно подчеркнуть важность и перспективность изучения истории литературных языков не только в собственно лингвистическом аспекте, но и в социолингвистическом и историко-культурном.

Это вытекает из современного понимания "истории литературного языка" как особой научной дисциплины. Хотя она зародилась в рамках языкознания, выступая в виде своеобразной лингвистической субдисциплины, очень скоро выяснилось, что в данном случае лингвистические параметры явно недостаточны. "История литературного языка" призвана освещать процессы возникновения, развития и функционирования литературного идиома как одного из составляющих системы этнического (национального) языка, обслуживающего определенный социум на разных этапах его

развития. По самой своей сути она может "строиться" лишь в органической связи с историей народа – носителя данного литературного языка, с историей его письменности, литературы и духовной культуры. Поэтому для такой научной дисциплины существенное значение имеют не только лингвистический, но также социолингвистический (проблема соотношения языка и общества) и историко-культурный (проблема соотношения языка и культуры) аспекты. Поэтому "история литературного языка" является специфической дисциплиной комплексного характера. В свое время В.В.Виноградов писал, что история литературного русского языка – это синтез истории, языкознания и литературы [Виноградов 1967, 130]. По мнению Н.И.Толстого, история литературного языка – "дисциплина, смыкающаяся и с историей культуры, и с историей литературы, и с историей развития общества" [Толстой 1982, 7]. В связи с этим он приходит к справедливому заключению, что "проблема возникновения и развития всякого литературного языка, древнего и нового, есть проблема не только и даже не столько лингвистическая, сколько историко-культурная" [Толстой 1988, 3]. В свою очередь В.К.Журавлев настойчиво подчеркивает социолингвистический характер данной научной дисциплины. Он считает, что в центре внимания историков литературного языка "должна быть социология литературного языка, история тех, кто писал, говорил и читал на данном литературном языке, кто владел этим языком" [Журавлев 1984, 89]. По его мнению основным объектом истории литературного языка является динамика объема и социально-этнического содержания социалемы литературного языка в тесной связи с динамикой объема и содержания его текстов [ср.: Журавлев 1993, 22].

Как нам представляется, давая определение истории литературного языка как особой научной дисциплины, не следует ограничиваться одним, пусть и очень важным аспектом. Это специфическая междисциплинарная область знания, и было бы неверно так или иначе сужать ее рамки. Она, на наш взгляд, должна охватывать все стороны (внешнего и внутреннего

характера) процесса возникновения литературных языков, их развития и функционирования, что проявляется, в частности, в эволюции разного типа "литературных текстов", в становлении и взаимодействии функциональных стилей литературного языка; в истории его носителей (языкового коллектива, социального субстрата, социолемы); в развитии языковой и социо-культурной ситуации, в условиях которой функционирует литературный идиом, вступая в разные отношения с другими компонентами системы данного этнического (национального) языка; в динамике строевых признаков литературного языка, которая отражается в закономерностях становления, унификации и стабилизации литературно-языковых норм. Важное значение имеет также освещение роли субъективного фактора, например, нормализаторской, кодификаторской и литературной деятельности лингвистов, филологов, писателей, издателей и редакторов, культурных и общественных деятелей.

Все это, естественно, относится и к истории славянских литературных языков. Именно в таком ключе представляется наиболее перспективным дальнейшее изучение вопросов их формирования и функционирования в эпоху национального возрождения. При таком подходе отчетливо выявляется сложная диалектика взаимосвязи и взаимодействия социальных и национальных, языковых и внеязыковых факторов, полнее раскрывается историко-культурная мотивированность существенного изменения языковой ситуации в исследуемую эпоху, подчеркивается первостепенная роль единого литературного языка нации, формирующегося на основе родной народно-разговорной речи.

Как уже было отмечено, в научной разработке рассматриваемой проблематики имеются значительные достижения. Вместе с тем многие вопросы формирования и функционирования славянских литературных языков эпохи национального возрождения еще не получили должного научного освещения или же остаются дискуссионными.

Некоторые темы и проблемы в силу их политической или идеологической остроты и неоднозначности порой замалчивались и сознательно обходились. Нуждаются в систематизации, обобщении и новом научно-объективном осмыслении полученные ранее результаты конкретных исследований в данной области славистики.

Отметим некоторые проблемы и темы, нуждающиеся, на наш взгляд, в дальнейшем глубоком и всестороннем изучении.

В историко-культурном и социолингвистическом аспектах по-прежнему актуальным остается вопрос о роли и месте формирующихся в изучаемую эпоху литературных языков на народно-разговорной основе в различных языковых ситуациях и разных стратификационных моделях национального языка. В этом плане необходимо на конкретном материале проанализировать общие и специфические черты механизма взаимодействия внешних и внутренних факторов языкового развития, которые способствовали созданию и внедрению в общественно-культурную практику национальных литературных языков. Интересные и важные результаты может дать сравнительно-типологическое освещение данного вопроса.

До сих пор недостаточно изучена проблематика, связанная с выяснением роли (как положительной, так и отрицательной) конфессионального фактора в процессе становления национальных литературных языков славянских народов, с раскрытием значения церкви и религиозной литературы на родном языке. Эта проблематика нуждается в серьезном анализе, хотя некоторые факты, что называется, лежат на поверхности. Например, хорошо известно, что многие деятели славянского национально-возрожденческого движения (особенно на начальном этапе), в том числе и реформаторы языка (Й.Добровский, А.Бернолак, М.М.Годжа, П.Хилендарский, Н.Рильский, О.Копчиньский, С.Б.Линде и др.) были священниками или же имели теологическое образование. Своей патриотической, религиозной и национально-культурной

("будительской") деятельностью они в немалой степени способствовали решению вопроса о создании единого литературного языка того или иного славянского народа. С другой стороны, конфессиональные различия и противоречия, имевшие место в конкретном славянском социуме, становились иногда существенным тормозом на пути формирования единого литературного языка (например, у словаков и лужицких сербов). Конечно, только специальные исследования, посвященные данной проблематике, позволяют выявить и оценить более глубокие и разносторонние связи между церковно-вероисповедной историей славянских народов и историей их литературных языков. Первые шаги в этом направлении уже делаются [см.: Мечковская 1993, 77-79].

Несомненный интерес в свете вышесказанного представляет важный и все еще малоизученный вопрос о роли и значении переводов Библии в формировании и развитии славянских литературных языков эпохи национального возрождения, в становлении систем литературных норм этих языков, в обогащении их словарного состава.

В отечественной славистике инициаторами изучения этого вопроса в историко-культурном и филологическом аспекте были П.А.Дмитриев и Г.И.Сафронов, которые анализировали перевод "Нового Завета" на сербский язык, сделанный В.Караджичем [см.: Дмитриев, Сафронов 1984, 39-104; Дмитриев 1984, 108-132]. В последнее время интерес славистов к данной проблематике заметно возрос: была опубликована серия статей о переводах Библии на литературные языки западных и южных славян [см.: Венедиктов 1992, 70-88; Ермакова 1992, 60-69; Смирнов 1992, 47-59; 1993, 401-409; Тяпко 1992, 89-101], вышел в свет специальный сборник, охватывающий широкий круг вопросов, связанных с изучением роли библейских переводов в истории славянской культуры [см.: Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян, 1994]. Думается, что исследования в данной области следует продолжить. Переводы книг Священного

писания на родной славянский язык имели большое значение не только в религиозном отношении, но и в более широком общекультурном плане. Определенную роль они играли и в процессах становления национальных литературных языков. Представители разных течений национально-возрожденческого движения в славянских странах могли использовать библейские переводные тексты (в силу их особой престижности) в качестве одного из аргументов в пользу своего видения дальнейшего литературно-языкового развития. Иначе говоря, эти переводы помимо основной духовно-религиозной функции могли играть определенную роль в борьбе возрожденческой интеллигенции за введение в жизнь литературных языков, базирующихся на родной речи. Заметим, что с эпохой национального возрождения связана целая волна новых переводов Библии на литературные языки, которые имели в этом отношении старую традицию, например, чешский и польский (или многократных повторных изданий на этих языках), а также, что весьма существенно, появление первых переводов на национальные литературные языки, не имевшие такой традиции, например, на сербский, болгарский и словацкий. В связи с этим предстоит еще решать целый ряд вопросов историко-культурного, историко-церковного, социолингвистического и лингвистического плана. Важно, в частности, выяснить, чем была вызвана и обусловлена упомянутая волна новых и первых переводов Библии на формирующиеся славянские литературные языки? Какое место эти переводы занимали в системе социокультурных компонентов, определявших в изучаемый период национальное развитие данного славянского народа, то есть в "парадигме национальной эволюции"? [Lepček]. Какое место занимали переводы Библии в кругу других литературных текстов на конкретном славянском языке и как они соотносились с этими текстами? Какую роль библейские переводы сыграли в дальнейшей судьбе отдельных славянских литературных языков (в плане развития лексики, словообразовательной

системы, стилистической дифференциации литературного языка и т.п.)? Немаловажно также выяснить значение этих переводов в плане развития межславянских культурных и языковых связей [см.: Смирнов 1994, 151].

Имеет большое значение и нуждается в дальнейшем научном изучении вопрос о том, как в языковой теории и литературно-языковой практике эпохи национального возрождения отражались и преломлялись идеи и концепции славянской взаимности, как они влияли на понимание языковой ситуации в разных славянских странах, на выбор путей и способов формирования национальных литературных языков. Было бы очень интересно и важно раскрыть внутренне противоречивый характер использования идей славянской взаимности в языковой сфере: с одной стороны, они несомненно способствовали развитию и упрочению объединительных тенденций в области духовной культуры, литературы и литературных языков, с другой стороны, они в известной мере тормозили становление литературных языков тех славянских народов, которые еще только вставляли на путь самостоятельного национального развития. Напомним, что по концепции Я.Коллара "литературная славянская взаимность" базировалась на понимании "славянского народа" как единого целого, включавшего четыре "племени" (русское, польское, чехословацкое и иллирийское). И тем не менее даже в таком понимании концепция славянской взаимности давала импульсы к созданию новых славянских языков.

С данной проблематикой органически связан важный вопрос о разработке в рассматриваемую эпоху теоретических концепций, разного рода программ и проектов создания на основе идей славянской взаимности искусственных литературных языков, которые помогали бы усилить и закрепить реальные интеграционные тенденции в области литературы и культуры славянских народов. При этом степень объединения могла быть различной, в связи с чем разрабатывались проекты создания *единого* литературного

языка для всех славян (общеславянского литературного языка), *регионального* литературного языка (ср., например, опыт создания Л.Гасм общего литературного языка для хорватов, сербов и словенцев как единого иллирийского народа) или же общего литературного языка для двух народов (например, своеобразного "чешско-словацкого" литературного языка, теоретическую концепцию которого выдвинули и в 20-30-х гг. XIX в. пытались реализовать на практике видные деятели словацкого и чешского национально-возрожденческого движения П.Й.Шафарик и Я.Коллар).

Большое значение в общественной и культурной жизни славянских народов в XIX в. имела проблема создания общеславянского литературного языка, которая активно обсуждалась в среде славянской интеллигенции. Идея создания такого языка была в тот период особенно популярна у западных и южных славян. В ее основе лежало представление об единстве славянского народа, об его этнической, языковой и культурной близости. Но, конечно, очень большую роль в попытках реализации этой идеи играли социально-политические условия, в которых развивалось национально-возрожденческое движение угнетенных славянских народов Австрийской империи [см. об этом: Чуркина 1993, 180-195]. При этом речь шла об общем языке литературы и науки, так как предполагалось, что в сфере повседневного общения будут по-прежнему использоваться родные языки отдельных славянских народов. Известно, что по данному вопросу имеется довольно богатая старая научная литература, а также немало публицистических статей. Тем не менее с позиции современного славяноведения многие вопросы, связанные с раскрытием путей и способов создания общеславянского литературного языка, нуждаются в дальнейшем изучении в социолингвистическом и историко-культурном аспектах. В частности, еще предстоит провести детальный сравнительный анализ различных моделей искусственного общеславянского ("всеславянского") литературного языка, в той или иной мере

отражавших сложное переплетение стремлений их авторов учитывать факторы национального и универсального (общеславянского) характера, см., например, модель словака Я.Геркеля, издавшего в 1826 г. книгу "Основы общего славянского языка" (*Elementa universalis linguae Slavice*) [ср.: Mat'ovčík 1961, 62-70; Матёвчик 1969, 27-31] и словенца М.Маяра — автора "Взаимной славянской грамматики", опубликованной в 1865 году [см.: Čurkina 1974].

По-прежнему актуальным является также широкий круг вопросов, касающихся различных аспектов взаимосвязи и взаимодействия славянских литературных языков на стадии их становления и начального функционирования. В современной славистике одним из инициаторов изучения истории взаимовлияния литературных славянских языков был Л.А.Булаховский, обративший особое внимание на выяснение роли лексических заимствований в процессе формирования словарного состава литературных славянских языков. В своем известном труде "Возникновение и развитие литературных языков" (1946) он верно заметил: "Развитие литературных языков не замыкается в национальных рамках" и высказал предположение, что этот процесс "везде и всегда отражает взаимодействие человеческих культур и их выразителей - языков" [Булаховский 1975, 470]. Данной проблематике Булаховский посвятил также специальную статью [Булаховский 1951, 37-49], имевшую большое теоретико-методологическое значение [см.: Мельничук 1988, 5-10].

В свое время, более сорока лет назад, Б.Гавранек в статье "К вопросу о межславянских связях литературных языков" (1955) [Navránek 1963, 328-336] убедительно показал, что рассматриваемая проблематика является важным аспектом сравнительного изучения литературных славянских языков. С тех пор в этом ключе проведено немало интересных исследований, прежде всего о взаимовлиянии славянских литературных языков в сфере лексики и терминологии, см.,

например, книгу Г.А.Лилич "Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка" (Ленинград, 1982). Применительно к эпохе национального возрождения взаимовлияние литературных славянских языков исследуется в докторской диссертации В.Е.Моисеенко "Чешско-инославянские языковые связи эпохи национального возрождения (30 – 80-е годы XIX века)" (Львов, 1989), в которой наряду с освещением ряда общих теоретических положений детально анализируются процессы освоения лексических бжегизмов в словенском, сербском, хорватском, верхнелужицком и галицко-украинском литературно-письменных языках на фонетическом, морфематическом и семантическом уровнях, а также характеризуются особенности чешского языкового влияния в сфере словообразования. Целесообразно продолжить филологические, социолингвистические, лингвистические и историко-культурные исследования в данной области славистики, не ограничиваясь при этом сферой лексики и терминологии. В зону поиска важно вовлечь материал тех литературных языков, которые в интересующем нас плане еще недостаточно изучены. В перспективе можно, вероятно, ставить задачу подготовки трудов обобщающего характера. Как отмечает Моисеенко, "немалый опыт изучения истории отдельных славянских литературных языков, исследования результатов межславянских языковых контактов разных эпох, в том числе в эпоху национального возрождения славянских народов Центральной и Юго-Восточной Европы, представляет уже сегодня возможность комплексного описания процессов и результатов межславянского культурно-языкового взаимодействия во всем многообразии комбинаций двух- и многосторонних контактов ..." [Моисеенко 1993, 40].

Недостаточно разработанной представляется проблема пуризма, имевшая существенное значение в эпоху национального возрождения. В то время в кругах образованной части общества разных славянских стран вопросы борьбы за "чистоту" формирующихся национальных литературных

языков были особенно актуальными. Ещё предстоит более глубоко раскрыть положительные и отрицательные стороны этого явления, показать различную направленность, степень интенсивности и результативности пуристических тенденций, их общие и специфические черты в истории отдельных славянских литературных языков. При оценке тех или иных проявлений пуризма необходим, естественно, конкретно-исторический подход, который бы учитывал специфику определенной языковой ситуации, влияние различных объективных и субъективных факторов, в том числе и реакцию языкового коллектива на усилия пуристов по очищению литературного языка от "чужих" и нелитературных элементов. История славянских литературных языков предоставляет в этом плане богатый и интересный материал, который в значительной мере ещё не проанализирован и ждет своего исследователя. При его описании следовало бы учитывать результаты новейших разысканий в области теории пуризма. В этом отношении значительный интерес представляет книга канадского лингвиста Г.Томаса "Лингвистический пуризм" [Thomas 1991].

Представляется важным и дальнейшее изучение закономерностей внутрисистемной динамики разных уровней структуры формирующихся в эпоху национального возрождения литературных славянских языков (их фонетического и грамматического строя, словарного состава, системы словообразования и т.п.).

В заключение отметим ещё один важный ракурс исследования вопросов истории литературных славянских языков эпохи национального возрождения. Мы имеем в виду выяснение роли российской славистики XIX в. в изучении и научном освещении процессов становления и развития литературных языков южных и западных славян. С этой целью предстоит детально проанализировать взгляды российских славистов по принципиально важным вопросам формирования этих языков, изучить их оценки различных опытов создания или

обновления в рассматриваемую эпоху национальных литературных языков зарубежных славян, их отношение к нормализаторской и кодификаторской деятельности южнославянских и западнославянских реформаторов языка. Данная проблематика по самой своей сути носит комплексный характер, так как она относится не только к истории славянских литературных языков, но также к истории славяноведения и к истории межславянских (русско-инославянских) научных связей. Именно в таком плане будет выполняться запланированный отделом славянского языкознания Института славяноведения РАН коллективный труд "Российская филологическая наука и зарубежное славянство: отечественные слависты XIX в. о формировании национальных литературных языков южных и западных славян".

ЛИТЕРАТУРА

Булаховский Л.А. К истории взаимоотношений славянских литературных языков // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1951. Т. 10. Вып. 1.

Булаховський Л.А. Виникнення і розвиток літературних мов // Булаховський Л.А. Вибрані праці в п'яти томах. Т.1. Київ, 1975.

Венедиктов Г.К. Судьба первых печатных изданий Нового Завета в новоболгарских переводах // Информационный бюллетень. МАИРСК. Вып. 26. М., 1992.

Виноградов В.В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967.

Дмитриев П.А. Значение переводов Вука Караджича для формирования сербского национального самосознания // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1984.

Lenček Rado L. Paradigm of Slavic National Evolution: Bible - Grammar - Poet // *Slovene Studies: Journal of the Society for Slovene Studies*. 1984. Vol. 6. Num. 1-2. P. 57-71.

Mat'ovčík A. Ján Herkel' a jeho jazykovedné dielo // *Jazykovedný časopis*. Roč. XII. 1961. Čís. 1.

Thomas G. Linguistic Purism. London-New York. 1991.

лингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения (конец XVIII – вторая половина XIX в.). Тезисы докладов международной конференции. Ноябрь 1993. М., 1993.

Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт-Петербург. 1994.

Смирнов Л.Н. К истории перевода Библии на словацкий язык // Информационный бюллетень. МАИРСК. Вып. 26. М., 1992.

Смирнов Л.Н. О первом переводе Библии на словацкий литературный язык // *Philologia slavica*. К 70-летию академика Н.И.Толстого. М., 1993.

Смирнов Л.Н. О роли переводов Библии в становлении и развитии литературных славянских языков эпохи национального возрождения // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт-Петербург. 1994.

Толстой Н.И. О курсе истории русского литературного языка академика В.В.Виноградова // Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. М., 1982.

Толстой Н.И. Предисловие // Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Тяпко Г.Г. Перевод Библии в социально-культурном контексте национального возрождения сербского народа // Информационный бюллетень. МАИРСК. Вып. 26. М., 1992.

Чуркина И.В. Проблема создания общеславянского языка в конце XVIII-XIX вв. Национально-политический аспект // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 1993.

Čurkina I. Matija Majar-Zilijski. Ljubljana, 1974.

Havránek B. K otázce mezislovanských vzťahů spisovných jazyků // Havránek B. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963.

Lenček Rado L. Paradigm of Slavic National Evolution: Bible - Grammar - Poet // Slovene Studies: Journal of the Society for Slovene Studies. 1984. Vol. 6. Num. 1-2. P. 57-71.

Mat'ovčik A. Ján Herkel' a jeho jazykovedné dielo // Jazykovedný časopis. Roč. XII. 1961. Čís. 1.

Thomas G. Linguistic Purism. London-New York. 1991.

Р.Цойнская
(София)

**Балканские литературные языки
в эпоху Возрождения –
общие черты и специфика в их развитии**

В изучении литературных языков (их современного состояния или исторического развития) – одной из актуальных проблем языкознания в последние десятилетия – возникают новые аспекты исследования. Внимание языковедов направлено не только на общетеоретические вопросы и конкретные особенности развития отдельных литературных языков, но и на сопоставительное исследование и типологическую характеристику различных литературных языков, в том числе и языков Балканского полуострова. Изучение литературных языков балканских народов в сопоставительно-типологическом плане раскрывает важные стороны истории отдельных литературных языков в различные периоды, например, в период Предвозрождения [Демина 176, 284-291], в национальную эпоху [Gutschmidt 1978, 404-410; Минчева 1987, 75-123; Нејман 1968, 135-137] – особенности в формировании болгарского и сербского литературных языков [Попов 1975, 1-11], роль книжной традиции и особенности церковнославянского влияния в истории болгарского и сербского литературных языков [Гутшмидт 1969, 71-82; Минчева 1987, 97-111; Станков, Иванова 1993-1994, 426-436], нормализация и кодификация болгарского, сербского и хорватского литературных языков в эпоху Возрождения [Иванова 1983; Иванова 1987, 124-179], отношение к традиции и выбор диалектной основы болгарского, сербохорватского и словенского языков [Толстой 1981, 124-134], роль теории в формировании сербохорватского,

болгарского и румынского литературных языков в XIX в. [Нейман 1964, 25-31; Нейман 1962, 565-568]. Кроме того сопоставительные исследования имеют отношение и к ряду теоретических вопросов в связи с темой "Язык и общество": отношение между развитием языка и нации, зависимость между развитием языка и культуры, роль культурных центров (до образования самостоятельных государств и позднее) в оформлении литературного языка, значение литературно-языковых контактов и отношение между самостоятельным развитием и чужим литературно-языковым влиянием (например, насколько общие черты в двух или более языках обязаны чужому влиянию или же они представляют собой результат самостоятельного национального развития). Представляют также интерес отношения между типом литературного языка и языковым родством, территориальная близость, историко-культурная общность некоторых народов, а также тезис об обособлении балканской общности литературных языков (по аналогии с существованием балканского языкового союза) и ее релевантных признаках [Иванова 1984, 52-57].

Поставленная тема дает возможность рассмотреть указанные проблемы в нескольких планах (внешнеязыковой, внутриязыковой), с применением разных подходов сравнительного анализа. С одной стороны, на основе общих процессов, отличающих литературно-языковое развитие в эпоху нации (функциональное развитие, создание нормативного единства, сближение литературного языка с разговорным; подробнее см. [Гухман 1960, 295-307]), могут быть рассмотрены конкретные формы реализации этих процессов в отдельных литературных языках на Балканах. С другой стороны, можно сравнить общие тенденции в развитии национального литературного языка: тенденции к демократизации, интеллектуализации и полифункциональности [Gutschmidt 1984, 48-50]. Представляет также интерес сравнение дифференциальных признаков литературного языка (в плане их

установления в национальную эпоху): обработанность и связанный с этим отбор; наддиалектность, тенденция к регламентации, связанная с отбором; определенный уровень гомогенности, что не исключает возможности территориального и социального варьирования; поливалентность, порождающая стилевое многообразие и функционально-стилистическое варьирование (ср. [Гухман 1983, 11 и сл.]). Как показывают исследования, хорошие результаты дает анализ с помощью системы понятий теории литературных языков, предложенной Пражской школой. Признаки, предложенные А.Едличкой для характеристики современного литературного языка и его сравнительного исследования, очень ясны: особенности языковой ситуации, место и положение литературного языка в этой ситуации; характеристика литературной нормы и ее связь с кодификацией; соотношение между письменной и разговорной формами языка; стилистическое расслоение литературного языка в связи с основными сферами коммуникации; вопросы культуры языка [Jedlička 1978, 29-30].

Что же касается конкретно периода Возрождения, когда утверждается основа и определяется облик современных балканских литературных языков, то важно установить не только характер литературного языка (например, по отношению к книжной традиции и современной разговорной речи, к диалектной основе), но также уяснить и способ его формирования (например, спонтанное развитие и целенаправленная деятельность по нормализации языка), интенсивность литературно-языковых процессов.

В настоящей статье на основе обобщения результатов в существующих исследованиях (достаточно различных по проблематике, способу анализа и полученным результатам) будут рассмотрены: 1) общие черты создания литературных языков балканских народов в XVIII-XIX вв. [имеются в виду особенности, типичные для данного исторического периода, которые присущи и многим другим национальным литературным

языкам, и особенности, характерные для всех языков (или для большей их части) указанного географического региона]; 2) особые черты, национально-специфическое в создании и развитии отдельных литературных языков, как и причины разных результатов национального литературно-языкового процесса в конце XIX в. Будет предложен ответ на вопрос: существует ли балканская литературно-языковая общность в национальный период?

1. Период второй половины XVIII в. и большей части XIX в. (с известной условностью границ для отдельных балканских народов) в социально-историческом плане – это время образования балканских наций, а в историко-культурном плане – время создания национальных культур. Формирование национальных литературных языков большинства балканских народов хронологически с незначительными отклонениями совпадает с указанным периодом. Следовательно, литературно-языковой процесс в разных балканских странах и по содержанию, и по своему результату совпадает – все народы формируют свой национальный литературный язык именно в период перехода от средневековья к новому времени. Вследствие внутриязыковых изменений и функционального развития литературный язык получает новый статус, изменяется его место в языковой иерархии в отдельных языковых ситуациях. Что касается начала национального периода, то языковая ситуация в это время характеризуется состоянием двуязычия, обычно гомогенного или гетерогенного характера ¹, и многоязычием. Например, социально-функциональная дистрибуция словенского и других языков на словенских землях имеет следующий вид: во всех официальных сферах общения использовался немецкий язык, в неофициальных сферах имело место

¹ У некоторых народов, например, у хорватов, двуязычие имеет смешанный характер; ср. [Толстой 1988, 24].

двуязычие (словенско-немецкое и словенско-итальянское) – в высших и средних общественных слоях или одноязычие – на словенском говорили низшие слои городского и сельского населения, в церкви использовались латынь и немецкий, но многие священники проповедовали и на словенском языке [Плотникова 1978, 330-331].

Общая особенность языков балканских народов (особенно в начале рассматриваемого периода) – суженные, ограниченные функциональные сферы родного языка вследствие зависимого и бесправного положения народа, говорящего на соответствующем языке. В форме диалектов он служил главным образом для устного общения в бытовой сфере, на нем поддерживалась и фольклорная традиция. Сохранилась, несмотря на очень трудные условия многовекового рабства, и письменная традиция.

Характерная особенность балканских стран в указанный период – необходимость защиты родного языка. Важный этап национального движения всех балканских народов представляет борьба за утверждение родного языка (через язык – и признание равноправия народов и их культуры). Нужно было не только защитить его права в образовании, богослужении и других общественных сферах, но и развить его выразительные возможности, создав разнообразную в жанровом отношении литературу. В начале национального периода родной язык имеет несколько функций: национально-репрезентативную, национально-отграничительную и национально-интегрирующую [Богданова 1977, 65]². Особое место, которое занимает язык во взглядах первых национальных деятелей, – выражение качественно нового понимания значения родного языка в национальных процессах и его роли в изменяющихся общественных условиях. Активная защита родного языка (ср. у

² Как подчеркивает и Л.Н.Смирнов, особенно сильно осознавалась национально-репрезентативная функция родного языка [Смирнов 1981, 100].

Паисия Хилендарского: "Ты, болгарин, не прельщайся, знай свой род и учись на своем языке!" (1762), у М.Похлина: "Не будем стыдиться своего родного языка, дорогие соотечественники" (1768) (цит. по [Чуркина 1985, 188], или у Л.Гая, озаглавившего свою статью: "Без любви к родному языку нет любви к родине" (1835) (цит. по [Данилова 1985, 144]) и деятельность по развитию родного языка и расширению его функций (сначала в образовании, богослужении, литературе, а позднее и в других духовных сферах) отражают формировавшееся национальное сознание, решительный отпор денационализации части поработленного населения, попыткам ассимиляции на языковой основе.

Отдельные разновидности родного языка (письменная, книжная форма и устная, разговорная форма) и различные литературно-языковые традиции первоначально четко не дифференцировались. Первостепенной задачей становится противопоставление родного языка чужому языку или чужим языкам поработителей и доказательство его полноценности как средства общения. Вопрос о разграничении литературного языка и диалектов, создании национального литературного языка возникает позднее (например, в болгарском языке - к середине 30-х годов XIX в.) [Венедиктов 1977, 296 и сл.].

С ускоренным развитием национальных литературных языков (у большинства народов – со второй половины XVIII в. и в XIX в.) наступают изменения в использовании языков в некоторых сферах, наблюдаются изменения в престижной иерархии отдельных языковых формаций (ср. латинский, новогреческий; церковнославянский язык в Болгарии в XIX в. остается языком религиозной сферы, функции и сферы, которые он обслуживает, не расширяются). Более существенные изменения в языковой ситуации наступают с образованием национальных государств: до 30-х годов XIX в. – независимое королевство Греции и Сербское княжество, в 1878 г. – Болгария и Румыния (предшествоемое объединением

Дунайских княжеств в одно государство в 1859 г.), а в 1912 г. – албанское государство.

Типичным проявлением в рассматриваемый период во всех странах было активное отношение общества к вопросам родного языка. Особенно возрастает роль субъективного фактора в развитии литературного языка [Смирнов 1981, 100]. Происходит оживленное обсуждение пути создания новой литературно-языковой формы. С одной стороны, в это время необходимо было решить ряд практических задач по составлению учебников, переводу книг, изданию газет и журналов на родном языке, а с другой – обсудить вопросы литературного языка и его правописания. Участие в обсуждении языковых вопросов считалось патриотическим долгом каждого образованного болгарина [Венедиктов 1977, 299]. Участники обсуждения состояния и пути создания литературного языка указывают, что изменения должны затронуть разные стороны языка: 1) в структурно-нормативном плане – отношение к разговорному языку (близость или удаленность), основа нормы (на основе одного или большого числа диалектов), место донациональной книжной традиции, отношение к другим литературным языкам, вопрос о стабилизации и унификации литературного узуса и кодификации литературной нормы; 2) в функциональном отношении – вытеснение других языков, функционирующих в качестве литературных во всех или некоторых коммуникативных сферах, утверждение родного литературного языка в новых сферах (а также и закрепление его в некоторых традиционных сферах, характеризующихся новыми чертами), расширение функций (тенденция к поливалентности), рост числа носителей литературного языка; 3) графику и правописание. Наиболее существенными вопросами, которые предстояло решать в отдельных странах, были: о книжной традиции и диалектной основе (в болгарском языке; подробнее см. [Венедиктов 1981]), об отношении между литературным и разговорным языком (в греческом языке), о единстве языка и собственной азбуке (в

албанском языке), о едином литературном языке на общей народной основе (в сербском и хорватском языке), о преодолении локальных типов литературного языка (в словенском языке).

Подъем в различных областях общественной жизни (со второй половины XVII в. и в начале XIX в., а для албанского народа – со второй половины XIX в.), новые задачи в национальном просвещении и литературе выдвинули на первое место вопросы языка. Необходимость развития и совершенствования языка литературы, оформления общего литературного языка как важного интегрирующего фактора и основной предпосылки развития нации и подъема культуры осознается в разное время (но в пределах нескольких десятилетий) во всех балканских странах. Важное место в национальной культуре балканских стран в XVIII – XIX вв. занимают заботы о развитии и совершенствовании родного языка – первые национальные просветители обращают внимание на языковую сторону своих сочинений, издают много учебников, грамматик, словарей, проявляется и научный интерес к родному языку.

Нужно отметить еще одну общую черту балканских литературных языков эпохи Возрождения – большой интерес к историческим корням языка и поиск генетических языковых связей с другими народами. Культ древней эллинистической культуры становится основным фактором в решении языкового вопроса греческим государством в 30-е годы XIX в. [Логачев 1981, 211-221]. Патриотическим мотивам служат и паннонская теория Е.Копитара – Ф.Миклошича о происхождении древнеболгарского языка (авторитетная теория до конца XIX в.) и тезис о пелазгийском происхождении албанцев.

Указывается на языковое родство как болгар, сербов, хорватов и словенцев, так и между ними и другими славянами (русскими, чехами, поляками и др.), делаются попытки сближения славянских народов через язык и графику – идея создания общего литературного языка южных славян путем

слияния всех наречий (Загребская школа – Л.Гай и др., в Словении – О.Цаф, А.Кремпл, Д.Трстеньяк) [Лециловская 1977, 123-124] и языкового сближения славянских народов на базе древнеболгарского языка (Ф.Левстик) [Чуркина 1977, 251]. Идея единого литературного языка становится реальностью только у сербов и хорватов, а в графике – у словенцев, хорватов и чехов. Подчеркивание языкового происхождения и родства служит интеллектуализации некоторых литературных языков на древнеболгарской и славянской основе, например, в болгарском устраняются турецкие и разговорные греческие слова, а в словенском – немецкие и итальянские. Тенденция к грамматической и лексической общеславянской близости на начальной стадии развития национальных литературных языков расценивается как "славянская диахронная константа" [Иванова 1985, 58]. Сходные процессы протекают и в румынском языке. В конце XVIII в. и первой половине XIX в. так называемые латинисты и романисты доказывают романское происхождение румынского народа и его языка и стремятся сблизить румынский язык с родственными ему романскими языками, возродить забытые (романо-латинские) формы, слова, выражения [Лухт 1984, 295].

2. Вопрос о традиции указывается как один из показателей сопоставительно-типологического описания и типологической классификации литературных языков ³. В ряду основных

³ У Д.Брозовича - это четвертый признак: Языки с непрерывным развитием от эпохи формирования современной субстанции и структуры ~ языки с не непрерывным развитием, с известным обновлением исходной субстанции структуры [Брозович 1967, 27]. К признакам группы Б "Особенности исторического развития литературного языка" Н.И.Толстой относит отношение к традиции и продолжительности книжной традиции: 1) сохранение традиции / разрыв с традицией, 2) непрерывность развития / перерыв в развитии, 4) давнее / недавнее возникновение литературного языка (традиции). При типологическом анализе славянских литературных языков на основе их формирования В.Мурдаров учитывает и фактор книжной традиции, имея в виду традицию и как языковой материал, т.е.

тенденций развития в эпоху Возрождения Е.И.Демина рассматривает отношение к традиции и народной основе [Демина 1978, 142-143]. По мнению А.Минчевой, поиск опоры в традиции является "общим признаком балканских литературных языков, который типологически релевантен для протекания их нормообразующих процессов и для конечного результата – современной субстанции и структуры каждого из этих литературных языков и характера их нормативности (стандартности)" [Минчева 1987, 79].

Все балканские народы до национального периода имеют письменность на родном языке и литературный язык на своей (родной) основе. По продолжительности письменной традиции самый древний – греческий язык, начало которого лежит в античности, за ним следует болгарский (со второй половины IX в. – книжное дело святых братьев Кирилла и Мефодия и их учеников), сербский и хорватский (с XII в. – соответственно Мирославо и Вуканово евангелия и Венские глаголические листки), словенский (первые памятники относятся к X в., но литературный язык связан с деятельностью П.Трубара и других протестантских книжников времен Реформации (XVI в.), румынский (с XVI в. – перевод славянских религиозных текстов), албанский (с XVI в. – деятельность католического духовенства в Северной Албании).

На начальном этапе национального периода почти все балканские народы не наследуют от предшествующих веков единой стабильной литературно-языковой системы, которая бы утвердилась в качестве средства письменного (а позднее и устного) общения. Причины такого состояния разнообразны – или слабость книжной традиции (в словенском – после победы контрреформации, в албанском – книжные традиции до Возрождения ограничены в своем распространении и развиваются изолированно одна от другой [Десницкая 1960, 219-

субстанцию, и как осознанную организованность, т.е. структуру [Мурдаров 1983, 23-30].

251], или создание различных книжных форм на родной языковой основе (греческий, болгарский, хорватский) или же на родной и близкородственной языковой основе в отдельных функциональных сферах (сербский). Только в румынском до середины XVIII в. родной язык вытесняет литературный язык на чужой основе (древнеболгарский) и происходит унификация литературных вариантов на уровне языка печатных текстов [Лухт 1984, 291].

Общая особенность донациональных литературных языков Балканского полуострова — ограниченные функциональные сферы, которые ими обслуживались, жанровая ограниченность литературы на родном языке, небольшое число носителей, узкая социальная база литературного языка (как в отношении его носителей, так и в отношении участников в его создании). В XVI-XVIII в. в литературно-языковом развитии болгар, румын, греков и албанцев наблюдается общая тенденция к демократизации литературного языка путем создания литературной формы на базе разговорной народной речи того времени [Демина 1976, 186 и сл.].

В зависимости от отношения к донациональной книжной традиции национальные литературные языки Балканского полуострова формируются тремя путями: 1) сохранение донациональной традиции, без значительных структурных изменений; два типа (по характеру самой традиции, ее языковой основы) — архаический тип (греческий) и неархаический тип (румынский); 2) ориентация на современную разговорную речь и отдаление от традиции (сербский, хорватский, албанский); причины создания национального литературного языка на новой основе различны — в сербском происходит сознательный разрыв с письменной традицией XVIII в. и начала XIX в. (реформа В. Караджича), в албанском по объективным причинам и в отсутствие конфликта с предшествующей традицией; на практике, однако, и в этих случаях не было полного разрыва с донациональной традицией; 3) синтез традиции и современной народной речи (болгарский, словенский); при этом в одних

случаях имеет место отдаление от традиции, в других, ее принятию. Исследования показывают, что во всех случаях литературный язык предшествующей эпохи участвует, естественно, в разной степени, в формировании национального литературного языка.

По способу формирования выявляются две группы балканских литературных языков. 1) Большая часть языков формируется эволюционным путем — в результате языковой практики и кодификационной деятельности нескольких поколений деятелей, свободного обсуждения языковых и орфографических вопросов, т.е. преобладают демократические тенденции в языковых процессах. Так развиваются болгарский, словенский, хорватский (до середины XIX в.), румынский, албанский; 2) Неэволюционным путем формируется сербский (до середины XIX в.) и греческий. Реформа В. Караджича, которая утверждается в 1868 г. в борьбе с противниками, прерывает естественное развитие сербского литературного языка до начала XIX в. С введением административным путем кафаревусы официальным языком греческого государства также прерывается постепенное развитие языка, но языковой вопрос остается не решенным не только до конца прошлого века, но и в продолжение большей части XX в. [Логачев 1973, 105-113].

Переход к национальному литературному языку у балканских народов совершается разными темпами, в разное время; при этом наблюдаются различия не только между отдельными народами, но и между районами одной этнической территории. В зависимости от интенсивности национального развития южнославянские языки можно представить в такой последовательности: сербский, хорватский, болгарский, словенский [Толстой 1981, 126]. Развитие балканских литературных языков в XVIII — XIX вв. отличается асинхронностью как с точки зрения начала и завершения различных литературно-языковых процессов, так и в отношении времени стабилизации современной литературной

системы. Наблюдается последовательность в их развитии в зависимости от общей задачи, основной цели, но в разных языках это происходит неодновременно. 1) Для словенского языка началом национального периода указывается крайняя грамматика А.Похлина (1768), а к 70-м годам XIX в. в нем почти окончательно выработаны основные нормы, близкие к современным; к 1848 г. устанавливается графическая система – так называемая гаица. 2) В болгарском со второй половины XVIII в. (с появлением "Истории славяноболгарской" Паисия Хилендарского, 1762 г.) до Освобождения (1878 г.) формируется современный облик литературного языка, а до конца XIX в. завершаются унификационные процессы. В 1899 г. введена первая официальная орфография. 3) В румынском начало нового периода фиксирует первая оригинальная печатная грамматика (1780 г.). К середине XIX в. постепенно оформляется национальный литературный язык, но полная унификация его норм происходит после образования национального государства. В 1860 г. в качестве официальной вводится латинская азбука, закрепленная и орфографической реформой 1904 г. 4) В соответствии с Венским литературным договором (1850 г.) принимается литературный язык сербов и хорватов (с двумя графическими системами – кириллицей и латиницей), но единство этого языка устанавливается практически в конце XIX в. Принятию общего сербохорватского языка предшествует самостоятельное национально-языковое развитие у сербов (80-е годы XVIII в. – первая половина XIX в.) и у хорватов (середина XVIII в. – первая половина XIX в.). 5) В албанском во второй половине XIX в. складываются две разновидности литературного языка (тоскский и гегский варианты) с разной диалектной основой. В 1908 г. принимается латинская азбука. 6) В греческом проблема языка, возникшая в конце XVIII в. и начале XIX в., не решена и после создания греческого государства, как и на протяжении всего XIX в.

Особенности развития наблюдаются также в результате национальных литературно-языковых процессов. В одних языках унификационные процессы завершаются до конца XIX в. и устанавливается общий единый литературный язык (болгарский, румынский, словенский). В других языках до конца XIX в. задача достижения единства национального литературного языка не решена - параллельно функционируют две формы: на архаичной и разговорной основе (греческий) и на северной и южной диалектной основе (албанский).

Из сделанного выше анализа становится ясно, что трудно выработать общую модель развития балканских литературных языков в XVIII — XIX вв. С углублением национальных процессов и особенно после создания национальных государств и национальной буржуазии усиливается дифференциация в культурном развитии, в том числе и в развитии литературных языков. Каким путем оформится новый литературный язык, общий для всей нации, стабильный, обработанный, поливалентный, зависит от специфики отдельных национальных культур. Необходимо иметь в виду: 1) различия в условиях (общественно-политические, социальные, культурные, например, социальная структура общества, формирование национальной интеллигенции, степень развития культурных процессов и др.), 2) особенности языковой ситуации (как предшествующей, так и национального периода), 3) задачи каждой страны, внутренние потребности соответствующего национального коллектива, общества как целого. В создании и развитии литературного языка национального периода существенны прежде всего социальные и культурные факторы⁴ и в меньшей степени языковое родство, территориальная близость или общие структурные черты⁵. Например, болгар-

⁴ Л.Н.Смирнов с основанием обращает внимание на социолингвистический и историко-культурный аспекты в изучении процессов создания литературных языков [Смирнов 1981, 99].

⁵ См. обоснование этого вопроса [Иванова 1985, 54-55].

ский язык, по генетическим признакам входящий в группу южнославянских языков, а по структурным чертам к балканскому языковому союзу, в создании современной литературной формы обнаруживает и сходства, и различия только с некоторыми из языков обеих групп.

В XVIII-XIX вв. на Балканском полуострове представлены разные варианты развития литературного языка в начале национального периода. Чтобы ответить на вопрос о наличии балканской общности литературных языков в период перехода от средневековья к новому времени и ее признаках, о балканских чертах литературного языка и их отношения к общим признакам литературного языка национального периода, необходимы новые исследования как по истории отдельных литературных языков, так и теоретического плана. Эти проблемы должны быть предметом будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

Богданова И.А. Просвещение как начальный этап формирования национальных культур // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Брозевич Д. Славянские стандартные языки и сравнительный метод // Вопросы языкознания. 1967. № 1.

Венедиктов Г.К. О месте родного языка в движении болгар за национальную культуру // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Венедиктов Г.К. Из истории современного болгарского литературного языка. София, 1981.

Гутшиmidt К. О роли церковнославянского языка в формировании современных болгарского и сербского литературных языков // Вопросы языкознания. 1969. № 6.

Гухман М.М. Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков // Труды Института языкознания. Т. X. Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.

Гухман М.М. К вопросу о соотношении донациональных и национальных литературных языков // Социально-историческая обусловленность развития молдавского национального языка. Кишинев, 1983.

Данилова А.В. От культуры народностей к хорватской национальной культуре // Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX веков. М., 1985.

Демина Е.И. Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских литературных языков // Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976.

Демина Е.И. К теории сравнительно-типологического изучения славянских литературных языков // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Загреб–Любляна, сентябрь 1978. Доклады советской делегации. М., 1978.

Десницкая А.В. Из истории образования албанского национального языка // Труды Института языкознания. Т. X. Вопросы формирования и развития национальных языков. М., 1960.

Иванова Н. Типологическа характеристика на нормализационните и кодификационните тенденции при формирането на българския, сръбския и хърватския книжовен език от националния период. София, 1983.

Иванова Н. По въпроса за особеностите на балканския съюз на книжовните езици през Възраждането // Съпоставително езикознание. Год. IX. 1984. № 3.

Иванова Н. Некоторые вопросы исторической типологии балканских и славянских литературных языков в эпоху Возрождения // Linguistique balkanique. Т. XXVIII. 1985. № 1.

Иванова Н. Основни тенденции в кодификацията на българския и сърбохърватския книжовен език през Възраждането // Годишник на Софийския университет "Климент Охридски". Факултет по славянски филологии. Езикознание. Т. 77,1 за 1983. София, 1987.

Лециловская И.И. Идеи единения славянских культур в первой половине XIX в. // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Логачев К.И. Проблема новогреческого литературного языка в постановке основоположников новогреческого языкознания // Вопросы языкознания. 1973. № 3.

Логачев К.И. Языковой вопрос в период формирования греческой нации (о роли архаического письменного языка) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.

Лухт Л.И. Формирование румынского литературного языка в XVI-XIX вв. (Периодизация и история изучения) // Формирование романских литературных языков. М., 1984.

Минчева А. Ролята на традицията при възникването на новобългарския книжовен език // Годишник на Софийския университет "Климент Охридски". Факултет по славянски филологии. Езикознание. Т. 77,1 за 1983. София, 1987.

Мурдаров В. Към типологичната характеристика на славянските книжовни езици въз основа на тяхното формиране // Славистичен сборник. Посвещава се на IX международен конгрес по славистика в Киев, 1983. София, 1985.

Плотникова О.С. Становление словенского литературного языка в период национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Попов К. Общност и различие в образуването на балканските литературни езици – български и сръбски // Език и литература. Год. XXX. 1975. № 1.

Смирнов Л.Н. О языковом аспекте формирования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.

Станков В., Иванова М. За ролята на фактора традиция при изграждането на новобългарския книжовен език (в съпоставка със сръбския книжовен език) // Български език. Год. XLIII-XLIV. 1993-1994. № 5-6.

Толстой Н.И. Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., 1981.

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., 1988.

Чуркина И.В. Идея славянской взаимности в словенском национальном самосознании // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

Чуркина И.В. Становление национальных идей в словенской художественной культуре // Концепции национальной художественной культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII-XIX веков. М., 1985.

Gutschmidt K. Typologische Gemeinsamkeiten und Unterschiede der Herausbildung der nationalen Literatursprachen auf dem Balkan // Zeitschrift für Slawistik. Bd. XXIII. 1978. № 3.

Gutschmidt K. Zur Entwicklung der Nationalsprachen und zum Wandel der sprachlichen Situation bei den Slawen in der Zeit der Wiedergeburt // Lětopis Instituta za serbski ludospyt, R.B. Č. 31/1. 1984.

Heřman S. K vývoji spisovné bulharštiny a rumunštiny v XIX. století // Acta Universitatis Carolinae. Philologica. Slavica Pragensia IV. Praha, 1962.

Heřman S. Teorie spisovného jazyka na Balkáně v 19. století (Na okraj díla V.S.Karadžiće) // Acta Universitatis Carolinae. Philologica 2. Slavica Pragensia VI. Praha, 1964.

Heřman S. Proces stabilizace spisovných jazyků na Balkáně // Československé přednášky pro VI. mezinárodní sjezd slavistů. Praha, 1968.

Jedlička A. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1978.

Перевод с болгарского Г.К.Венедиктова

П.А.Дмитриев, Г.И.Сафронов
(Санкт-Петербург)

О причинах, способствовавших победе "вуковцев" в Хорватии в конце XIX века

Известно, что при стандартизации литературного языка в Хорватии в конце XIX в. решающую роль сыграла школа хорватских "вуковцев" – сторонников языковой концепции великого сербского реформатора Вука Караджича. "Вуковцы" успешно провели стандартизацию литературного языка в Хорватии, опираясь при решении спорных и открытых проблем на теоретические положения Вука Караджича и Джуро Даничича, на образцы их текстов (особенно на их классические переводы), а также на живой народный язык и тексты сборников устного народного творчества.

Уже в 1892 году были опубликованы и введены в школьное обучение правила правописания, составленные И.Брозом. Несмотря на то, что они допускали ряд отступлений от правил В.Караджича, можно считать, что с их появлением фонологический принцип правописания (он, кстати, и ранее предполагался некоторыми хорватскими грамматиками) в основном в Хорватии победил. Окончательную победу концепции В.Караджича – Дж.Даничича в Хорватии знаменовало появление в 1899 году "Грамматики" Т.Маретича [Maretić 1899] и в 1901 году - двухтомного словаря И.Броза и Ф.Ивековича [Broz, Iveković 1901]. И грамматика, и словарь построены главным образом на материале языка В.Караджича и Дж.Даничича и произведений устного творчества. При их составлении традиции и лексическое богатство хорватской литературы почти не учитывались. В этих трудах "вуковцев" был представлен классический образец литературного языка,

основанного на новоштокавском восточно-герцеговинском диалекте. Таким образом, в конце XIX в. "окончательная стандартизация хорватского языка, — как пишет Р.Катиич, — была проведена в духе Венского соглашения 1850 г. К тому времени в Сербии и Воеводине победила реформа В.Караджича, и тем самым был создан наконец сербский языковой стандарт. Установился общий новоштокавский стандарт хорватского или сербского языка... Эта стандартная новоштокавщина естественно включилась и в литературно-языковую традицию других народов, для которых этот язык является родным: черногорцев и мусульман" [Kačić 1987, 143]. Иными словами, были заложены основы общего литературного языка сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев. Хорваты называли этот язык "хорватский или сербский" (хрватски или српски). Несколько позднее появились термины "сербохорватский" (српскохрватски), "хорватосербский" (хрватскосрпски). Когда речь шла об одном народе, использовались также термины "сербский" (српски), "хорватский" (хрватски) язык. Грамматика Т.Маретича не была описательной, многие разделы ее были составлены на сравнительно-исторической основе. Тем не менее она была воспринята как грамматика нормативная. Даже в предисловии к третьему изданию в 1963 г. указывается, что эта грамматика "представляет собой полную кодификацию хорватосербского литературного языка" [Hraste, Rogić 1963, 7]. Еще в большей степени нормативной стала школьная грамматика Т.Маретича (Т.Марећ. Gramatika hrvatskog jezika. Zagreb, 1899). Она, действительно, предписывала нормы, указывала, что в литературном языке правильно, что неправильно, неоднократно переиздавалась, по ней учили в школах, длительное время она являлась основой и образцом при составлении грамматик другими авторами.

Не все хорватские и сербские писатели и языковеды признавали языковое и литературное единство сербов и хорватов. Некоторые хорватские писатели продолжали

создавать свои произведения, ориентируясь не столько на новые нормы, сколько на традиции старой хорватской литературы. Однако этот общий литературный язык сербов и хорватов реально существовал почти девять десятилетий. Он не получил в чистом виде реализации в творчестве какого-либо конкретного писателя. Это и не было возможно, поскольку полного единства не было достигнуто. Мы действительно не сможем назвать текст, который одновременно мог бы быть идентифицирован и как сербский, и как хорватский [Hrvatska akademija znanosti 1996, 163]. Но этот язык со своими новыми нормами оказывал существенное влияние на развитие языковой практики и лингвистической мысли как в Сербии, так и в Хорватии. Ряд писателей сумели отразить этот общий литературный язык сербов и хорватов в своих произведениях достаточно полно (причем это получалось успешнее у тех авторов, которые по характеру решаемых задач и описываемых проблем выходили на уровень межнациональный или общечеловеческий). Что касается хорватских языковедов, то многие из них даже в XX веке при составлении грамматик более осторожно, чем сербские, отражали в них изменения, произошедшие в живом языке (яркий пример – предисловие М.Храсте и П.Рогича к третьему изданию грамматики Т.Маретича), а в ряде случаев и писатели несмотря на изменение в языковой практике старались сознательно сохранять нормы В.Караджича – Т.Маретича¹.

Следует отметить, что на протяжении всей истории общего литературного языка сербов и хорватов в нем постоянно действовали центростремительные и центробежные силы, которые в зависимости от реализации тех или иных

¹ См., например, наблюдения И.Грицкат [Грицкат 1975, 222]. Ср. также сетования Л.Йонке по поводу того, что многие лекторы (редакторы) при подготовке текстов к печати даже в 60-е годы руководствуются "Языковым советником" Т.Маретича 1924 г. [Jonke 1964, 29].

внутренних закономерностей языка, а главным образом в связи с воздействием различных объективных и субъективных экстралингвистических факторов имели разное проявление. Полного языкового объединения сербов и хорватов не произошло. Различия в их языке были очевидны с самого начала. Были периоды, когда они сосуществовали в общем языке более или менее свободно, но были и такие периоды, когда языковые особенности одного народа (как правило, из соображений политических) сознательно навязывались другому в ущерб его собственным средствам выражения (подробнее см. [Дмитриев 1993, 22-50]).

Очевидные расхождения между языками сербов и хорватов в разное время разными авторами, признававшими сербское и хорватское литературно-языковое единство, понимались и квалифицировались по-разному: "сербизмы – хорватизмы", "лексико-стилистические различия", "региональные различия", "два типа языка", "два выразительных узуса", "две редакции языка", "два варианта языка" [Дмитриев, Сафронов 1975, 94]. Тем не менее большинство языковедов, а также сербских и хорватских писателей до недавнего времени признавали существование общего (не единого) литературного языка сербов и хорватов как системы, дающей представителям разных наций, говорящих на одном народном языке, потенциальную возможность коммуникации и создания литературных и научных произведений с одновременным использованием (в различном соотношении у разных авторов) выразительных средств, характерных как для сербов, так и для хорватов.

Убеждение большинства сербских и хорватских лингвистов в существовании общего литературного языка сербов и хорватов до распада СФРЮ выражено было, в частности, в статье "Jezik, srpskohrvatski / hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski" во втором издании энциклопедии Югославии" (Enciklopedija Jugoslavije. 2.izdanje, knjiga 5. Zagreb, 1988).

Статья написана крупнейшими лингвистами П.Ивичем и Д.Брозовичем, и ее текст был одобрен 12 мая 1988 г. на совещании лингвистов в Сараеве, в работе которого участвовали такие известные и авторитетные ученые как П.Ивич, Р.Катичич, Й.Еркович, Д.Чупич, М.Шипка, Б.Остоич, Ш.Гостл, В.Вискович [S.B. 1989, 96]. В списке языков, опубликованном Международной организацией по стандартизации в 1988 г., среди славянских языков, наряду с сербским (№ 861) и хорватским (№ 862), указан и сербохорватский (№ 861/862) [Uredništvo 1993, 150].

Говоря о победе "вуковцев" и концепции литературного языка В.Караджича – Дж.Даничића в Хорватии в конце XIX – XX вв., следует иметь в виду, что создание литературных произведений на народном языке и стремление осмыслить и систематизировать лексический и грамматический состав этого языка у хорватов имели более давнюю и более богатую и интенсивную традицию, чем у сербов. В различных регионах в хорватских землях с давних времен в разное время возникали и развивались крупные очаги литературы не только на чакавском и кайкавском, но и на штокавском наречиях, причем территории, на которые распространялась штокавская литература, постоянно расширялись особенно в XVIII и XIX вв. за счет вытеснения из литературы чакавского и кайкавского наречий (распространению штокавского наречия способствовало также переселение в хорватские земли в разное время больших групп сербского населения)². У хорватов был создан ряд ценных и широко известных (ими пользовался и В.Караджич) лексикографических трудов [например, словарь Ф.Вранчића, включавший чакавские, штокавские и кайкавские слова; словарь

² Традиция использования народного языка в сербской письменности также фактически не прерывалась, несмотря на турецкое иго, с XII в., однако у сербов не было крупных областных литературных очагов, и в произведениях художественной литературы до победы реформы В.Караджича народный язык использовался меньше, чем у хорватов [Младеновић 1973, 39-53; Толстой 1978, 269-328].

итальянца по рождению Я.Микаля "Blago jezika slovinskoga" (1649)]. Хорваты раньше, чем сербы, начали создавать грамматические труды (грамматика Б.Кашича, например, была опубликована в Риме в 1604 г.) и активнее сербов работали в этой области и в XVIII и XIX вв.

Важно помнить также и о том, что, начиная с 30-х – 40-х гг. XIX в., когда деятели иллирийского движения распространили штокавский диалект на области с кайкавским диалектом и встал вопрос о выработке единой модели литературного языка в общенациональном масштабе, в Хорватии было несколько филологических школ и боролось несколько концепций стандартизации литературного языка. Кроме модели литературного языка, предложенной В.Караджичем, большой популярностью пользовалась концепция Задарской филологической школы, предлагавшей стандартизировать язык на основе икавской штокавщины. Наиболее сильны были позиции Загребской филологической школы, ориентировавшейся сначала на икавскую штокавщину, а затем на штокавскую литературу Дубровника. (Обе эти школы выступали, однако, за сохранение старых падежных форм во множественном числе, чтобы сохранить близость с чакавцами и кайкавцами) (подробнее см. [Vince 1978, 629]). И несмотря на активную деятельность Задарской и Загребской филологических школ (Риекская школа была менее значительна и менее активна) при окончательной стандартизации литературного языка в Хорватии победила концепция В.Караджича – Дж.Даничича, победили "вуковцы". Естественно, возникает вопрос о причинах, обусловивших победу "вуковцев" или, во всяком случае, способствовавших этой победе. Этому вопросу ученые касались и ранее, но ответ на него стал актуальным особенно в наши дни, когда в Хорватии лингвистами начат процесс интенсивного и всестороннего отграничения языка хорватов от языка сербов, когда заново пересматривается (создается) история литературных языков в Хорватии, сама идея литературно-языкового единства хорватов

и сербов объявляется ошибочной, навязанной хорватам и используемой сербами после создания Югославии для того, чтобы "уничтожить все хорватские особенности и самих хорватов как народ" [Hrvatska akademija znanosti 1996, 163]; когда осуждается деятельность "вуковцев" и "маретичевщина", мешавшие, по мнению современных хорватских лингвистов, развитию хорватского языка [Brozović 1996, 50], а само употребление терминов "хорватский или сербский", "хорватосербский", "сербохорватский" язык объявляется неправомерным [Brozović 1991, 43].

Когда говорят о причинах победы "вуковцев" и стандартизации литературного языка в Хорватии в конце XIX – начале XX вв. в конечном счете в соответствии с концепцией В.Караджича – Дж.Даничича, обычно прежде всего вспоминают о высоком авторитете В.Караджича. Наиболее ярко это выражено словами главного "вуковца" – Т.Маретича, который в предисловии к своей грамматике в 1899 г. заявил, что В.Караджич для литературного языка хорватов и сербов имеет такое же значение, какое имел Цицерон для литературного латинского языка [Maretić 1899, I]. Действительно, имя В.Караджича, члена многих научных обществ, сотрудничавшего с такими авторитетными учеными как Е.Копитар, Я.Гримм, Ф.Миклошич, И.И.Срезневский, Л.Ранке и др., было широко известно не только в Сербии, но и в Европе, России и, разумеется, в Хорватии. Однако в Хорватии у него были не только сторонники и почитатели (см., напрмер: [Живанчевић 1966, 229-259]), но и противники: ему приходилось много полемизировать с представителями хорватских филологических школ, отстаивая свою концепцию литературного языка (см., например: [Katičić, 1987, 38-45; Дмитриев, Сафронов 1975, 72-76]). Положение резко изменилось во второй половине XIX в., особенно после смерти В.Караджича. Так, например, сын Л.Гая В.Гай в некрологе, опубликованном в связи со смертью В.Караджича в "Данице иллирской" в 1864 году, пишет, что

Л.Гай в решении языковых вопросов был последователем В.Караджича, "давним западным югославянам вуков чистый народный язык", а самого В.Караджича называет основоположником новейшей литературы у сербов и хорватов и учителем всех сербских и хорватских писателей [Katičić, 1987, 45]. Откликаясь на столетний юбилей В.Караджича, И.Кукулевич-Сакцинский подчеркивает, что "Вук нам создал один литературный язык и указал направление, по которому должны идти на поле нашей общей литературы" (цит. по [Живанчевић 1966, 236]). В 1883 г. профессор Загребского университета А.Павич в докладе на сессии Филолого-исторического отделения Югославянской академии наук прямо говорит, что В.Караджич заложил основы хорватского или сербского литературного языка [Katičić, 1987, 46]. Обращает на себя внимание тот факт, что увеличение позитивных оценок роли В.Караджича в истории литературного языка сербов и хорватов (вплоть до глорификации в оценках Т.Маретича) происходило по мере того, как модель литературного языка, предложенная В.Караджичем, получала все большую известность и признание в Хорватии, завоевывала все большее число сторонников среди хорватских языковедов и писателей. В конце XIX в., как отмечает Р.Катичич, В.Караджич для хорватских филологов стал самым высоким авторитетом [Katičić, 1987, 46]. Все это дает основание сделать вывод, что главной причиной, способствовавшей сравнительно быстрой победе "вуковцев" в Хорватии, был не только и не столько авторитет В.Караджича, сколько достоинства предложенной им модели литературного языка.

Выше уже говорилось о том, что у хорватов были более длительные и богатые, чем у сербов, традиции использования народного языка (в том числе и штокавского диалекта) в литературе. Штокавская литература развивалась, кроме Дубровника, в Далмации, Славонии, Боснии. Ряд хорватских лингвистов полагает, что хорватский литературный язык начал

стандартизироваться на новоштокавской основе с середины XVIII века. Однако это положение, как нам кажется, пока не получило обоснование в конкретных исследованиях, не показано на языке писателей-штокавцев, был ли в XVIII веке единый хорватский литературный язык (и литература), какие общие новоштокавские особенности объединял этот язык, делая его надрегиональным (подробнее см. [Дмитриев 1986, 91-98]). С другой стороны, очевидно, что в разных регионах, где развивалась штокавская литература хотя бы на основе произведений крупнейших писателей (таких, например, как, А. Качич, М. Релькович, В. Дошен и др.), складывались представления о том, что является в языке общепринятым, что рекомендуется, а что не рекомендуется употреблять в литературе, т.е. шли поиски и осознание нормы. Эти поиски велись в рамках новоштокавского диалекта, но в каждом регионе в языке писателей отражались и особенности местных говоров и традиций старой литературы. Штокавская литература получала все большее распространение в различных регионах Хорватии, но общей надрегиональной нормы в литературной штокавщине не было и в XIX в., когда встал вопрос стандартизации литературного языка в общенациональном масштабе: язык хорватских писателей-штокавцев не имел единообразия в словообразовании, словоизменении и словоупотреблении, не было общепризнанной графики и др. Представители иллирийского движения в силу политических и идеологических причин стремились создать надрегиональную норму, сохраняя определенные архаические элементы региональных языков (прежде всего — старые окончания во множественном числе). Так, например, один из наиболее авторитетных филологов-штокавцев среди представителей иллирийского движения В. Бабукич в своей грамматике предписывал не только старые формы множественного числа, но и старую акцентуацию своего родного говора. Даже отказавшись от икавской штокавщины и распространив на Хорватию по образцу дубровницкой литературы и не без

влияния В. Караджича штокавщину иекавскую, представители иллирийского движения и их последователи также настаивали на сохранении старых форм во множественном числе.

В. Караджич сознательно сближал язык сербской и хорватской литературы [Ивић, Кашић 1981, 360]. В 1845 г. он следующим образом сформулировал свой идеал общего для сербов и хорватов литературного языка: "Мы все должны стремиться к тому, чтобы каждая книга могла бы быть от буквы до буквы перепечатана с латинского шрифта на славянский и со славянского на латинский. Тогда (и только тогда) мы будем единым народом и будем иметь одну литературу..." [Караџић 1896, 156]. В качестве языковой модели он предложил язык новоштокавских форм, с новоштокавской акцентуацией, с орфографией, основанной на фонологическом принципе. Между тем, несмотря на стремление представителей иллирийского движения (а позднее – Загребской филологической школы) сохранить старые формы множественного числа и другие архаичные особенности штокавского языка, в живом языке хорватов несомненно получали все большее распространение особенности, общие для всех носителей новоштокавского диалекта. К сожалению, нет конкретных трудов о том, как новоштокавские надрегиональные особенности проникали в литературный язык в XIX веке. Можно предполагать, однако, что те хорватские писатели-штокавцы, которые в поисках общенациональной нормы учитывали современную им речевую практику (даже если они ориентировались на западный тип новоштокавского диалекта), включали в свой язык все большее число новоштокавских элементов, общих (или близких) и хорватам и сербам, что сближало их поиски с теми решениями, которые предлагала концепция В. Караджича. Так, например, в произведениях Й. Козарца отмечается постепенное ослабление нормы Загребской школы и проникновение в них особенностей новой нормы (в частности, он параллельно употребляет и старые и новые падежные окончания во множественном числе) [Нам 1996, 86]. Эти наблюдения дают основания хорватским

ученым утверждать, что новоштокавские особенности, в том числе и новоштокавские окончания во множественном числе, может быть, победили бы в литературном языке хорватов и в том случае, если бы не было В.Караджича и его влияния, так как *это соответствовало общей тенденции развития хорватской литературы в то время* [Babić 1995, 168]. Эту тенденцию, несомненно, заметили и оценили наиболее дальновидные представители иллирийского движения (И.Мажуранич, И.Кукулевич, Д.Демертер и др.), которые вместе с В.Караджичем, Дж.Даничичем и Ф.Миклошичем в 1850 г. подписали в Вене "Литературное соглашение", составленное в духе идей В.Караджича о том, каким должен быть языковой стандарт у "сербов всех трех законов". Эту тенденцию учитывал и В.Ягич и другие ученые, которые в ходе полемики с Загребской филологической школой в 1864-1865 гг. в конечном счете поддержали концепцию В.Караджича (характерно, что на некоторые уступки при этом пошел и В.Бабукич). Таким образом, главная причина, способствовавшая победе "вуковцев" в Хорватии состоит, по нашему мнению, в том, что В.Караджич правильно уловил основные объективные закономерности развития штокавской литературы, определив, что язык этой литературы формируется на основе новоштокавского диалекта, и предложил языковую модель, которая, предусматривая введение новоштокавских форм и акцентуации, отражала главные особенности и тенденции этого развития и у сербов, и у хорватов. Достоинства этой модели и в основном правильное выражение в ней хорватских языковых ценностей высоко ценил даже такой противник "вуковцев" как А.Радич [Katičić, 1987, 141].

Существенное значение при этом имело также то, что концепция, предложенная В.Караджичем, была близка принципам младограмматического направления, распространившегося в Европе в 70-80-е годы [Babić 1995, 167-172]. Младограмматики занимались сравнительно-историческим изучением языков, но полагали, что наиболее достоверную

основу для такого изучения следует искать в живом языке. Литературные языки меньше интересовали младограмматиков [письменные тексты дают несовершенную картину языка: различными буквами могут обозначаться одни и те же звуки (и наоборот), на письме не отражаются долготы, ударения и т.п.]. Младограмматиков прежде всего интересовала речевая манифестация языка, поэтому исследования языка они начинали обычно с изучения речи простого народа, народного творчества и диалектов (см. [Ivić 1963, 38-44]; см. также [Березин, 1975, 109-128]). Этому научному направлению больше соответствовала концепция В.Караджича, опирающаяся на речевую практику и отрицающая (во всяком случае декларативно) связь с предшествующей литературной традицией, поэтому не признавать эту концепцию, не быть "вуковцем" в то время было, как замечает С.Бабиц, равносильно не признанию науки [Babić 1995, 170].

Победе "вуковцев" в значительной мере способствовали деятельность и научный авторитет Дж.Даничича. В 1866 г. была основана Югославянская академия наук и искусств и самый лучший и самый верный ученик В.Караджича Дж.Даничич был назначен ее секретарем. Ему, в частности, была поручена организация работы над монументальным историческим словарем ("Rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika"), первый выпуск которого появился в 1880 г., а последний 97-й в 1976 г. Дж.Даничич разработал концепцию Словаря и подготовил его текст до буквы џ. При издании Словаря использовались и язык и правописание В.Караджича. Это был один из наиболее крупных проектов, обеспечивших укрепление взаимосвязей и сотрудничества сербов и хорватов в области литературного языка и изучении его истории. Работая в Загребе в 1866-1873 гг. и в 1877-1882 гг., Дж.Даничич способствовал объединению "вуковцев" и активизации их деятельности.

Необходимо отметить также и большой вклад в обеспечение победы "вуковцев", который внесли сами деятели

иллирийского движения и представители Загребской филологической школы. Сама идея языкового объединения всех южных славян была выдвинута, как известно, представителями иллирийского движения, которые при этом руководствовались не только политическими и идеологическими соображениями, но и положениями учения о славянской взаимности Яна Коллара.

Отказ представителей иллирийского движения от введения в литературу икавской штокавщины и принятие штокавщины иекавской были в значительной степени обусловлены тем, что и В.Караджич у сербов создавал литературный язык на основе иекавского новоштокавского диалекта [Vince 1978, 512]. Поиски путей языкового объединения с сербами стали в Хорватии более актуальными после 1848 г. когда стало ясно, что языковое объединение всех южных славян является утопией [Jonke 1964, 182, 187].

В 1867 г. Хорватский сабор принимает закон, в соответствии с которым хорватский или сербский (*hrvatski ili srpski*) язык становится официальным языком в триедином королевстве, а латиница и кириллица объявляются равноправными. В 1883 г. глава Загребской школы А.Вебер писал, что распространение экавской штокавщины среди сербов "не помешает настолько, чтобы мы не смогли надеяться на скорое объединение на основе штокавско-екавского наречия" [Vince 1978, 512]. В 1884 г. А.Вебер, по-прежнему отстаивая преимущества сохранения старых окончаний во множественном числе, на вопрос, не следует ли заменить Загребскую школу школой В.Караджича – Дж.Даничица, допускает такую замену: "Если народ так решит, мне все равно..." [Vince 1978, 600]. Таким образом, и сама Загребская школа, которая *никогда не прекращала поиски путей языкового объединения хорватов и сербов*, в определенной степени способствовала победе хорватских "вуковцев".

На деятельность хорватских "вуковцев" несомненно оказывали влияние и политические факторы (позиция министерства, учет хорватскими учеными при оценке концепции Загребской школы ситуации, которая складывалась в Далмации, в Боснии и Герцеговине, и т.п.) [Babić 1995, 168, 173]. Однако эта проблема заслуживает специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Березин Ф.М. История лингвистических учений. М., 1975.
- Грицкат И. Студије из историје српскохрватског језика. Београд, 1975.
- Дмитриев П.А. О некоторых вопросах истории сербохорватского/хорватосербского литературного языка // Советское славяноведение. № 6. 1986.
- Дмитриев П.А. О некоторых особенностях языковой ситуации в Сербии и Хорватии // Проблемы развития и функционирования современных литературных языков: Сб. статей. М., 1993.
- Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975.
- Живанчевић М. Вукови пријатели Илирци // Вуков зборник. Београд, 1966.
- Ивић П., Кашић Ј. О језику код Срба у раздобљу од 1804. до 1878 године // Историја српског народа. Књ. V, т. 2. Београд, 1981.
- Караџић В. Писма о српском правопису и језику // Скупљени: граматички и полемички списи Вука Стеф. Караџића. Књ. IV. св. 1. Београд, 1896.
- Младеновић А. Типови књижевног језика код Срба у другој половини XVIII и почетком XIX века // Реферати за VII Међународни конгрес слависта у Варшави. Нови Сад. 1973.

Толстой Н.И. Литературный язык у сербов в конце XVIII – начале XIX веков // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Babić S. Znanstvena podloga hrvatskih vukovaca // Jezik. Zagreb. 1995. God. 43. № 5.

Brozović D. Uloga časopisa Jezik u hrvatskom jezikoslovlju // Jezik. Zagreb. 1996. God. 44. № 2.

Brozović D. Deset teza o hrvatskom jeziku // Deklaracija o hrvatskome jeziku s priložima i Deset teza. Zagreb. 1991.

Ham S. Jezik Ivana Kozarca // Jezik. Zagreb. 1996. God. 43. № 3.

Hraste M., Rogić P. Predgovor trećem izdanju // Maretić T. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb. 1963.

Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti: Razred za filološke znanosti. Hrvatski jezik - poseban slavenski jezik // Jezik. Zagreb. 1996. God. 43. № 5.

Ivić M. Pravci u lingvistici. Ljubljana. 1963.

Jonke Lj. Književni jezik u teoriji i praksi. Zagreb, 1964.

Katičić R. ₁ Jezik pismenosti na tlu Hrvatske // Jezik. Zagreb. 1987. God. 34. № 5.

Katičić R. ₂ Vuk Stefanović Karadžić i književni jezik u Hrvata // Jezik. Zagreb. 1987. God. 35. № 2.

Maretić T. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb. 1899. № 2.

S.B. "Enciklopedija Jugoslavije" o hrvatskom književnom jeziku // Jezik. 1989. God. 36. № 3.

Uredništvo. Hrvatski među svjetskim jezicima // Jezik. Zagreb. 1993. God. 40. № 5.

Vince Z. Putevima hrvatskoga književnog jezika. Zagreb. 1978.

В.М.Русановский
(Киев)

Становление нового украинского литературного языка

Богатая украинская культура, определенное время не поддерживаемая национальной интеллигенцией, со второй половины XVII ст. пришла в запустение. Это ощущалось как в бывшей Гетманщине, так и в Правобережной Украине, в том числе в Западной. Тут, как известно, окончательно победила уния, а с утратой православия этот край фактически был лишен тех политических и культурных ориентиров, за какие он боролся на протяжении столетий как составная часть единого национального организма. Новое униатское духовенство, сыгравшее со временем важную роль в распространении национальной культуры в народной среде, к тому времени еще не нашло себя. Сельские священники были и бедны, и мало образованы, а их паства и тем более. Постепенно приходила в упадок и традиционная украинская культура западных городов. Книгопечатание, которым некогда славились Львов, Острог, Перемышль, заглохло. Жизнь литературного языка едва теплилась в малопонятной церковнославянщине. В. Чапленко замечал: "Показательно, что даже официальные предприятия австрийского правительства после присоединения западно-украинских земель к Австрии, направленные на ввод в культурное употребление языка "рутенгов" или "руснаков", не наводили этих людей на мысль о собственном украинском языке как языке национальном" [Чапленко 1970, 23]. Мало-помалу в Восточной Украине средством литературного общения

становится русский язык, в Западной – польский и латинский, в Закарпатской – латинский и венгерский.

Царское правительство, ликвидировав политическую автономию Украины, поставило своей целью полностью нивелировать и украинский народ, влив его в великорусскую нацию. Просвещение на украинском языке не только не развивалось, но и преследовалось. Если во второй половине XVII – начале XVIII в. украинская культура, представленная такими ее творцами как Ф.Прокопович, С.Яворский, Е.Славинецкий и др., оказывала большое влияние на развитие русской, пробуждая в ней интерес к мировой цивилизации, то со второй половины XVIII в. начинается постепенный процесс поглощения русской культурой украинской. Украинский язык объявляется провинциальным, крестьянским и используется просвещенными украинцами преимущественно для смеха. Серьезные труды, в частности историографические, задуманные для пробуждения национальных чувств (например, знаменитая "История Русов"), писались на русском языке.

К тому же следует учитывать и разорванность украинских земель между различными по общественному строю, языкам и национальным традициям государственными образованиями. Несомненно, царская русская власть на своей территории способствовала развитию и распространению русской культуры, всячески препятствуя любым проявлениям иных национальных культур. Австро-Венгерская империя была более толерантна к местным культурам, но это скорее проявлялось не в создании условий для их развития, а в их игнорировании, что позволяло им выжить. Развитие культуры шло в направлении превращения народного искусства в профессиональное. Новая генерация украинской интеллигенции осознавала ту истину, которая давно уже была на вооружении у царского правительства: народ, лишенный своей истории, культуры и языка, обречен на ассимиляцию, на утрату политических и культурных ориентиров. Как справедливо писал Н.Костомаров, "общество, утратившее прежний корень, не сразу пустит

новый, у него нет за собой исторической святыни; судьба их предков служит для них укором, и они отворачиваются от нее; а новое еще не успело превратиться в историческое приобретение. На отступниках всегда лежит отражение слабости, вялости, отсутствия осознанной цели, крепости взаимодействия труда и воли. Изменив раз душе своей, они еще долго способны изменять ей во-вторых и в-третьих" [Костомаров 1928, 145].

В конце XVIII в. большой популярностью пользовались украинские народные песни, распространяемые в рукописных сборниках. Тогда же зарождается поэтическое творчество, в какой-то мере продлившее традиции, с одной стороны, народных исторических песен и дум, а с другой, – украинского вертепа. Язык стихотворений был народный, однако различное происхождение и различная степень грамотности их авторов наложили на него печать в виде русизмов, полонизмов, церковнославянизмов. Пасхальные и рождественские стихи, а также "светские" ("світові") песни (в основном, анонимные) заменялись индивидуальным творчеством И.Некрасевича и знаменитого И.Котляревского.

Развитие литературы на народном языке с конца XVIII в. шло в двух направлениях: бурлескно-сатирическом и лирическом. Высшим проявлением первого направления явилась "Энеида" И.Котляревского. Она отразила народный язык бывшей Гетманщины, при том не только крестьянства и простого казачества, но и казацкой старшины, т.е. зародившегося украинского дворянства. "Энеида" засвидетельствовала потенциальную способность украинского языка быть средством перевода с классических языков. Несмотря на то, что в данном случае мы имеем дело с бурлескным стилем, он все же засвидетельствовал неисчерпаемые богатства украинского народного языка. В поэме отражена бытовая лексика (*баклажок, барильце, гринджолята, клубок, комин, кубок, кухлик, ложка, макогін, миска, мітелка, ніж, носатка, ослін, пляшечка, посуда, припічок, рушник, світелка*,

сковорода, сулія, тарілка, тиква, торба, філіжанка, хата, шальовка и др.), названія блюд (баба-шарпанина, борщ, бублики, борщ до шпундрів з буряками, буханці з кав'яром, веренички пшеничні білі, галушки, грінки, гречані з часником пампухи, гуси, глід, свиняча голова до хріну, зубці, кав'яр, капуста, кваша, кисіль, кнishi, ковбаса, кислиці, коржики, коржі, козельці, крохмаль, куліш, кури до софоруку, лемішка, локишина, лизень телячий, макуха сім'яна, мандрики, огірки, оселедець, полуниці, зразова до рижкі в печінка, посігне з ушками, печеня, печена з часником свинина, пугря, редька, рогиз, сало, саламаха, сластьони, стовпці, сухарі, тетеря, терн, хрін з квасом, часник, шулик медовий, юшка з хляками, в юшці потрух з галушками, яєшня, круті яйця з сирівцем и др.), напитуков (брага, винце, горілка, деревішка; кримська дулішка, що то айвовкою зовуть; медок, пиво чорнее з лимоном, пивце, ремське з курдимомом, сивуха и др.). Герои "Энеиды" носят, конечно же, украинскую национальную одежду. Особенно богато представлен гардероб украинской барыни. Интересна лексика, обозначающая названия народов. Следуя сюжетной линии "Энеиды" Вергилия, автор не может не упомянуть греков, троянцев, латинян, сицилийцев, рутульцев, аргавцев, лабиков, аркадян и др. древних народов. Однако ведь Эней казак! Поэтому этническая карта Европы и передней Азии содержит такие обозначения, как *гишпанець, голландці, датчанин, жид, італьянець, литва, лях, москаль, португалець, прус, татарва, турчин, француз, цесарці, чухонці, шведин, швейцарці*. Что касается древних народов, то они, по Котляревскому, входили в число казаков: "Були аврунці, садицяне, калесці і сатикуляне і всяких-разних козаків." То же и с собственными названиями. С одной стороны, это боги-олимпийцы с их латинскими (иногда и греческими) именами (*Юпітер-Зевс, Юнона, Нептун, Венера, Еол, Марс, Ганімед, Феб* и др.), исторические и мифологические лица греко-троянского и латинского происхождения (*Дідона, Еней, Кай, Купідон, цар Ацест, Анхіз, Абсест, Ентелл, Дарес, Сівілла, Орфей, Геркулес,*

Вергілій, Латин, Мери́ка, Фави, Амата, Турн, Лавися, Іул, Евандр, Паллант, Іракл, Мезенті́й, Цібелла, Евра́лій, Низ, Прометей, Авант, Астур и др.). с другой, – троянцы с українсько-казацкими іменами: *Знайшов з троянців ось кого: Педька, Терешка, Шеліфона, Панька, Охрі́ма і Харка, Леська, Олешка і Сізьона, Пархо́ма, Іська і Феська, Стецька, Ониська, Опанаса, Свири́да, Лазаря, Тараса, Були́ Денис, Остап, Овсі́й.*

Стилистически сниженные слова, довольно удачно используемые в пародии, в творениях последователей И.Котляревского, явились одним из признаков стиля, утвердившегося в литературоведении под названием "котляревщина". Это такие авторы, как Копиты́ко-Думитрашко, Олександрив, Корене́цкий и др. От вкуса к бесвкусице – один шаг.

Лирическому направлению в начале века следовали Г.Квитка-Основьяненко в прозе и поэты-романтики. Важнейший признак народности они видели в родном языке, народных обычаях, фольклоре. По их мнению, родной язык должен явиться настоящим рычагом народного просвещения, хотя они и не рассчитывали на то, что когда-то, даже в отдаленном будущем, он станет средством всестороннего развития украинского народа. Вот характерное заявление Н.Костомарова: "Нам нужно преподавание науки нашим родным языком, преподавание не тем, кто уже привык говорить и мыслить общерусским языком, а тому народу, для которого родной язык и до сих пор – наиболее удобная и легчайшая форма передачи и выражения мыслей. Вместо повестей, комедий, стихотворений, нужны научные книги. Конечно, при выборе следует быть мудрым. Смешно было бы, если бы кто-нибудь перевел на украинский язык "Космос" Гумбольдта или "Римскую историю" Момзена ... [Костомаров 1928, 137-138].

В произведениях Г.Квитки-Основьяненко, как известно, впервые по-украински заговорил жуликоватый Шельменко. Со временем писатель обратился к прозе на украинском языке, в которой вывел привлекательные, преимущественно женские

образы украинских простолюдинов. Правда, в "Искренней любви" "охвицер" "каже просто по-нашому": "Куди ти, чоловіче добрий, устаєш? Сиди!". Однако в дальнейшем его язык только пересказывается. Г.Квитка-Основьяненко не только не осуждал добровольную русификацию украинского дворянства, но, наоборот, видел в этом явлении закономерное вхождение украинской интеллигенции в общерусскую и мировую культуру. Остатки древних украинских обычаев времен Гетманщины Квитка едко высмеивает. Вместе с тем он с большим сочувствием относится к крестьянству. Фактически он повторил на украинской почве то, что предпринял в русской прозе Н.Карамзин: обратился к простому человеку с его простым языком. Только язык этот был не русским, а украинским, что и утвердило его в жанре прозы. Е.Гребинка знал на кого сослаться, опровергая распространенное в его время мнение о том, что украинский язык непригоден для литературного творчества. Он считал, что в "Марусе" Квитки "ласковые чувства выражены так удачно, что даже приверженцы этого мнения, собираясь хохотать до упаду только лишь при имени Маруси, плакали к концу повести" [Гребінка 1957, 304]. Г.Квитка-Основьяненко в письме к М.А.Максимовичу писал, что украинский язык "...имеет свою силу, свои красоты неудобобизъяснимые на другом, свои обороты, юмор, иронию..." [Квітка-Основ'яненко 1981, 228]. Он же четко отразил особенности слобожанского говора первой половины XIX ст., мало изменившиеся и в наши дни. В лексиконе Слобожанщины отразилось взаимодействие украинской и русской языковых стихий. Особенно это заметно в абстрактной лексике, которую можно разделить на три группы:

1) естественная украинская: *біда, безчестя, вередовання, вигадування, вік, вість, воля, втіха, втрата, гадка, глузування, гнів, нудьга, горе, гордість, диво, діло, добрість, доля, достаток, доступ, дума* и др.;

2) заимствования из русского или церковнославянского: *мученіє, одиночество, дарованіє, диханіє, допрос,*

жителъство, забвеніе, замішателство, зачатіе, злодіяніе, істина, милосердіе, множество и др.;

3) слова, вероятнее всего, созданные самим автором: *послухиянство, почувствуватъся, пивомедіе* и т.п.

Украинские персонажи Г.Квитки-Основьяненко – люди набожные. Не удивительно, что в их языке много церковной лексики: *діюций, наученіе, ізрадовався, муж, жона, рожденіе* ("дитя"), *родителі* и др. Скрупулезно отражаются фонетические особенности слобожанского говора. Наиболее последовательно это проявляется в замене [й] > [н] в середине слова: не заньмай, приньметься, виньме, наньмичка, наньми и т.п.; не всегда регулярно, но все же довольно часто передается в его языке твердое [р], напр., поратуй; [в] в начале слова перед [р] может исчезать: та де того Василя *озьмемо*; наоборот, перед [у] может появляться протетическое [в]: на *внутреню* прийти и др. Интересны морфологические особенности, в частности глагольных форм. Слобожанский говор дольше других украинских сохраняет флексию *-ть* в 3-м лице ед. числа глаголов I спряжения: *ідеть, колеть, да будетъ воля твоя, збереть, вмереть, ждеть, заснеть, береть, проженеть*; эта особенность распространяется и на синтетические формы будущего времени: *лежатиметь, розумітиметь*; в этих же глагольных формах с суффиксом основы *-а-* утрачивается флексия *-є*: не *помага, зна, чита, дожида, дріма, обіда, шука* и др.; довольно часто формы прошедшего времени сопровождаются личными формами глагола *бути*: *покинула єси* своего урага; *забув єси*, католиче; *забули єсте*; согласные [д], [с] в 1-м лице ед. числа глаголов II спряжения могут не чередоваться с [дж], [ш]: *прося, сидю* (но *прошу, посиджу*); [ст] в личных формах глаголов всегда чередуется с [шч]: *пуцу, випуцу, запуцу*. Для выражения желания получить что-либо нередко вместо *дай* (*дайте*) выступает *ке* (*кете*): *ке сюди камінець, а кете лишень чогось посидати*. Существительные мужского рода II склонения в имен. падеже множ. числа нередко принимают флексию *-ове* (*панове, сватове*), а в дат. пад. ед. числа – *-ові/-еві*

(*мужикові, об обідові*); это же окончание может употребляться и в именах существительных среднего рода IV склонения (*дитятеві*).

Г.Квитка-Основьяненко щедро использует фразеологизмы. Он привлекает и общеукраинскую, и местную, слобожанскую идиоматику. К общеукраинским можно отнести такие сочетания, как *напекти раків, пари з уст не пустити, кінці в воду, як на ножах сидить, нав'язав камінь на шию, драла дати, цур дурня та масла грудка, аж жижки трусяться, і в рот нічого не брати, ханьки мняти, кишки рвати зо сміху, пошити в дурні, дуба дати, моркву скородити, ні кола ні двора немає*. К региональным фразеологизмам можно отнести следующие: *світ мені не вмишвся; не до поросят, поки свишо смалять; не положить гниву; назбирається їх до сина; побігти на провідки; сказано: мужика обнімає, а на халагура моргає* и др. Мудрый Шельменко выдает народные фразеологизмы за изречения из Священного писания: *Писаніє глаголить: на вовка помовка; моя хата скраю, я нічого не знаю*.

Украинское творчество Е.Гребинки представлено тремя поэтическими жанрами: баснями, лирикой и переводами.

Басен писатель написал не так уж и много, так что материал для анализа довольно ограничен. Можно лишь отметить, что Гребинка не устает любоваться народной фразеологией: *втришия знать, з глузду звів, баньки повитріщали, голову до неба зволить драть; дурний! дурний, а в школі вчився; кат його ма; хай їм цур; піде бокаса; хоч сядь та й плач; куць виграв, куць програв*. Персонажи басен типично украинские: *Горобці, Вишня, Пшениця, Хмара, Будяк, Коноплиночка, Рожа, Хміль, Верша, Болото, Маківка* и др. Конечно же, басни не обходятся без эмоционально окрашенной, преимущественно с отрицательной тональностью, лексики типа *бідаха, паскуда, бішений, до церкви прямо почухрав; їх німці будувать уміють, а вже не зляпає наш брат*. В целом лексика басен Е.Гребинки почти не отступает от установившихся уже в наше время норм. Иногда встречаются историзмы: *за живота*

чортам служит, погана твар "лицо"; или регионализмы: *здумав* в значении "вспомнил", *штучна птиця* "очень красивая птица", *смух* в значении "шерсть". Среди глагольных форм, отражающих диалектные, хотя и массово распространенные особенности, следует назвать глаголы с суффиксом основы -а-, употребляющиеся в 3-ем лице ед. числа без конечного -є: *гуля, перевіша*. Личные местоимения после предлогов без наращения [н]: *до єї*.

В языке лирики отражены те же диалектные морфологические и лексические особенности, что и в баснях. И все же общая их тональность несколько отлична: ощущается влияние романтизма со склонностью к сентиментальности:

Серце ние та болять,
В грудях важко: плачеш, плачеш...
Божий світ не веселить!
У садку пташки щебечуть,
По степу цвітуть цвітки...

Мы видим здесь немало постоянных эпитетов фольклорного характера напр., *буйні вітри, синєє море, світ білий* и т.п. Однако есть и отголоски "котляревщины": *варену, хлопче, при на стіл; хлиснути; їсти собі до очкура* и др.

Как известно, Е.Гребинка — первый переводчик произведений А.Пушкина: он воссоздал на украинском языке его "Полтаву" еще в 1836 г. - при жизни автора. Содержание поэмы передается довольно точно, но стиль изменен. Сам Е.Гребинка после заголовка указывает, что это "вольный перевод на малороссийский язык". В переводе не сохранилось пушкинское посвящение, имеются пропуски в тексте. Но главное отличие - другая тональность: вместо торжественной речи здесь прорывается лексика "*Енея - парубка моторного*". Вместо "*На ложе мнимого мученья, Стоная молит исцеленья. Плоды страстей, войны, трудов, Болезни, дряхлость и печали, Предтечи смерти приковали Его к одру.*" имеем в

переводе *"Набгали враг знає чого, Коржами тім'я обліпили, У хаті ладаном кадили"*; вместо *"Но он решил: завтра бой"* читаем *"Ось завтра вранці Я вам, москалики, поганці, Цибульки піднесу під ніс"*. И таких пассажей множество.

Вместе с тем этот первый перевод русского произведения на украинский язык еще раз подтверждал, что русский и украинский языки – это разные образования, имеющие значительные семантические различия; кроме того, несмотря на налет *"котляревщины"*, перевод свидетельствовал и о недюжинных возможностях украинского языка воссоздавать пушкинский стих. Сравн.:

Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.
Как стекло булат его блистит,
Мешок за пазухой звенит,
Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

Козак в Московщину летить;
Козак не їсть, не п'є, не спить
Ні в чистім полі, ні в дуброві,
Ні на дубу, ні на поромі.
Як скло, шаблюка так блищить,
Кашпук у пазусі бряжчить;
Не спотикавшись, кінь порскливий
Біжить, пуска по вітру гриву.

Е.Гребинка – один из родоначальников публицистического и эпистолярного стилей, что отразилось в его предисловии к сборнику своих произведений и в послесловии. Оба обращения к своим землякам недалеко отошли от художественных произведений. Есть в них любованье родной землей, а следовательно, и лексика пейзажного колорита: *"По садам цвітуть голубенькі проліски; і вишеньки, і черешеньки, і груші, і яблуні окинуться пахучим біленьким цвітом"*. Много здесь обычных в художественной прозе народных фразеологизмов типа *і пішли розказувати; аж за живіт бере; гуляй душа без кунтуша; лиха прикупивши* и др. Как и у Г.Квитки-Основьяненко, используются церковнославянизмы (*создав же Господь*).

Если на протяжении первых двух десятилетий XIX в. в украинской литературе выступали разрозненные писатели-

одиночки, то с начала 30-х годов развивается деятельность отдельных литературных кружков при больших культурных центрах Украины, преимущественно при Харьковском университете. Бурлескные тенденции в это время до некоторой степени заметны в языке П. Гулака-Артемовского, однако их прерывает романтическое течение, развивавшее в себе такие литературные жанры, как баллада, лирическая песня, романс, романтическая драма и трагедия. Тот же Гулак-Артемовский предложил обществу первые образцы романтических баллад и небезинтересные переводы классиков мировой литературы. Естественно изменяется и язык. Рядом с П. Гулак-Артемовским работал Л. Боровиковский. Он любил фольклор и пытался стилизовать народную поэзию под литературные формы.

Наиболее активной группой Харьковской школы романтиков были А. Метлинский (Могила), О. Шпигоцкий, Н. Костомаров (Галка), О. Корсун, М. Петренко. В поэзии Метлинского ощущается скорбь о том, что "наша мова конає". А ведь он был профессором Харьковского, а потом Киевского университетов. Следовательно, это был не просто эмоциональный всплеск, а результат серьезного научного наблюдения. Со временем он заявляет о праве украинского языка на равноправное развитие с языками других славянских народов. Он прославляет его такими словами:

Рідна мова, рідна мова!
Мов завмер без тебе я!
Тільки вчую: рідне слово
Обізвалось, мов сім'я...

Зависимость поэтики Метлинского от языка фольклора очень заметна, особенно в рифме: он использует в основном глагольную: *іде́т* — *гуде*, *конає* — *завмирає*, *ходите́ме* — *нашите́ме* и т.п.

Н. Костомаров верил в жизненные силы украинского языка. В частности, он писал: "Язык, который зовут обычно малороссийским и на котором говорят в южно-западных

губерниях России и в Галичском королевстве, не является наречием языка русского... Он существовал издавна и теперь существует как наречие славянского корня, занимающее по своему грамматическому и лексическому строению середину между восточными и западными наречиями огромного славянского племени, наречие правильное, богатое, гармоническое и способное к развитию литературного просвещения" [Костомаров 1928, 41]. Вместе с тем он видит, что этот язык осмеивается и преследуется, что он лишен права войти в семью просвещенных народов:

Ох, тим молодий співець не співає,
що рідна мова, як свічка, конає!..

Характерными признаками языка поэтов-романтиков являются, во-первых, апелляция к казацкому времени как к определенному символу бытия украинского народа, во-вторых, твердая уверенность в возрождении украинской нации. Следовательно, с одной стороны, *бандура, козак-співака, а люду погибішого слава колишня у пам'яті тмиться*, а с другой, *- І як сонце із-під хмари - Рідне слово ізійшло*.

Язык поэтов-романтиков насыщен исторической лексикой. Здесь войсковые казацкие звания (*козак, сотник, гетьман*), названия оружия и средств обороны (*бійниця, гармата, кулі, ручниця, самопали, стріли, шаблюка*), одежды (*кармазинові жупани, гаптовані сап'яни, пояси шалеві, басани зелені, адамашки і атласи, оксамити, блаватаси*), и предполагаемые неприятели (*лях, орда, татарин*), и следствия военной борьбы (*кості по степах, могила, поминальна пісня*). У Н.Костомарова историческая лексика восходит к древне-киевскому времени (*бояри, град, дружина, знаменіє, коромола, половчин, пороки, на поток*). Встречаются и отголоски "Слова о полку Игореве": *Боян стародавній, Даждбожий внук, напились шоломом Дону*.

Важной заслугой поэтов-романтиков является становление абстрактной лексики как одной из важнейших составных литературного языка. Они ее не творили, а брали из народного языка и вводили в свои произведения более щедро, чем это допускала безымянная фольклорная поэзия: *веселість, віра, воля, доля, думка, горе, жаль, жарти, життя, звичай, істина, кара, лихо, любов, милость, наука, неволя, недоля, ненависть, печаль, помста, порок, радість, ревнощі, розум, свобода, святиня, слава, сподівання, темнота, туга, упіха, хипрощі, чвари, щастя* и др.

Несомненно фольклорным признаком являются сдвоенные слова. Это преимущественно имена существительные, однако есть и глаголы, и наречия: *вороги-гадюки, травиця-зелениця, дівка-сиротина, казав-завіцав, ростуть-цвітуть, сумно-жалібно* и др.

У поэтов-романтиков было намерение нормализовать язык украинской литературы. Здесь специально избегается термин "литературный язык", поскольку о нем можно говорить только после творчества Т.Шевченко. Образцом чистоты языка был, естественно, фольклор. И поэты-романтики, как и безымянные создатели фольклора, старались избегать узко локальных слов. Однако уследить за этим было очень тяжело, поэтому локализмы все же появлялись.

Основные постулаты романтизма разделяли и члены "Русской тройки" — западноукраинского ответвления общеукраинского литературного творчества. Однако если харьковская школа романтиков проявляла себя преимущественно в нормализации литературного языка, то М.Шашкевич, И.Вагилевич и Я.Головацкий и их окружение оказали большое влияние на развитие литературного языка своей собирательской деятельностью в области фольклора, этнологии, народного прикладного искусства, а также лексикографии. Вместе с тем нельзя не отметить, что поэты "Русской тройки" выражали патриотические мысли, в частности, призывали не отрекаться от родного языка:

Руська мати нас родила,
Руська мати нас повила,-
Чом же мова ей не мила?
Чом ся ней встидати маєм?
Чом чужую любляєм?

В первой пол. XIX в. предпринимались попытки создать грамматики и словари украинского народного и литературного языка. В 1844 г. П.Белецкий-Носенко подал на рассмотрение министру просвещения рукописи словаря и грамматики украинского языка. Рецензию на эти труды написал М.Максимович; в целом она была вполне положительна, однако первый ректор Киевского университета предложил представить текст в созданном им правописании. П.Белецкий-Носенко с этим не согласился, и его многолетний труд так и не увидел света в то время.

В Западной Украине возник спор относительно украинской графики. И.Лозинский предложил применить для украинского языка латинский алфавит. Против этого решительно выступил М.Шашкевич. Первую попытку создания новой украинской орфографии, основанной на звуковой системе украинского языка, предпринял А.Павловский в своей "Грамматике украинского языка", написанной в 1805, а изданной только в 1818 г. Павловский впервые начал употреблять букву *i* для обозначения фонемы [i], букву *ѣ* для обозначения сочетания [je], диграф *io* для обозначения [jo] и др. Правописание Павловского использовали издатели "Русалки Дністрової", которые в фонетизации украинской орфографии пошли еще далее, отбросив *ѣ* в конце слов, закрепив за *є* звукосочетание [je] и букву, обозначающую смягчение предыдущего согласного звука. В Восточной Украине до 20-х годов XX в. не было попыток заменить традиционное письмо латинским. И.Котляревский опирался на традиции, унаследованные от староукраинского литературного языка. Идеи А.Павловского не сразу обрели здесь популярность. М.Максимович -

авторитетный ученый-славист - отстаивал историко-этимологическое правописание. Уступая фонетическому принципу, он предлагал ставить над буквами *ѡ, ѣ, ѣ̇*, если они звучат как [i], крышечку ("дашок"), указывающую на соответствующее звучание. В. Чапленко, безусловно, прав, утверждая, что в этом случае М. Максимович "имел в виду интерес всероссийского читателя" [Чапленко 1970, 82]. Однако это правописание не принимали ни Г. Квитка-Основьяненко, ни П. Гулак-Артемовский, ни Е. Гребинка. Некоторое применение оно нашло в Галичине, оставаясь все же книжным творением.

Следовательно, украинские пародисты и особенно романтики возродили украинский литературный язык, теперь уже полностью на народной основе. Если И. Котляревский ввел украинский литературный язык в литературный оборот, то поэты-романтики, вслед за Г. Квиткою-Основьяненко, расширили пределы украинского литературного языка для выражения лучших сторон души украинца - и простолюдина, и дворянина. Они упорядочили фонетическое, грамматическое и лексическое богатство украинского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Гребінка Є. Твори в п'яти томах. Київ, 1957. Т. 5.

Костомаров Н. И. Обзор сочинений, писанных на малорусском языке; Мысли южнорусса. О преподавании на южнорусском языке // Научно-публицистичні і полемічні писання Костомарова. - ДВУ, 1928.

Квітка-Основ'яненко Г. Зібрання творів у семи томах. Київ, 1981. Т. 7.

Чапленко В. Історія нової української літературної мови. Нью-Йорк, 1970.

М.И.Ермакова
(Москва)

**Проблемы развития верхнелужицкого
литературного языка в период национального
возрождения (40-80-е гг. XIX в.)¹**

К началу периода национального возрождения — 40-м гг. XIX в. — на территории распространения серболужицкого языка уже существовало два серболужицких литературных узуса — верхне- и нижнелужицкий. Их образование относится к первым десятилетиям XVIII в. Верхнелужицкий сложился на базе бауценского диалекта и был распространен в саксонской части Верхней Лужицы, а также в районах прусского правительственного округа Лигниц провинции Силезия. Нижнелужицкий сформировался на базе коттбусского диалекта и

¹ Национальное движение серболужичан, поставившее на повестку дня вопрос о национальном и языковом равноправии, а также о необходимости борьбы не только за сохранение серболужицкого языка, но и за его совершенствование, наиболее ярко проявилось в 40-гг. XIX в. в Верхней Лужице, особенно в Саксонии. В Нижней Лужице вследствие действия неблагоприятных общественно-политических факторов в этот период не наблюдается активизация общественной жизни. Уже в 40- гг. XIX в. серболужицкий язык здесь (в прусской части Лужицы) был изгнан из школы, а в церковной жизни он использовался в очень ограниченной степени [Fasske 1981, 26]. Нижнелужицкий литературный язык, как и верхнелужицкий литературный язык раннего периода, был языком церковной литературы. Светская литература на нем появляется лишь в 60-х гг. XIX в., количество ее невелико, а по содержанию нижнелужицкие тексты светского содержания представляли собой, главным образом, переводы произведений верхнелужицких авторов [Měšk 1976]. Оживление общественной жизни в Нижней Лужице отпосится лишь к 60-80-м гг. XIX в. В 1880 г. была создана Нижнелужицкая матрица.

употреблялся серболужицанами Нижней Лужицы. Верхне-лужицкая письменность была представлена двумя вариантами - протестантским и католическим. При неразвитости светской литературы письменные (литературные) формы серболужицкого языка имели ограниченную сферу применения. Они использовались главным образом при переводах церковной литературы, в процессе школьного обучения, для поучений и наставлений в домашнем обиходе. За рамками домашнего быта и церковного богослужения серболужичане пользовались немецким языком — разговорным и литературным. Это обстоятельство, обусловленное специфическими историческими условиями развития серболужицкого языка, определило сложность и противоречивость процесса формирования и развития серболужицких литературных языков, их в значительной мере консервативный характер, обособленное от народного языка развитие литературных норм. В начале XIX в. разрыв между языком церковной литературы (письменным, литературным языком) и живой народной речью серболужичан стал особенно очевиден. Диалект для большинства носителей серболужицкого языка являлся основным средством общения. При слабом развитии народного образования и своеобразном характере серболужицкой литературы не было соответствующих условий для постоянного взаимодействия живого народного языка и литературного (письменного) языка серболужичан.

В первой трети XIX в. возникают мощные стимулы к развитию серболужицкого языка, литературы, серболужицкой культуры, прессы. Начинается период, когда наблюдается активизация национальной деятельности серболужичан, связанная с такими событиями, как освобождение крестьян в Лужице в ходе аграрной реформы, эмансипация сельских школьных учителей; создаются серболужицкие общества гимназистов и студентов в Бауцене и Бреслау, вводится систематическое обучение учителей. В конце 40-х гг. XIX в. серболужицкое национальное движение охватило все слои

серболужичан. Авторами его программы стали лидеры серболужицкой общественной жизни – выходцы из интеллигенции, сложившейся в крупных культурных центрах вне лужицкой территории. Программа носила культурный характер и учитывала свособразие общественных и политических условий на территории распространения серболужицкого языка и, в частности, в Верхней Лужице. В основных ее положениях речь шла о сохранении серболужицкого языка и его научном изучении, совершенствовании верхнелужицкого литературного языка, о народном просвещении, сохранении и исследовании народных обычаев и традиций.

Особое значение в создании условий, которые способствовали бы выполнению этих задач, приобрел "Лужицкий семинар" в Праге, основанный еще в начале XVIII в. Став центром подготовки католических священников для Саксонии, он превратился со временем в культурно-просветительский центр, ориентирующий на изучение серболужицкого языка и культуры, в центр серболужицкого национального возрождения². Этому способствовала плодотворная совместная работа уже известных славянских ученых, особенно чешских, с представителями молодого поколения серболужичан, сделавших в Праге свои первые шаги в изучении родного языка и культуры.

Стремление изучать свой язык и сознательно его развивать побудило воспитанников пражского семинара объединиться и создать в 1846 г. общество "Лужицкая сербка" по образцу подобных обществ в Бауцене, Лейпциге, Бреслау. Многие из основателей этого общества стали впоследствии видными деятелями Серболужицкой матицы, известными учеными и писателями; в рукописном журнале общества были опубликованы работы таких видных деятелей серболужицкой

² В "Лужицком семинаре" вели занятия Й.Добровский, В.Ганка; учителями Я.А.Смолера были Ф.Л.Челаковский, Я.Э.Пуркине.

культуры как Я.Бук, М.Горник, Г.Дучман и др.

Создание серболужицких обществ, выступления представителей интеллигенции и участников крестьянских движений с требованиями признать серболужицкий язык и его право на существование и развитие, издание первых газет (таких, например, как "Серболужицкий рассказчик и курьер" Я.Дейки, "Серболужицкой газеты" Х.Зейлера и Г.Крыгаря и др.) свидетельствовали о формировании национального самосознания лужицких сербов. В этом процессе важнейшую роль сыграло изменение отношения к своему родному языку. В начальный период национального возрождения создаются основы языковой политики, которая затем будет осуществляться деятелями серболужицкого возрождения; осознается необходимость научного изучения как живого народного языка, так и литературного языка, совершенствования литературного языка. Применявшиеся письменные формы серболужицкого языка, обслуживавшие главным образом церковную литературу, не могли удовлетворять потребностям развития светской литературы на серболужицком языке, поэзии, художественной прозы и журналистики.

Развитие серболужицких литературных языков находилось в зависимости от выполнения требований о национальном и языковом равноправии серболужичан [Harstock 1977; Harstock, Kunze 1977, 144-151], а найти конкретные пути для осуществления такого равноправия в этот период должна была молодая интеллигенция Верхней Лужицы, объединившаяся вокруг Серболужицкой матицы. В результате сознательной активизации деятельности образованных представителей Верхней Лужицы, верхнелужицкой интеллигенции в кульминационный период развития национально-культурного движения серболужичан в Верхней Лужице появляется центральная организация серболужицкой интеллигенции – Серболужицкая матица. Учредительный съезд состоялся в апреле 1845 г., окончательное утверждение – на

собрании в апреле 1847 г. [Ермакова 1996, 171-172]. Не случайно идея создания такого общества принадлежала Я.А.Смолеру, которого можно считать основоположником серболужицкого языкознания [Ермакова 1985, 21-28]. Давая характеристику культурной ситуации в Лужице в 1842-1845 гг., он подчеркивал необходимость создания книг на серболужицком языке и обеспечения им учителей, которые учат по-серболужицки [Суž 1975, 95]. Основной задачей Серболужицкой матицы являлось издание популярных и научных произведений для протестантов и католиков. Решение этой задачи потребовало создания книг светского содержания, а это в свою очередь предполагало выработку новых орфографических норм, расширение лексического состава, совершенствование литературного языка на всех уровнях языковой системы на основе научного изучения серболужицкого языка – литературного и народного. Большую роль в создании языковой политики, осуществляемой такими деятелями серболужицкого возрождения как Я.Смолер, Я.Йордан, М.Горник и др., сыграло издание ежегодного "Журнала Серболужицкой матицы", научного органа общества (начал выходить с 1848 г.)³. Для авторов журнала главным объектом изучения был серболужицкий язык и литература.

В новый период развития серболужицкого языка его научное изучение потребовало решения целого ряда проблем как теоретического, так и практического характера. К первым можно отнести проблемы, связанные с выяснением свойств серболужицкого языка как объекта научного изучения: сущность процесса развития языка, связь этого процесса с историей общества, соотношение литературного языка и языка народа, отношение к проблеме, которая и до сих пор в сорабистике не имеет однозначного решения – существуют ли два самостоятельных серболужицких языка, представленные

³ План издания и его основные направления были разработаны Я.А.Смолером, который редактировал журнал до 1853 г.

рядом диалектов, или единый серболужицкий язык с достаточно сильной диалектной дифференциацией, определение основных принципов научного изучения серболужицкого языка и выяснение связей серболужицкого языка с другими славянскими языками, отношение к заимствованиям (из немецкого языка и славянских языков). К проблемам практического характера относится комплекс проблем, связанный с развитием серболужицких литературных языков: необходимость объединения двух вариантов верхнелужицкого литературного языка – протестантского и католического, а также обсуждение возможностей объединения двух литературных языков – верхне- и нижнелужицкого или условий их сближения, выработка новых форм правописания и основ кодификации литературных языков.

Деятели серболужицкого возрождения, сделавшие серболужицкий язык – литературный и язык народа, диалекты – предметом научного изучения, признавали факт развития и изменяемости свойством языка. Причем утрата одних элементов и возникновение новых имеет место как в области звуков и формы, так и в области значения и в составе лексики. Но некоторые из них (как, например, Я.А.Смолер), отстаивая понимание языка как непрерывного процесса, деятельности, передающейся из поколения в поколение, подобно компаративистам старшего поколения противопоставляют два периода существования языка – доисторический или дописьменный (период творческого развития языка) и исторический. В соответствии с этим в жизни серболужицкого языка он выделяет два периода: 1) до XVI в. (XIII – XVI вв.) и 2) последующий период: "Все эти изменения произошли в серболужицком языке в период XIII – XVI вв., потому что с того времени, как на лужицком языке стали печатать книги, ничего не изменилось ни в его звуках, ни в его формах", "единственное изменение это то, что твердый *i* все больше произносится как *w* и это произношение преобладает по всей Лужице" [Smoler 1864₁, 8; 1864₂, 24]. Правда, другие статьи и

высказывания Я.А.Смолера свидетельствуют о том, что во многих случаях он исходит из факта развития серболужицкого языка и в письменный период, то есть после XVI в. Именно поэтому язык может определенным образом отражать историю народа, давать материал для исследования истории общества. "В языке отражается внутренняя (самая глубокая) сущность народа" [Volkslieder der Sorben ... 1953, 20]. Изучение народного быта и языка является, по мнению Я.А.Смолера, основой исследования духа и мировоззрения народа ⁴.

Для деятелей серболужицкого возрождения народный язык выступает как критерий чистоты, а письменная форма (Schriftddialekt) двух основных серболужицких наречий противопоставляется народной речи. Письменный диалект, возникнув на основе определенного живого диалекта, в дальнейшем отходит от него. Письменный язык, представленный в начальный период главным образом переводами библейских текстов, часто дословными, иногда производит впечатление языка, в котором слова "звучали по-славянски, а конструкции образовывались по чужому образцу" [Smoler 1915, 1]. Это мнение Я.А.Смолера разделялось и другими деятелями серболужицкого возрождения, озабоченными совершенствованием литературного языка, его сближением с живым языком народа. Таким образом, знание живого народного языка является основой научного изучения литературных языков.

В связи с исследованием особенностей серболужицкого языка, его литературных форм и диалектов вставал вопрос и о единстве серболужицкого языка. Эта проблема унаследована еще от предшествующего периода развития серболужицкой

⁴ Ср. размышления Я.А.Смолера по поводу способа проникновения в язык, в частности серболужицкий, заимствованных слов, а также доказательство того, что христианство в Лужице заимствовано от славян, поскольку ряд церковных терминов (например, *cyrkej*, *křćić* и др.) свидетельствует об их славянском происхождении [Smoler 1864, 1].

грамматической мысли. Авторы грамматик, начиная с XVII в.⁵, противопоставляют серболужицкий язык как единое целое другим славянским языкам, отмечая вместе с тем существование верхне- и нижнелужицких особенностей и отличий. Так, Я.А.Смолер во второй части своего известного собрания лужицких песен [Volkslieder der Sorben ... 1953, 277] пишет: "Язык лужицких сербов распадается... на два главных диалекта, а именно верхнелужицкий и нижнелужицкий", которые имеют свои поддиалекты. В собрании песен и других сочинениях Я.А.Смолера говорится о *serskej guče* ("серболужицком языке"). Этот термин употребляется везде, где язык серболужичан противопоставляется другим языкам [Volkslieder der Sorben ... 1953, 9]. Однако в некоторых случаях наблюдается известная непоследовательность в использовании этого термина, когда речь идет то о верхне- и нижнелужицком диалектах, то о верхне- и нижнелужицком языках (*hornjoserbska guč - dołojnoserska guč*), между которыми "различие так велико, что необразованные верхние и нижние лужичане едва могут договориться друг с другом" [Volkslieder der Sorben ... 1953, 9].

Решение проблемы единства серболужицкого языка потребовало обращения к исследованию серболужицких диалектов, установлению границ их распространения, установлению так называемой переходной зоны [Jordan 1841, 5; Volkslieder der Sorben ... 1953, 275-282].

Определение особенностей отдельных серболужицких диалектов вело к созданию той базы, на которую можно было бы опираться при обосновании и корректировке нормы литературного языка. Отношение некоторых ученых к диалектным данным, хотя в некоторых случаях и могло быть скептическим (так как допускалась возможность "порчи" языка и у самих его носителей), все же не мешало этим авторам вводить определенные факты языка народа в норму

⁵ См. литературу по этой проблеме в работе Р.Лёча [Lötzsch, 1965].

литературного языка. Так, например, М.Горник предлагал в И.мн. существительных среднего рода типа *zbožo* использовать в католическом литературном варианте окончание *-e* вместо *-o*, которое употребляется в католическом диалекте [Hórník 1891, 132-137].

Опора на серболужицкие диалекты, как один из способов совершенствования литературного языка, предполагала и хорошее знание традиций литературного языка предшествующего периода, а также письменных традиций других славянских языков. Однако в стремлении придать славянский характер развивающемуся верхнелужицкому литературному языку некоторые ученые иногда недооценивали данные разговорного языка серболужичан, отдавая предпочтение формам, которые уже в то время носителями литературного языка ощущались как архаичные, книжные, свойственные языку библейских переводов более раннего периода, когда светской литературы еще не существовало. Так, вопреки желанию М.Горника, в И.мн. личных существительных побеждает новое окончание *-a* (вместо окончания *-i*) – *studenta*, выходит из употребления в верхнелужицком литературном языке окончание *-u* в 3 л.мн.ч. настоящего времени, вместо нее выступает окончание *-a* – *dźělaja*, а в Р.мн. существительных с мягкой основой побеждает окончание *-ow* (вместо *-i*) *mužow* [Fasske 1983, 314].

На сближении с другими славянскими литературными языками был основан принцип параллелизма при изучении серболужицкого языка, на который опирался Я.А.Смолер⁶. Этот принцип понимался им очень широко и применялся при изучении разных звуковых единиц. Обращение к

⁶ Суть понимания принципа параллелизма славянских наречий Я.А.Смолер изложил в работе "Параллелизм славянских наречий и их фонетические правила" [Smoler 1879-1880].

общеславянской языковой сокровищнице рассматривалось Я.А.Смолером как единственная возможность объяснить неясные, сомнительные случаи, наблюдаемые в серболужицком языке. Письменную речь, считал Я.А.Смолер, "мы должны в известной мере корректировать (совершенствовать) с помощью своих и других славянских диалектов" [Smoler 1915, 17]. Применение принципа параллелизма способствовало, с точки зрения Я.А.Смолера, как очищению серболужицкого языка от чуждых влияний, его славянизации, так и сохранению своеобразия серболужицкого языка.

Знание славянских языков считал необходимым и М.Горник, который советовал серболужицким писателям "изучать славянские языки, а затем *cum grano salis* вносить поправки в литературный язык и постоянно его совершенствовать" [Hótnik 1880, 161].

Из основных принципов изучения серболужицкого языка, его литературной формы, в частности верхнелужицкой, предполагавших знание не только серболужицких диалектов, но и славянской диалектологии вообще, вытекало и отношение к немецким и латинским заимствованиям. Так, Я.А.Смолер везде, где речь идет о семантическом заимствовании, высказывается в пользу общеславянского слова (ср. его замечание о неудачном, с его точки зрения, калькировании немецкого слова *folgen - ścéhować*, а не *ślédować*). При образовании таких форм, как действительное причастие настоящего времени, он считает более правильной славянскую модель образования (известную, например, в польском и чешском языках) – от 3 л. наст. вр., т. е. *studujący*, а не *studowacy* [Smoler 1915, 35]. К славянской диалектологии рекомендуется обращаться и в том случае, если возникает сомнение при употреблении одного из предлогов - *w*, *we*, *wo*, *wó* [Smoler 1915, 42].

Развитие серболужицких литературных языков, специфический характер этого процесса, обусловленный особенностями исторического развития серболужичан,

потребовали решения и целого ряда практических проблем, связанных прежде всего с необходимостью создания единого литературного языка для серболужицан Верхней Лужицы, а также с обсуждением вопроса о возможности существования единого серболужицкого литературного языка для серболужицан Верхней и Нижней Лужиц.

В период серболужицкого национального возрождения большая часть ученых считала верхне- и нижнелужицкий литературные языки двумя литературными вариантами единого серболужицкого языка. Они базируются на родственных диалектах, но имеют существенные различия на всех уровнях языковой структуры, а также отличаются между собой по степени развитости нормы, кодификации, функциональной нагрузки. Деятели серболужицкого возрождения отдавали себе отчет в том, что уже в этот период не могло быть и речи о создании единого серболужицкого языка. Невыполнимость этой задачи была, в частности, обусловлена и отсутствием единой для всех серболужицан светской, церковной и административной власти, единой системы школьного образования, т. е. рядом внеязыковых факторов, которые на всем протяжении истории серболужицкого языка играли очень большую роль, часто решающую [Schuster-Šewc 1967, 18; 1977, 32; Löttsch 1963, 182-183]. Возможно было образование единого верхнелужицкого литературного языка, т. е. сближение двух вариантов этого языка – католического и протестантского, возникших в результате противопоставления католической и протестантской частей населения Лужицы. Ср. приводимое Г.Фасске замечание М.Горника, которым он отвечал В.Богуславскому, упрекавшему серболужицких патриотов в отсутствии стремления создать единый серболужицкий литературный язык: "Сейчас невозможно объединение обоих наречий, поскольку не существует никаких общественно-политических или общественных условий" [Fasske 1983, 312]. Между тем языковая ситуация в Верхней Лужице допускала создание единого верхнелужицкого литературного языка как

необходимого условия культурного сплочения серболужицан Верхней Лужицы. Я.П.Йордан так характеризовал языковую ситуацию в Верхней Лужице в начальный период серболужицкого национального возрождения: "В этих условиях среди серболужицан образовалось две партии, которые находятся во враждебном противостоянии ... И самое смешное заключается в том, что столь малочисленный народ, диалекты которого так похожи друг на друга, что кажутся происходящими из одной и той же деревни, разъединен орфографией и это затрудняет понимание книг ... и сводит на нет почти все выгоды и преимущества, которые могут дать нации печатные труды" (1841 г.) [Fasske 1983, 311]. По мнению Я.А.Смолера, создание единого верхнелужицкого литературного языка для всех верхнелужицких протестантов и католиков способствовало бы сохранению позиций серболужицкого языка в различных сферах общественной жизни, его дальнейшему развитию. Единый литературный язык для серболужицан Верхней Лужицы явился бы предпосылкой возможного сближения двух серболужицких литературных языков — верхне- и нижнелужицкого. С наиболее разработанным проектом такого сближения выступил М.Горник [Hórník 1880, 155-164]⁷. Исходя из того, что верхне- и нижнелужицкие литературные языки представляют собой два варианта одного языка, возникшие в своеобразных исторических условиях, он считал невозможным создание единого литературного языка для всех серболужицан. Однако, отдавая себе отчет в существовании специфических черт у каждого из этих литературных узусов, он в то же время видел и пути их сближения, используя такое явление как

⁷ Ср., например, предложение М.Горника ввести окончание *-e* в И.ед. для существительных типа *zbožo, lěčo, wjeselo, tačo*, которое характерно для протестантского варианта верхнелужицкого литературного языка (в католическом варианте в этом случае употребляется окончание *-o*); у прилагательных и местоимений в Р. и Д.ед. - окончание *-eho, -eti*, если в И. ед. м.р. они оканчиваются на согласный, т. е. имеют нулевое окончание.

вариативность языковых элементов, которая наблюдалась в том и другом литературном языке. Основой такого сближения мог быть верхнелужицкий литературный язык, в котором из многих вариантов (в частности падежных окончаний) можно было выбрать такой, который близок нижнелужицкому или даже тождественен ему [Fasske 1983, 312; N6mik 1880, 163].

Создание единого верхнелужицкого литературного языка в результате сближения двух существующих вариантов – протестантского и католического, а также пополнение словарного состава этого языка с помощью новой современной лексики было важнейшим и необходимым условием развития этого языка, верхнелужицкой литературы светского содержания, превращения его в поливалентное коммуникативное средство общения наряду с официальным коммуникативным средством – немецким языком.

Первым шагом на пути создания единого верхнелужицкого литературного языка было решение орфографических вопросов, поскольку различия двух вариантов верхнелужицкого литературного языка проявлялись в значительной мере в области системы правописания. Новая единая орфографическая система создавалась на основе латиницы с применением славянских диакритических знаков. Введение нового правописания имело, по мнению редактора литературного журнала "Лужичанин" К.А.Фидлера, культурно-политическое значение, так как становилось для серболужичан духовной и моральной поддержкой в борьбе против социальной дискриминации, национального угнетения и культурной изоляции [Schuster - Šewc 1989, 7]. Новая орфографическая система создавалась по аналогии с системами орфографии других славянских языков, особенно чешского. В создании так называемого "аналогического правописания" огромная заслуга принадлежит Я.А.Смолеру. Разработанный им проект нового правописания (1838 г.) был принят Будьпшинским серболужицким обществом (*Societas slawica Budissinensis*) и Лейпциг-

ским обществом "Сорабия" [Sorabija; Schuster-Sewc 1989, 8]. Практическое применение новое правописание нашло в ряде работ Я.А.Смолера [см. Schmalzer, 1841, 1843₁, 1843₂]. Позднее эта система была усовершенствована [Smoler 1848], более полное изложение дано К.Т. Пфулем [Pfuhl, 1848, 65-127]. Новую систему правописания одновременно начал применять и Я.П.Йордан [Jordan 1841], стремясь приблизить верхнелужицкий литературный язык к другим славянским языкам, объединить серболужичан-католиков и протестантов, выйти за пределы Лужицы и избежать культурной изоляции.

Большая часть протестантского духовенства Верхней Лужицы отрицательно отнеслась к возможностям сближения верхнелужицкого литературного языка с другими славянскими литературными языками, в частности с чешским, усмотрев в этом опасность влияния на серболужицкое население таких идей, которые могли бы угрожать устойчивому порядку в самой Лужице. Однако в более позднее время идеи Я.А.Смолера поддержал такой крупный представитель католической части серболужицкой интеллигенции как М.Горник, также стремившийся к сближению двух вариантов верхнелужицкого литературного языка. Как отмечает один из исследователей лингвистического наследия М.Горника Г.Фасске [Fasske 1983, 311-312], он стремился не только к созданию единой графики и орфографии верхнелужицкого литературного языка, но, прежде всего, к выработке единой нормы на всех уровнях литературного языка. Отношение М.Горника к нормам верхнелужицкого литературного языка было сформулировано им в статье "Образование нашего литературного языка и его сближение с верхнелужицким" [Hóptik 1880, 156-164]. Система правописания, реформированная Я.А.Смолером и Я.П.Йорданом, была позднее усовершенствована и дополнена именно М.Горником.

В процессе сближения двух вариантов верхнелужицкого литературного языка и формирования единого литературного

языка большую роль играл социальный престиж того и другого варианта. Наиболее высоким он был у протестантского варианта, который характеризовался и более стабильной нормой, большей степенью распространения. Не случайно Я.П.Йордан, прямой предшественник таких деятелей Серболужицкой матицы, как Я.А.Смолер, К.Б.Пфуль, М.Горник, взял за основу своей системы именно этот вариант [Михалк 1989, 42-43].

Новый, третий (аналогический) вариант верхнелужицкого литературного языка был принят Серболужицкой матицей и нашел применение при издании произведений серболужицких авторов, рассказов нравоучительного и развлекательного характера, в публикациях серболужицко-немецкого и немецко-серболужицкого словарей. В этом так называемом матичном варианте последовательно употреблялась латиница (антиква) в противоположность католическому и протестантскому вариантам, где использовалась фрактур (швабах) и неунифицированное традиционное правописание (о других незначительных различиях [см.: Михалк 1989, 43; Fasske 1983, 312]. Матичный вариант постепенно одерживал победу. Еще до выхода своего журнала Серболужицкая матица издала большой словарь К.Б.Пфуля. В середине 60-х гг. после многолетней работы К.Б.Пфуля, издателей Х.Зейлера и М.Горника вышел в свет обширный серболужицко-немецкий словарь (1866). Как отмечает Ф.Михалк [Михалк 1989, 43], матичный вариант употреблялся, хотя и частично, в серболужицких газетах, в "Католическом послѣ" (*Katolski posoł*), но не в протестантском "Миссионерском послѣ" (*Misionski posoł*) во второй половине XIX в., в 1862 г. - в переводах фрагментов евангелия из Вульгаты, предназначенном для католиков. «Католический "языковой партикуляризм", представителем которого был автор книги "Grammatik der wendischen Sprache katolischen Dialekts" Франц Шнейдер [Schneider 1853], во времена Михаила Горника и Я.А.Смолера был обречен» [Михалк 1989, 43].

Опубликованные в журнале Серболужицкой матицы статьи Я.А.Смолера, Х.Зейлера, К.Б.Пфуля, М.Ростока, Я.Вьелана, М.Цыжа, К.А.Енча, Я.Бука, Я.Имиша и М.Горника сыграли большую роль в развитии единого верхнелужицкого литературного языка, в укреплении позиций аналогического правописания (матичного варианта), облегчавшего путь к пониманию других славянских языков.

Процесс создания единого верхнелужицкого литературного языка наряду с уже используемыми протестантским и католическим вариантами был очень сложным и противоречивым. Протестантский вариант характеризуется высокой степенью стабильности вплоть до середины XX в. Как отмечают исследователи, влияние на него матичного варианта сказалось лишь в послевоенный период, в то время как католический вариант испытал значительное влияние этого варианта уже в период серболужицкого возрождения [Михалк 1989, 43]. Протестантский вариант верхнелужицкого литературного языка, став основой при создании единого верхнелужицкого литературного языка (или одним из его основных источников наряду с католическим вариантом) был авторитетен для всей территории Верхней Лужицы. Как культовый язык он с небольшими изменениями употребляется в литературе определенного жанра и в настоящее время [см.: Михалк 1989, 40]. Влияние элементов католического варианта на формирующийся единый верхнелужицкий литературный язык было незначительным, что объясняется более длительной и сильной традицией протестантского варианта, более активным и широким участием серболужичан-протестантов в общественном движении и культурной жизни серболужичан в период национального возрождения, а отчасти и отношением самих лужицких деятелей протестантского вероисповедания к диалектным особенностям католического варианта литературного языка. Так, Я.А.Смолер считал этот диалект "самым грубым, со многими стяжениями и выпадениями звуков загрязненным диалектом" [Páta 1919, 31]. Поэтому в то время

не прошло упомянутое выше предложение М.Горника относительно окончаний местоимений и прилагательных в Р. и Д. ед., которое требовало достижения компромисса в написании окончаний *-eho*, *-etu* / *-oho*, *-oti* между протестантским и католическим вариантами [Hópník 1883].

Процесс кодификации норм единого верхнелужицкого литературного языка касался всех языковых уровней – морфологии, синтаксиса и лексики и осложнялся пуристическими тенденциями, действие которых наблюдается на протяжении длительного времени, включая послевоенные годы XX в.

В условиях функционирования серболужицкого языка на территории со смешанным немецко-серболужицким населением влияние немецкого языка проявляется не только в серболужицких диалектах, которые насыщены немецкими заимствованиями на всех языковых уровнях, но и в литературных языках. О конкретных результатах немецко-серболужицкой языковой интерференции можно судить уже по первым переводам библейских текстов на серболужицкий язык с немецкого текста Библии М.Лютера. Эти переводы были основаны на местных диалектах и были свободны от стремления к "очищению" родного языка. Влияние немецкого текста на серболужицкий перевод сказывалось как в области морфологии и синтаксиса, так и в области лексики. Церковный характер первых памятников серболужицкой письменности обусловил обращение переводчиков к той лексике, которая отсутствовала в устной речи носителей серболужицкого языка. Среди лексических германизмов преобладают обозначения абстрактных понятий, связанных с религией, церковным обиходом, должностями; названия качеств, присущих человеку; названия растений, тканей, красок, некоторых действий и др. К грамматическим германизмам относится в первую очередь употребление указательного местоимения *tón*, *ta*, *to* и неопределенного местоимения *jedyn*, *jedna*, *jedne* в качестве

определенного и неопределенного артиклей (для народного языка это характерно и в настоящее время). О влиянии немецкого языка свидетельствует употребление личного местоимения *wón, wona, wone* в качестве субъекта безличного предложения, особенности в употреблении притяжательных местоимений, отрицательного местоимения *žadyn*, а также образование некоторых глагольных форм, в частности форм будущего времени и форм пассива.

Для XVII и XVIII вв. исследователи отмечают существенное различие между протестантским и католическим вариантами верхнелужицкого письменного (литературного) языка с точки зрения использования немецких заимствований: протестантская церковная литература оказывается более консервативной в языковом отношении, чем католическая, и влияние немецкого языка здесь более значительно, причем часть немецких заимствований проникла в католическую литературу из протестантской. Различной могла быть и судьба одного и того же заимствования в разных письменных вариантах [Michałk 1972, 52, 84]⁸.

Новый этап во взаимодействии немецкого и серболужицкого языков начинается в 40-х гг. XIX в., когда вместе с развитием периодической печати и светской литературы расширяются функции и сферы применения серболужицкого языка. Стремление к созданию единого верхнелужицкого литературного языка, к выработке норм этого языка и его дальнейшему совершенствованию, отношение к языку как объекту научного исследования приводили к необходимости отбора грамматических и лексических средств. В этот период меняется отношение образованных серболужичан, деятелей серболужицкого

⁸ В ряде случаев в католических библейских переводах находим серболужицкие слова там, где в протестантских употреблены немецкие заимствования. Частично это объясняется различием в диалектных базах обоих вариантов [Michałk 1972].

национального возрождения, которые в той или иной степени влияли на формирование языковой политики, к заимствованиям в верхнелужицком литературном языке из других языков — славянских и неславянских — и особенно к германизмам. Именно в этот период выдвигается лозунг "очищения" верхнелужицкого литературного языка от "чужих" элементов, т. е., в первую очередь, от германизмов. Такая позиция определялась основной целью, которая преследовалась в процессе формирования единого верхнелужицкого литературного языка — сделать этот литературный язык понятным любому носителю серболужицкого языка и, следовательно, не противоречащим по своему характеру особенностям родного языка.

Как следует из изложенного выше, можно говорить об известной общей системе взглядов на формирование единого верхнелужицкого литературного языка, которыми руководствовались наиболее значительные деятели серболужицкого национального возрождения в стремлении сохранить системное своеобразие литературного языка, хотя в конкретной деятельности в области языковой практики того или иного автора можно наблюдать определенные отличия. В основе этой системы лежало отношение к серболужицким диалектам и данным других славянских литературных языков и диалектов как к критерию славянского характера того или иного явления, свойственного верхнелужицкому литературному языку, а также оценка этих явлений с точки зрения традиций верхнелужицкой письменности. Так, Я.А.Смолер считал необходимым сохранить такие своеобразные черты серболужицкого языка, как древние формы глагола — аорист I и аорист II, а также "чистое и полное" употребление форм двойственного числа, утраченное в большинстве славянских языков. Напротив, формы будущего времени, образованные по немецкому образцу, противостоят славянскому характеру серболужицкой глагольной системы, они "портят язык народа" и ведут к искажению текста. Под влиянием немецкого языка в верхнелужицкий литературный язык попадали несвойственные

ему формы, например, употребление указательных местоимений *tón, ta, to* в роли артикля (в соответствии с немецкими *der, die, das*), который не существует в серболужицком языке и "совершенно не нужен ему" [Smoler 1915, 2-3], смешение предлогов *wo* и *wot*, с помощью которых переводился немецкий предлог *von*, что приводило к грамматической бессмыслице.

В процессе борьбы за "очищение" верхнелужицкого литературного языка деятели серболужицкого возрождения обращались к другим славянским языкам, особенно к чешскому и польскому (см. выше о значении принципа параллелизма славянских наречий для Я.А.Смолера). Обычно деятели национального возрождения не выходили за пределы славянских языков и не стремились расширить материал для сравнения. Это в значительной мере объяснялось практическим характером работ таких, например, ученых, как Я.А.Смолер, М.Горник. Ограждению языка от чуждых влияний, сохранению его чистоты и характера и приближению к народной речи и языкам других славянских народов должны были способствовать грамматические работы, которые могли повлиять на литературный язык.

Начиная с 40-х гг. XIX в. развитие верхнелужицкого литературного языка характеризуется усилением пуристических тенденций. Результат "очищения" литературного языка можно было обнаружить на всех уровнях языковой системы и особенно в верхнелужицкой лексике: в некоторых случаях автор для выражения определенного понятия выбирает лужицкий вариант, отказываясь от уже достаточно устойчивого в верхнелужицком литературном языке немецкого заимствования.

Стремление писателей избегать германизмов привело к тому, что из литературного языка ушли особенности морфологии имени и глагола, возникшие под влиянием немецкого языка и обычные для литературного языка предшествующего периода: например, неопределенный артикль, *wopo* как

подлежащее в безличном предложении; *jeđyn* с неопределенно-личным значением; сложные формы будущего времени типа *budu donjesć*, формы будущего времени страдательного залога типа *budu chwalony wordować*, аналитические формы повелительного наклонения 1 л. дв. ч. и мн. ч. Однако многие германизмы, употребляющиеся в верхнелужицком литературном языке старшего периода, сохранились в литературном языке вплоть до настоящего времени. Часть германизмов уже и не осознавалась как германизмы, для некоторых же из них сузилась сфера употребления. Ср., например, прочно вошедшие в верхнелужицкую лексику такие заимствования, как *taler*, *bleša*, *bónk*, *plester*, *bow*, *žalba* и многие другие.

Оценка деятельности пуристов не может быть однозначной. Пуризм выполнял в период серболужицкого национального возрождения оборонительную функцию [Шустер-Шевц 1989, 15] и был направлен на сохранение славянского характера серболужицкого языка, его своеобразия по сравнению с другими славянскими языками. Он был своего рода реакцией на отношение к серболужицкому языку со стороны правящих властей. Влияние немецкого языка в условиях языковой ситуации в Лужице, постепенное развитие двуязычия у серболужицкого населения, ставшего в начале XX в. массовым, было неизбежным. Развитие новой по содержанию светской литературы, прессы, освещавшей политические, экономические, научные и многие другие вопросы, требовало расширения круга лексики, создания отсутствовавших прежде терминологических систем в разных областях знания [Шустер-Шевц 1989, 13; Трофимович 1989, 78-92]. Структурная близость верхнелужицкого литературного языка с другими славянскими языками, особенно с чешским, определяла частое обращение в ходе этого процесса образования новой лексики не только к серболужицкой лексике старшего периода или диалектов, но и к лексике родственных славянских языков (чаще всего к чешскому). Ср. такие заимствования из

чешского, как некоторые лингвистические термины, например, *słowjeso, předložka, přechodník, sklonjowanie, časowanie, podmiot, sada*.

Влияние немецкого языка в процессе образования новых слов, терминов (о создании терминологических систем в верхнелужицком литературном языке в изучаемый период см.: [Трофимович 1989, 78-92]) проявлялось в верхнелужицком литературном языке и в таком способе словообразования, как калькирование соответствующего немецкого слова: например, *wócnu kraj* 'родина' – нем. *Vaterland*, *wědomstwo, wědomosć* – нем. 'знание, наука' – нем. *Wissenschaft*, *dwórnišćo* 'вокзал' – нем. *Bahnhof*, *blidar* 'столяр' – нем. *Tischler*.

Под влиянием славянских языков, особенно чешского, иногда восстанавливаются в употреблении серболужицкие слова раннего периода: например, приводимые Г.Шустером-Шевцем *čitać, čitanka, ličić, powětr, worjoł, jih, sewjer* [Шустер-Шевц 1989, 13] или адаптируются слова славянского, особенно чешского, происхождения: например, *stroj, remjesło, rukopis, basen, basnik, basnistwo, železnica, džiwadło, přemysło, časopis, počasy, hudźba*.

Некоторые немецкие слова вошли в лексический состав верхнелужицкого литературного языка. Ср., например, приведенные выше, а также большое число интернациональных слов, заимствованных из немецкого языка.

Однако иногда происходили ненужные замены лужицких слов заимствованиями из других славянских языков. Ср., например, *pobrach, sewjer, juh, zašty* вместо *zmyłk, połnoc, połdnjo, zandženy u přichod* и др.

В период национального возрождения пуристические тенденции в несколько меньшей степени затронули интернациональную лексику верхнелужицкого литературного языка, так как во многих случаях именно интернационализмам нельзя было найти лужицкое соответствие. Терминологические системы в различных областях науки, техники,

политики и производственной деятельности, создававшиеся такими деятелями национального возрождения, как Я.А.Смолер, К.Б.Пфуль, М.Росток и др., обнаруживают различную насыщенность интернациональной лексикой. Наибольшее число интернационализмов наблюдается в церковной и лингвистической терминологических системах, хотя и здесь существуют различия в работах разных авторов. Так, лингвистические интернационализмы почти не употреблялись в словаре К.Б.Пфуля, но характерны для журнальных статей с лингвистическим содержанием, для работ Я.А.Смолера. Издание собрания песен верхних и нижних серболужицан - фундаментального труда Я.А.Смолера (1841-1843 гг.), а также таких работ как "Mały Serb aby serske a němske rozmlówjenja" (1841) и "Němsko-serski słownik" (1843) означало начало нового этапа в развитии интернациональной лексики в верхнелужицком литературном языке. Непосредственным источником этих интернационализмов был немецкий язык. В отличие от других германизмов эта интернациональная лексика оказалась наиболее устойчивой. При этом некоторые интернационализмы, заимствованные из немецкого языка, приобрели другую морфологическую форму, которая в верхнелужицком литературном языке также могла изменяться с течением времени (ср., например, у Я.А.Смолера первоначально заимствованные по модели существительных мужского рода *deklinacijon*, *praeposicion*, *wokalisacion*, а впоследствии существительные женского рода *deklinacija*, *wokalisacija*).

Отметим, что в словаре К.Б.Пфуля для обозначения одних и тех же понятий наряду со словом-интернационализмом приводится и верхнелужицкий синоним.

Однако в период национального возрождения некоторые из уже вошедших в верхнелужицкий литературный язык интернационализмов заменялись на соответствующие верхнелужицкие термины (ср., например, *etnografija* – *ludowěda*,

narodopis, gramatika – řečnica, konjugacija – časowanje, geografija – zemjepis и др.). Но в дальнейшем верхнелужицкие термины, в том числе и приведенные выше, вышли из употребления, а в словарях даются с пометой "устаревшее" (ср., например, также все названия месяцев – *smaznik, praznik, žjenc, jutrownik* и др.). В некоторых случаях интернациональный термин и собственно верхнелужицкий выступают параллельно (ср., например, *ethnografija – ludowěda, geografija – zemjepis* и др.).

Круг проблем, возникших в процессе формирования новой верхнелужицкой лексики в связи с развитием светской литературы, журналистики, науки, был очень широк: образование одних слов путем деривации от уже существующих верхнелужицких слов, калькирование немецких слов, изменение и расширение старого значения слов, введение в употребление слов, характерных для более раннего периода развития верхнелужицкого литературного языка, адаптирование славянских, особенно, чешских слов широко распространенное в период национального возрождения при создании новых верхнелужицких терминологических систем. Решение этих проблем в 40-е – 80-е годы XIX в., определявшее развитие верхнелужицкого литературного языка, его совершенствование, проходило на фоне действия тенденции реславянизации верхнелужицкого литературного языка, приближения его к другим славянским литературным языкам, близким верхнелужицкому по своей структуре. В этом процессе значительное место занимали пуристические установки представителей верхнелужицкой интеллигенции, осуществлявшей языковую политику, поддерживаемую Серболужицкой матицей.

Осуществление пуристических установок вело к отрыву верхнелужицкого литературного языка от народного языка серболужичан, большинство которых пользовалось своим диалектом наряду с немецким языком. Этот процесс шел медленно, так как внедрение новых норм, "подлинно

славянских", создаваемых лингвистами, было трудно осуществить: школьное образование на лужицком языке в Лужице было ограниченным, а за пределами Саксонии оно фактически не существовало. Изменению литературного языка, характерного для более раннего периода и насыщенного германизмами, в значительной мере препятствовало то обстоятельство, что он был освещен церковной традицией. В течение всей последующей истории верхнелужицкого литературного языка, начиная с 40-х гг. XIX в., продолжалась борьба с германизмами. Стремление "очистить" верхнелужицкий литературный язык от германизмов, славянизировать его с помощью серболужицких и других славянских диалектов и литературных языков приводило иногда к сознательной архаизации литературного языка. Архаизация верхнелужицкого литературного языка как результат действия пуристических тенденций была наглядно представлена Р.Енчем на примере сравнения двух верхнелужицких переводов Библии – 1728 г. и перевода Нового завета Ю.Лусчанского – М.Горника: (XXV глава св. от Матфея, 42, 43) в Библии 1728 г., как в разговорной речи серболужичан, употребляются формы перфекта, образованные с помощью личных местоимений, в переводе М.Горника – соответственно формы аориста (как в греческом, без местоимений); в переводе 1728 г. находим формы причастий там, где в переводе М.Горника – чуждые разговорному языку формы деепричастий, которые придают тексту перевода характер сознательной архаизации [Jepč1964, 252]. По мнению Р.Енча, эти факты подтверждают, что до середины XIX в., то есть до перелома в развитии верхнелужицкого литературного языка в период национального возрождения, не было принципиального различия между письменным языком серболужичан и их разговорной речью.

Процесс смены устаревших языковых норм, характерных для серболужицкой церковной литературы предшествующего периода, вызванных к жизни формированием новых коммуникативных условий, протекал сложно и противоречиво.

Необходимость создания новой кодификации верхнелужицкого литературного языка была обусловлена быстро развивающимися и относительно радикальными изменениями в узусе литературного языка. Расхождение норм консервативного литературного языка (преимущественно церковной литературы) с узусом народного языка были очевидны уже в начале XIX в. Языковая политика в период национального возрождения, связанная с именами Я.А.Смолера, М.Горника и др., а в более поздний период – Я.Б.Чишинского и А.Муки, была направлена на заботу о "чистом" серболужицком языке (*čista serbskosć*), о его так называемой *słowjanskosći*. Новый верхнелужицкий литературный язык одержал победу главным образом в публикациях журнала Серболужицкой матицы, где помещались работы в области морфологии, лексики, синтаксиса. В газетах и журналах, рассчитанных на массового читателя, он пробил себе дорогу не сразу.

Дивергентное развитие верхнелужицкого литературного языка и народного языка, на котором говорило большинство серболужичан, было обусловлено рядом субъективных и объективных причин, а наметившиеся тенденции сближения норм литературного языка с узусом народного языка в процессе новой кодификации литературного языка оставались без достаточного внимания со стороны ее создателей. Деятели национального возрождения в Лужице находились под сильным влиянием чешского возрождения, в котором пуристические тенденции были очень сильны. Чешский же образец был взят ими в качестве примера в борьбе за поднятие престижа верхнелужицкого литературного языка, за создание "чистого" и "хорошего" литературного языка⁹. Начиная со второй половины XIX в., как отмечает известный серболужицкий

⁹ Между тем, по замечанию Р.Енча [Jelč 1964,251], чешский литературный язык сам представлял собой достаточно искусственное образование.

исследователь Р.Енч, приливы и отливы в этом процессе определялись изменениями в политической и культурной ситуации в Лужице. Носителем верхнелужицкого литературного языка была, в основном, интеллигенция, объединенная вокруг Серболужицкой матицы и поддерживавшая все ее начинания, в том числе и в пуристической деятельности. Основным носителем серболужицкого языка – сельское население Лужицы – пользовалось соответствующими диалектами и являлось пассивными адресатами, на язык которых литературный язык не оказывал непосредственного влияния. Таким образом, как полагают некоторые лужицкие лингвисты, в народном языке серболужичан система представлена в чистом виде, так как этот язык не испытал влияния извне [Fasske 1976, 281]. Этим определяется значение изучения системы и структуры народного, диалектного языка: оно дает представление о сущности и действии закономерностей языковой системы и поэтому является надежным критерием при оценке явлений, наблюдаемых в литературном языке [Fasske 1976, 281].

Кодификаторы верхнелужицкого литературного языка периода национального возрождения не смогли решить проблему кодификации норм верхнелужицкого литературного языка, которая бы во всех важных структурных элементах соответствовала бы народному языку, оценить соотношение нормы верхнелужицкого языка старшего периода с его относительно стабильной нормой и тенденциями живого развивающегося народного языка, реализовать в кодификаторской деятельности принцип народности норм литературного языка. Проблема взаимоотношения живого народного языка серболужичан с литературным языком и проблема кодификации верхнелужицкого литературного языка, основанная на учете их соотношения, заняла одно из первых мест в круге лингвистических проблем, решаемых серболужицкими языковедами, особенно в послевоенный период, после перерыва в живой традиции верхнелужицкого

языка во времена фашистской диктатуры. (Ср. ряд работ Г.Фасске, Р.Лёча, Р.Енча [Fasske 1968; Löttsch 1964; Jenč 1964; Fasske 1976], посвященных вопросу о несоответствии существующей кодификации литературной нормы литературному узусу.) В послевоенной лингвистической литературе был выдвинут принцип "народности" – критерия при решении вопроса о "литературности" или "нелитературности" тех или иных форм, флексий или конструкций. Следование этому принципу должно было способствовать демократизации серболужицких литературных языков, преодолению их консерватизма.

ЛИТЕРАТУРА

Ермакова М.И. Лингвистические взгляды Я.А.Смолера // *Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Rjad A. Č. 32 / 1. Bautzen, 1985.*

Ермакова М.И. Серболужицкая матрица // *Славянские матрицы. XIX в. Часть первая. М., 1996.*

Михалк Ф. Стабильность и вариантность серболужицкого языка // *Формирование и функционирование серболужицких языков и диалектов. М., 1989.*

Трофимович К.К. У истоков терминотворчества в верхнелужицком литературном языке // *Формирование и функционирование серболужицких языков и диалектов. М., 1989.*

Шустер-Шевц Г. Возникновение современного верхнелужицкого литературного языка XIX в. и проблема влияния чешской модели // *Формирование и функционирование серболужицких языков и диалектов. М., 1989.*

Cyž J. Jan Arnošt Smoler. Budyšin, 1975.

Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Verfasst von H.Fasske unter Mitarbeit von S.Michalk. Morphologie, Bautzen, 1981.

Fasske H. Što je norma džzensnišeje spisowneje serbsčiny? // Rozhlad. 12. 1962.

Fasske H. Problemy a perspektiwy serbskeho rěčneho slědženja // Rozhlad. 9. 1976.

Fasske H. Prócowanje Michała Hórnik a wo jednotnosć spisowneje rěče // Rozhlad. 9. 1983.

Volkslieder der Sorben in der Ober- und Nieder-Lausitz. Herausgegeben von L.Haupt und J.E.Schmaler. Akademie-Verlag. Berlin, 1953.

Harstock E. Die sorbische nationale Bewegung in der sächsischen Oberlausitz 1830 - 1848 / 49. Bautzen, 1977.

Harstock E., Kunze P. Die bürgerlich-demokratische Revolution von 1848 / 49 in der Lausitz. Bautzen, 1977.

Hórnik M. Wótworjenje našeje spisowneje rěče a jeje zbliženje k delnjoserbskej // ČMS, 1880.

Hórnik M. Hdže pišemy jatowane pismiki // ČMS, 1891.

Jenč R. K prašenju normy w hornjoserbskej spisownej rěči // Serbska šula. 17. 1964. 4.

Jordan J.P. Grammatik der wendisch-serbischen Sprache in der Oberlausitz. Prag, 1841.

Lötzsch R. Někotre musle k prašenju gramatiskeje normy serbskej spisownej rěče // Rozhlad. 8. 1964.

Lötzsch R. Einheit und Gliederung des Sorbischen. Akademie-Verlag. Berlin, 1965.

Lötzsch R. Das Problem der obersorbisch-niedersorbischen Sprachgrenze // ZfSl, 1969. B. VIII. H.2.

Měišk F. Rozwažowanja k městnu delnjoserbskeje literatury w stawiznach serbskeho pismowstwa // Rozhlad. 10. 1976.

Michalk Fr. Latinizmy a germanizmy w řeči J.H.Swětlíka // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Rjad A. Č. 19 / 1. Bautzen, 1972.

Páta J. Z českeho listowanja // ČMS, 1919. LXXII.

Pfuhl K.B. Hornjołužiski serbski prawopis z krótkim ryčničnym přehladom // ČMS, 1848. I, 1.

Schmaler J.E. Mały Sserb aby Serske a Njemske Rozmłowenja a t.d. nebst einem wend.-dtsch. und dtsch.-wend. Wörterbuche. Bautzen, Wellersche Buchhdlg., 1841.

Schmaler J.E. Dyalectyske Wšelakosće Serbskeje Reče // Volkslieder der Sorben in der Ober- und Nieder-Lausitz. Zweiter Theil. Volkslieder der Wenden in der Niederlausitz, Grimma, 1843₁.

Schmaler J.E. Njemsko-Serski Słownik. W Budešini, Wellersche Buchhdlg., 1843₂.

Schneider F. Grammatik der wendischen Sprache katolischen Dialekts. Bautzen, 1853.

Smoler J.A. Serbski abejcej // ČMS, 1848, IX / X, 1856 / 1857.

Smoler J.A. Kajka je wučba athanasianskeho symbola wo třećej wosobje w Bójstwje a kak su ju serbscy bohóstowcy ryče zapřijeli? Stawizniskoryčespytnje rozebranje, Budyšin, 1864₁.

Smoler J.A. Přeměnenja serbskeje ryče wot 13. do 16. lětsotka // Łužičan, V, 1864₂.

Smoler J.A. Parallelism słowjanskich narěčow a jich fonetiske prawidła // Łužičan, XIX, 1879 - 1880.

Smoler J.A. Łužisko-serbske rěčespytnje zapiski // Łužica, 1915.

Sorbische Sprachdenkmäler 16.-18. Jahrhundert, Bautzen, 1967.

Schuster-Šewc H. Wuwiće spisowneje rěče pola łužiskich Serbow // Sorabistiske přednoški, 1977, Budyšin, 1977.

Г.К.Венедиктов
(Москва)

О болгаризации современного болгарского литературного языка на стадии его формирования

К числу важнейших процессов, протекавших на раннем этапе формирования современного болгарского литературного языка, относится так называемая болгаризация ("побългаряване"). В существующей литературе проблема болгаризации неизменно затрагивается и в той или иной мере освещается. Этому процессу придается большое значение в становлении орфоэпических и орфографических норм формировавшегося литературного языка, в утверждении его народно-разговорной основы в целом. Так, Л.Андрейчин характеризует его как "основную линию в формировании болгарского литературного языка до середины XIX в., направленную на прогрессивное и последовательное утверждение его народной основы" [Андрейчин 1968, 519]. Ср. с этим и близкую характеристику роли болгаризации у Р.Русинова: это "линия языкового строительства", которая "приводит к быстрому преодолению церковнославянского влияния и в области фонетики слов и этим самым к полной победе современной народной основы нашего литературного языка" [Русинов 1980, 36]. В другом месте Р.Русинов расценивает болгаризацию как "новый и очень характерный принцип нашего языкового строительства" [Русинов 1984, 84]. "Основным принципом болгарского языкового строительства" в истории современного болгарского литературного языка считает болгаризацию В.Вьтов [Вьтов 1982, 83]. Подчеркивается также важная роль болгаризации в формировании лексики.

Л.Андрейчин, например, указывает, что болгаризация - это "основной принцип создания ("изграждането") нашей литературной лексики"[Андрейчин 1977, 191]. Особо подчеркивается также и роль болгаризации в нормализации звукового строя складывавшегося на народной основе литературного языка. Л.Андрейчин рассматривает устранение церковнославянско-русского влияния в фонетике как "особенно важный момент в развитии болгарского литературного языка" [Андрейчин 1977, 54], а Р.Русинов представляет ее как "новый принцип фонетического устройства" этого языка [Русинов 1984, 107].

Несмотря на признаваемую современными учеными исключительную важность болгаризации в формировании современного болгарского литературного языка на стадии его становления, как мне кажется, еще нельзя утверждать, что этот процесс исчерпывающе изучен и уже не требует дальнейшего исследования. В настоящей статье мы остановимся на некоторых высказываемых в литературе положениях, касающихся болгаризации, которые, на наш взгляд, еще нуждаются в дополнительных уточнениях.

Прежде чем перейти к таким положениям, надо сказать несколько слов о самом понятии процесса болгаризации. В прямом смысле слова болгаризация, как известно, это адаптация, приспособление заимствованных болгарским языком слов к его звуковому строю. Оно выражается в устранении таких особенностей их произношения, которые или вообще не свойственны болгарскому языку или не соответствуют исторически сложившейся звуковой системе литературного языка. При более широком понимании болгаризацией охватывается приспособление заимствованных слов также к морфологической и словообразовательной структуре болгарского языка. В истории современного литературного языка болгаризация рассматривается обычно в первом, более узком, значении этого термина, а именно как устранение в процессе его формирования звуковых особенностей церковно-

славянского и русского языков, оказавших на него наиболее сильное внешнее влияние. В существующей литературе эти особенности достаточно хорошо описаны. Важнейшей среди них признается произношение звуков [y], [o], [e] на месте характерного для живого болгарского языка звука [ъ], выступающего в настоящее время на месте былых юсов и еров. Именно эта особенность чаще других приводится в качестве характерного признака церковнославянского и русского (далее церковнославянского-русского) влияния и как одна из примет церковнославянизмов и русизмов.

В современной литературе болгаризация в указанном здесь понимании характеризуется как "фонетическая ассимиляция церковнославянских и русских слов" [Андрейчин 1977, 200], "процесс приспособления чисто церковнославянских слов к особенностям болгарской фонетики" [Андрейчин 1969, 15], как придание церковнославянским и русским словам "болгарского звучания" [Павлова 1982, 189] и др. Подобное понимание болгаризации, хотя оно и отличается известными нюансами в своем истолковании, применительно к словам, вошедшим в современный болгарский литературный язык из церковнославянского и русского языков, возражений не вызывает.

В связи с этим, однако, возникает весьма существенный вопрос: являются ли церковнославянизмами и русизмами все слова, которые в формировавшемся болгарском литературном языке выступают с фонетическими признаками церковнославянского и русского языков, или же ими являются только те из них (*прѣстѹплєніє, супругъ, мужество, воплощеніє, громогласно, сообщеніє, воздухъ, креститель, первообразіє* и др.), которые не имели в живом народном языке соответствующих лексем в свойственном ему звуковом облике? Или иначе: являются ли церковнославянизмами и русизмами также *болгарин, долг, перво* и огромное число других слов с церковнославянского-русскими фонетическими особенностями, которые широко употреблялись в 1-й половине

XIX в. (да и позднее) в текстах многих возрожденцев и которые имели в народной речи соответствия со свойственными ей фонетическими особенностями - *българин* (*блъгарин* и др.), *долг* (*длъг*), *перво* (*пръво*) и т.д.? (Краткости ради здесь и ниже как соответствие церковнославянским [y], [o] и [c] мы указываем только звук [ъ], не забывая, что в современных болгарских говорах им соответствуют и другие звуки).

В литературе на этот вопрос даются разные ответы, а в связи с этим по-разному характеризуется в ней и судьба слов типа *болгарин*, *долг*, *перво* и сам процесс утверждения в литературном языке слов со звуком [ъ].

Известна точка зрения К.Мирчева, согласно которой слова типа *скорбь*, *мука*, *мужъ*, *перво*, *путь*, *пять* в зарождавшемся современном литературном болгарском языке представляют собой "русские слова в полностью неизменном виде" [Мирчев 1958, 87]. С этим мнением не согласен Л.Андрейчин, который, отграничивая слова данного типа от "чисто церковнославянских слов" или – в другом месте – от "действительных лексических церковнославянизмов и русизмов", считает их чем-то вроде мнимых церковнославянизмов и русизмов. "Нужно признать, – возражал он К.Мирчеву, – что такие формы как *скорбь*, *муж*, *перво* и др. в языке наших возрожденцев не являются церковнославянскими или русскими словами, это болгарские народные слова, приспособленные к литературной фонетической традиции, воспринятой от церковнославянского языка" [Андрейчин 1968, 520]. Слова данного типа Л.Андрейчин характеризует как "болгарские слова в церковнославянской фонетической форме", слова с церковнославянской "литературной" формой, слова с "новой (русской) фонетической формой", "с новыми – русскими (церковно-славянскими) – формами", как "фонетические, а не лексические русизмы". Точка зрения Л.Андрейчина была воспринята и поддержана многими болгарскими языковедами, так что, как справедливо заметил в

1979 г. К.Босилков, в Болгарии "сложилась традиция окачествлять некоторые слова как "народные" с примечанием, что в конкретном тексте они выступают в книжной, скажем, церковнославянской форме" [Босилков 1979, 41]. Сам К.Босилков с мнением Л.Андрейчина согласен лишь отчасти, полагая, что определения типа "народные слова в церковнославянской форме" верны "только в отношении лексических единиц, которые отсутствуют в церковнославянском языке, но подведены под его образец" и которые, следовательно, не могут быть отнесены к словам типа *рука, полный, волкъ* и др.; эти последние "объективно принадлежат к церковнославянскому языку, независимо от того, что они имеют народные разговорные варианты" [Босилков 1979, 41]. Вероятно, здесь последовательнее было бы указать не на объективную принадлежность приведенных и им подобных слов к церковнославянскому (с этим никто не спорит), но и на то, что в болгарском эти слова выступают как церковнославянские заимствования или как лексические элементы церковнославянского языка.

В зависимости от того, включаются ли слова типа *мужъ, долгъ, перво* и мн. др. в число церковнославянизмов и русизмов или нет, решается учеными вопрос о том, подвергались ли они болгаризации или не подвергались.

Признание К.Мирчевым заимствованиями в зарождавшемся современном литературном языке как слов типа *оскорбление, составление, восточен*, так и слов типа *скорб, муж, мука, перво* логически подводит его к заключению о том, что устранение в них чуждых звуковой структуре народного болгарского языка фонетических особенностей произошло одинаково – путем болгаризации. В принципе так же считает и В.Вътов, который, в отличие от К.Мирчева, разграничивает, правда, "слова заимствованные и слова, испытавшие влияние церковнославянской фонетики", но, как и К.Мирчев, полагает, что обе группы слов были подвергнуты фонетической болгаризации ("фонетично побългаряване") [Вътов 1982, 83].

Большинство же современных исследователей устранение церковнославянского влияния в области фонетики объясняют иначе. Они указывают два пути такого устранения. Один из них охватывает церковнославянские и русские заимствования, другой – народные слова с церковнославянскими фонетическими особенностями. Впервые эти пути были указаны в одной из статей Л.Андрейчина в конце 60-х годов. Связывая начало процесса устранения церковнославянско-русского влияния в области фонетики с деятельностью Ив.Богорова, Л.Андрейчин писал, что заслуга Ив.Богорова состоит в "сознательном освобождении книжного облика болгарских слов от влияния русской (точнее – церковнославянской) фонетики, что приводит к сознательной болгаризации действительных лексических церковнославянизмов и русизмов" [Андрейчин 1968, 520]. Следовательно, по мнению Андрейчина, народные по происхождению болгарские слова от церковнославянско-русских фонетических особенностей *освобождаются* и они как бы начинают вновь выступать в своей исконной звуковой форме, а подлинные церковнославянизмы и русизмы *болгаризуются*, т.е. приспосабливаются к звуковой структуре живого болгарского языка. При этом болгаризация данного пласта слов оказывается попутным следствием (во всяком случае в практике Ив.Богорова) "освобождения" звукового облика народных болгарских слов от церковнославянско-русского влияния.

Точка зрения Л.Андрейчина в настоящее время разделяется многими лингвистами. Она изложена, например, в известном университетском учебнике по истории современного болгарского литературного языка Р.Русинова, где сказано, что "новый принцип фонетического устройства" болгарского литературного языка предложила "Първичка българска граматика" Ив.Богорова, и принцип этот характеризуется Р.Русиновым следующим образом: "освободить болгарские слова от церковнославянского фонетического влияния, а вместе с этим болгаризовать заимствования из

церковнославянского и русского языков" [Русинов 1984, 107]. Другие ученые, разделяя в принципе точку зрения Л. Андрейчина, устранение церковнославянского-русских фонетических особенностей в народных по происхождению слова характеризуют не как освобождение, а как *восстановление* в них исконно болгарского произношения. Так, В. Попова, говоря о заслугах Ив. Богорова в нормализации фонетики литературного языка указывает, что «он восстанавливает болгарское произношение (или болгарскую фонетическую форму) таких слов как *дѣлг*, *мѣка*, *мѣчител*, *тѣкмо*, *пѣрво*, которые употреблялись в литературном языке как "долг", "мука", "мучитель", "токмо", "перво" и др.» [Попова 1982, 120]. Так же характеризуется практика Ив. Богорова и в академической "Истории новоболгарского литературного языка", где сказано, что Ив. Богоров "почти последовательно восстанавливает болгарское произношение (или болгарскую фонетическую форму) таких слов как *дѣлг*, *мѣж*, *мѣка*, *мѣчител*, *пѣрво*, *сѣд*, *сѣн*, *тѣкмо*, которые до этого момента в письменном языке употреблялись только в форме *долг*, *муж*, *мука*, *мучитель*, *перво*, *суд*, *сон*, *токмо*" [История 1989, 105].

Каким же путем утвердились слова с [ъ] вместо слов с церковнославянско-русскими [у], [о] и [е] – только ли путем болгаризации или же путем "децерковнославянизации (дерусификации)", как можно было бы условно, краткости ради и соотносительно с термином "болгаризация", назвать то, что характеризуется как освобождение слов от церковнославянско-русского влияния или восстановление в народных по происхождению словах свойственного народной речи звукового облика?

Что касается так называемых "чистых" церковнославянизмов и русизмов, то с ними вопрос ясен: эти слова утратили церковнославянско-русские фонетические особенности в результате болгаризации.

Что же касается другой группы рассматриваемых здесь слов, то с ними дело обстоит иначе, но, на наш взгляд, не совсем так, как принято думать.

Вопрос сводится к тому, действительно ли слова, характеризующиеся как болгарские народные слова в церковнославянско-русском фонетическом облике или как фонетические церковнославянизмы и русизмы, в истории современного болгарского литературного языка утратили церковнославянско-русские фонетические признаки, освободились от них и восстановили свой исконно болгарский, свойственный народной речи фонетический облик? Этот же вопрос можно сформулировать и иначе: действительно ли такие слова с [ъ] как *мъж*, *мъка*, *сън*, *дълг*, *първо* и им подобные утвердились в современном литературном языке в результате того, что употреблявшиеся ранее слова с церковнославянско-русскими фонетическими особенностями *мужъ*, *мука*, *сонъ*, *долгъ*, *перво* утратили эти особенности? Ответ на этот вопрос — положительный или отрицательный — нам представляется весьма важным, ибо он в сущности определяет или предопределяет понимание того, каким образом нормализован существенный фрагмент современной орфоэпической системы болгарского языка.

На наш взгляд, положительный ответ, даваемый на этот вопрос во многих работах последних лет, не отражает действительной картины того, как утвердились в литературном языке народные по своему происхождению слова с [ъ] < Ж(Ѣ), ѣ, ѣ; слова с [е] < А и другими звуковыми особенностями, связываемыми обычно с рассматриваемым здесь процессом. Мнение о том, что *българин*, *мъж*, *първо* и множество им подобных слов закрепились в литературном языке в результате данного процесса имплицитно основывается на той посылке, что в истории современного болгарского литературного языка "децерковнославянизации" ("дерусификации") народных слов предшествовало такое состояние этого языка, когда соответствующий пласт слов употреблялся исключительно в

церковнославянско-русском звуковом облике или, иначе говоря, что до начала рассматриваемого процесса слова со звуком [ъ] (*мъж*, *дълъг*, *първо* и под.) в формировавшемся литературном языке вообще не употреблялись. Поскольку начало данного процесса в настоящее время почти единодушно связывается с первыми годами литературной деятельности Ив.Богорова, то в сущности следовало бы признать, что до начала 40-х годов XIX в., когда вышли из печати первые книги Ив.Богорова, слова указанного типа в формировавшемся литературном языке как бы вообще не употреблялись.

Никто из историков современного болгарского литературного языка не станет отстаивать такое как бы вытекающее по логике вещей положение. В истории этого языка не было такого периода (даже кратковременного), когда бы в изданных текстах употреблялись только, скажем, слова в написании *мужъ*, *сонъ*, *перво* и совсем не употреблялись бы слова с гласным [ъ] – *мъж*, *сън*, *първо* (в написании того времени – *мажъ*, *маъжъ*, *маъжъ* и др.); нельзя также упускать из виду и то, что написания типа *мужъ* могли произноситься и с [ъ] на месте [у]. Из этого следует по крайней мере тот важный вывод, что источник слов с [ъ] в современном литературном языке – *мъж*, *сън*, *първо* и под. – нельзя усматривать только в употреблявшихся словах с церковнославянско-русским написанием, отражающих церковнославянско-русские фонетические особенности. В действительности же на всем протяжении истории современного болгарского литературного языка, начиная со времени его зарождения (20-е годы XIX в.) и до выхода в свет первых произведений Ив.Богорова (начало 40-х годов), с которыми, как уже сказано, связывается начало рассматриваемого здесь процесса в нормализации звуковой системы литературного языка, в нем существовали слова обоих типов – *мужъ* и *мъжъ*, *сонъ* и *сънъ* и др. с разными обозначениями звука [ъ]. При этом в разных моделях, в которых выступал формировавшийся литературный язык в эти два десятилетия и позднее до установления основных его норм,

соотношение данных типов слов было разным, как разным оно было и в языке отдельных книжников. В идиомах, в большей мере ориентировавшихся на церковнославянскую основу, чаще выступают или преобладают слова с церковнославянско-русскими фонетическими особенностями. В тех же идиомах литературного языка, которые базировались главным образом на народно-разговорной основе, слова с фонетическими особенностями разговорной речи встречаются чаще, но и в них в той или иной мере представлены (а если говорить о языке отдельных книжников, то и преобладают) слова с церковнославянско-русскими фонетическими особенностями типа *мужъ, сонъ, перво* и др.

Так, хорошо известно, что П.Берон в "Рыбном букваре"(1824) звук [ъ] после твердых согласных под ударением в бесспорно народных словах передает, как правило, буквой *ѣ* – *пѣть, мѣчно, бѣди, лѣжи, вѣлкѣ, гѣлчѣ, вѣлна, твѣрдѣ, вѣрна са*; изредка также и буквой *ѧ* с ударением – *пѧть-атѣ, пристѧни, испѧни*; буквой *ѧ* под ударением после мягких согласных – *спѧтъ, да посолѧ, благодарѧ* и мн. др.; этот же звук [ъ] без ударения П.Берон передает обычно буквой *а* – *гарнѣ, зѧтлѧстѣ, зѧнчѣ, раѧ-та, саблѣчи си* (хотя в приставках гораздо чаще пишется *о* в соответствии с церковнославянско-русским написанием). Вместе с тем, в тексте "Рыбного букваря" довольно часто встречаются и слова с церковнославянско-русским написанием, а именно с *у* (точнее с *уком*) – *мѣѣ, да буди, мѣдро, мѣчи, мѣчитель, судѧха*; с *о* – *слѣнце-то, крѣвь, тѣкми, дѣлѣтъ, скѣрбѣ*, также и в приставках – *да собѣра, создѣди, соверѣи, возмѣжно, воздѣга*; с *е* – *перѣц, самодѣрѣецѣ, нѣрст-атѣ, смертѣ* и мн. др. При этом в народных словах явно преобладают написания с *ѣ, ѧ* и *а*, передающими несомненно звук [ъ]. Однако такого же типа народные слова, как это видно и из приведенных здесь примеров, П.Бероном передаются и по церковнославянско-русскому образцу – *мѣѣ, буди, мѣчи, крѣвь, перѣц*, хотя они

могли бы быть написаны им и с *й* - *мѣѣе*, *бѣди*, *мѣчи*, *крѣвь*, *пѣрва*. Л. Андрейчин полагает, что написания *долг*, *перво*, *часто*, передают такое произношение слов, которое для П. Берона, "очевидно звучало более литературно, чем *дѣлг*, *пѣрво*, *често*" [Андрейчин 1968, 519]. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи. Возможно, дело так именно и обстоит, но при этом все же остается неясным, почему П. Берон в "Рыбном букваре" отражает "менее литературное" произношение множества других народных слов. Как бы то ни было, здесь важно подчеркнуть тот факт, что уже в "Рыбном букваре" П. Берона широко отражено чисто народное произношение слов с гласным [ѣ], и эта особенность неизменно отмечается всеми исследователями языка этой знаменитой книги видного возрожденца.

Подобной практики придерживались и другие возрожденцы. Известно, например, что А. Кипиловский в изданном им переводе книги "Священное цветоебране" (1825) звук [ѣ] передавал буквами *ā* и *Ā* (с горизонтальными черточками) – *пāти*, *кāща*, *гāба*, *тлāсты*, *варвā*, *сѣдā*, и др. (без ударения этот же звук передается здесь этими же буквами без черточки – *лажā*, *таргѡвцы*, *испадѣлъ дравѣпа* и др.). А. Кипиловскому следовал П. Сапунов в изданном в 1828 г. переводе Нового завета. Менее известно, кажется, то, что букву *ā* использовал для передачи звука [ѣ] и В. Априлов в своей брошюре "Бѣлгарските книжници, или на кое словенско племе собственно принадлежи Кирилловска азбука?", вышедшей в свет в 1841 г. – за год до издания первых сочинений Ив. Богорова. В этой брошюре находим *пāть*, *бāде*, *мāжи*, *вāзель*, *длāга*, *пāлци*, *излāгало*, *тāнко*, *крāстили* и множество других народных слов с гласным [ѣ], в том числе и в самом этнониме *бѣлгаре* и его производных *бѣлгарски* (см. и название брошюры), *бѣлгарицина*.

Известны и другие способы передачи звука [ѣ] в народных словах. Хр. Павлович, например, в "Разговорнике греко-

болгарском", изданном в 1835 г., передаст его буквой ъ: *гърне-то, възгланъ-о, гъстакъ-о, върба-та, дъска-та, стълба-та* и мн. др. А М.Кифалов в изданной в 1842 г. в его переводе книге Ю.И.Венелина "Заради възрождение новой болгарской словесности или науки" звук [ъ] в народных словах передавал, следуя предложению автора переведенной им книги, с помощью *ă, ǫ, ȳ, ȳ̃* - *распрăсналъ, твѣрдѣ, лѣскѣ, кѹща* и др. Напомню также, что еще в 20-е годы В.Ненович книгах "Священная история церковна"(1825) и "Буквар за децата на славсно-болгарскиет народ"(1826) звук [ъ] передаст юсами - *мѣжъ, кѣща, рѣка, дѣлѣ* и мн.др. (подробнее о способах передачи звука [ъ] в болгарских текстах 20-начала 40-х годов см. [Венедиктов 1979, 255-263], [Венедиктов 1993, 79-85], [Русинов 1985, 14-20]).

Таким образом, до окончательного установления основы, отражающей характерные особенности народной речи, в формировавшемся современном литературном языке в целом как специфическом феномене литературного языка в Болгарии в эпоху Возрождения сосуществовали варианты *мужъ* и *мѣжъ, сонъ* и *сонѣ, перво* и *първо* и т.д. Эти пары или ряды слов стилистически были не равнозначны. Слова с церковнославянско-русскими фонетическими словами на первых порах рассматривались, очевидно, как более литературные, более правильные. Ср. и замечание Л.Андрейчина о том, что даже для П.Берона "очевидно, произношение *долг, перво, часто* ... звучало более литературно, чем *дѣлг, първо, често* и пр." [Андрейчин 1969, 15]. Стилистическая дифференциация данных типов слов была особенно характерна для тех книжников, которые настаивали на создании литературного языка, ориентированного в значительной степени на церковнославянскую основу. Ср. очень показательное в этом отношении мнение Хр.Павловича, который даже в середине 40-х годов писал, что "реченаА **ж** и **ѣ**", т.е. звук [ъ], "причинаѡа Азыку безобразіе, гнусота и

премное потемнение" и что "силу и произношение" букв Х и Ъ "само Българи знаатъ, а Болгаринъ нити единъ не познава" [Павлович 1845, II]. Эту крайнюю точку зрения, как известно, разделяли не все книжники того времени. Многие современники Хр.Павловича, наоборот, доказывали, что звук [ъ] — наиболее характерная примета болгарского языка, сохранившаяся в нем со времен Кирилла и Мефодия, и что его надо непременно сохранить и утвердить в складывавшемся литературном языке. С течением времени отрицательное отношение к этому звуку и к произношению слов с ним было полностью изжито, и он прочно вошел в звуковую систему литературного языка, а слова с этим звуком вместо [y], [o], [e] стали стилистически нейтральными.

Итак, поскольку в современном литературном языке со времени ранней стадии формирования и до установления его фонетической системы сосуществовали варианты типа *мужъ* и *мъжъ*, *сонъ* и *сънъ*, у нас нет оснований утверждать, что варианты с народным звуковым обликом появились в нем вследствие "децерковнославянизации" вариантов с церковнославянско-русскими фонетическими особенностями. Во всяком случае, очевидных и убедительных доказательств в существующей литературе приведено еще не было. Народные слова рассматриваемого здесь типа утвердились в литературном языке не в результате "освобождения" подвергшихся ранее церковнославянско-русскому влиянию самих слов народного же происхождения от церковнославянско-русских фонетических особенностей или в результате "восстановления" в них народного звукового облика. Ни в том, ни в другом не было необходимости, собственно говоря, ибо, как уже говорилось выше, народные слова в своем исконном звуковом облике и без того уже употреблялись в литературном языке того времени. Они утвердились постепенно в качестве единственной нормы (за известными исключениями, которые не меняют общей картины нормализации звуковой системы литературного языка) не в результате "децерковно-

славянизации" ("дерусификации") народных слов с церковнославянско-русскими фонетическими особенностями, а вследствие постепенного расширения своего употребления и усиления статуса стилистически нейтральной нормы при одновременном постепенном сужении или ограничении сферы употребления конкурировавших с ними слов с церковнославянско-русскими фонетическими особенностями вплоть до полного (точнее – почти полного) вытеснения их из литературного языка.

Если принять тезис о том, что слова с [ъ] вместо [у], [о], [е] утвердились в литературном языке в результате "децерковнославянизации", то следовало бы объяснить, что произошло с теми словами с [ъ], которые употреблялись в нем до начала указываемого многими данного процесса и, следовательно, вообще не могли быть охвачены этим процессом. Какова судьба этих слов после начала "децерковнославянизации"? В литературе этот вопрос не ставится, но он должен возникнуть как логическое следствие существующего в ней объяснения истории слов со звуком [ъ], как, впрочем, и слов с другими фонетическими особенностями, связываемых с процессом болгаризации.

Изложенное здесь объяснение фонетической нормализации слов народного происхождения со звуком [ъ] (это относится и к другим случаям вариативных пар типа: слово, испытавшее влияние церковнославянско-русской фонетики, – слово в народном звуковом облике) базируется на известных фактах наличия широкой вариативности языковых элементов, относящихся ко всем ярусам литературного языка со времени его зарождения. Некоторые случаи вариативности, обусловленной книжным и народно-разговорным происхождением языковых элементов вариативных пар, рассматриваются в одной из статей К Босилкова [Босилков 1979, 39-46]. Однако утверждение звука [ъ] и произношения слов с этим звуком, с одной стороны, и устранение из литературного языка соответствующих вариантов с церковнославянско-русскими

фонетическими особенностями, с другой, как результат преодоления некогда широкой вариативности и в данном фрагменте звукового строя литературного языка еще нуждается в специальном изучении на более широком материале. Наиболее близко к такому решению рассматриваемого здесь вопроса подошел Хр.Пырвев в статье "Хилядолетен книжовен език", где говорится, что "десятилетия подряд можно наблюдать нары слов, различающихся только отдельными звуками (*мука* и *мъка*, *совет* и *съвет*, *болгарин* и *българин*) и воспринимаемых как различные "стилистические варианты", пока не возобладали болгаризованные или болгарские облики и они не включились органично в новоболгарскую литературно-языковую систему" [Първев 1981, 146].

Изложенное, таким образом, подтверждает высказанное в связи с болгаризацией положение о том, что народная речь с ее характерными фонетическими особенностями утверждается в болгарском литературном языке в результате "постепенного ограничения размеров влияния церковнославянского языка" [Георгиева, Цойнска 1978, 112].

ЛИТЕРАТУРА

Андрейчин Л. Един важен момент в развитието на съвременния български книжовен език // Известия на Института за български език. 1968, кн. XVI.

Андрейчин Л. Специфични моменти и особености при формирането на съвременния български книжовен език // Български език. 1969. № 1.

Андрейчин Л. Из историята на нашето езиково строителство. София, 1977.

Босилков К. Разговорни и книжовни варианти в езика на възрожденската литература // Помагало по история на

българския книжовен език. (Възрожденски период). Съставила В. Попова. София, 1979.

Венедиктов Г.К. Вопросы нормализации болгарского литературного языка в начале XIX в. // Славянское и балканское языкознание. История языка и письменность. М., 1979.

Венедиктов Г.К. К истории обозначения звука [ъ] в болгарском литературном языке эпохи Возрождения // Балканско езикознание, 1993, т. XXXVI, кн. 1.

Вътов В. Езикът на Сава Доброплодни в преводното съчинение "Игиономия" // Език и литература. 1982. № 3.

Георгиева Е., Цойнска Р. Славянски и неславянски езикови влияния в периода на оформяне и стабилизиране на съвременния български книжовен език (с оглед предимно към лексиката) // Славянска филология. Т. XV. Езикознание. София, 1978.

История на новобългарския книжовен език. Отговорни редактори Е. Георгиева, Ст. Жерев, В. Станков. София, 1989.

Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1958.

Павлова Р. Болгарско-русские и русско-болгарские языковые связи. София, 1982.

Павлович Хр. Грамматика славеноболгарска. Белград, 1845.

Попова В. Иван Богоров // Строители и ревнители на родния език. София, 1982.

Русинов Р. Езикът на Иларион Стоянов (Макариополски) // Rocznik Slawistyczny. Т. XL. Cz. 1. 1980.

Русинов Р. История на новобългарския книжовен език. София, 1984.

Русинов Р. История на българския правопис. София, 1985.

Първев Хр. Хилядолетен книжовен език // Българският език – език на 13-вековна държава. София, 1981.

О.С.Плотникова
(Москва)

Идеи славянской взаимности и словенский литературный язык XIX века

XIX век является важнейшим периодом в истории словенского литературного языка. Именно в это время закладывалась база и осуществлялась кодификация современного словенского литературного языка на новой междиалектной основе. Сложность современной языковой ситуации в Словении (искусственный характер ряда норм литературного языка, активное функционирование разговорных региональных разновидностей, многоярусность переходных образований от стандартного языка к диалекту) во многом объясняется теми процессами, которые переживал словенский литературный язык в XIX в. Различные стороны этих процессов были предметом пристального внимания как филологов, так и историков [Breznik 1982, Prijatelj 1937, Petre 1939, Čurkina 1974, Чуркина 1978 и др.].

Нашей задачей является суммарный обзор основных направлений в поисках оптимальной модели нового литературного языка. Целесообразно также дать более точный и полный анализ языковой нормы и ее трансформации в языковой практике и грамматической литературе того периода. Вскрытие истинных причин зарождения новой модели словенского литературного языка невозможно без учета широкого историко-культурного фона и освещения языковой ситуации, сложившейся в словенских землях в начале XIX в.

Нормы словенского литературного языка, заложенные в XVI в. словенскими протестантами, опирались на речевые особенности носителей центральных словенских диалектов с

преимущественно доленской фонетической базой, они были открытыми и подвижными. Фонетические и морфологические модификации этих норм, наблюдаемые с XVII по XIX в. были отражением естественной языковой эволюции, а также сложных процессов взаимодействия дивергентных и конвергентных тенденций в словенском языковом пространстве. Центральные диалекты, а вместе с ними центрально-словенский разговорный язык, на котором базировались литературные нормы, будучи очагом ряда важнейших фонетических и морфологических инноваций, зарождение и интенсификация которых отмечались уже в XVI в. (например, редукция короткого ударного и безударного вокализма, утрата различий между твердой и мягкой разновидностью склонения существительных м. и ср. рода в твор. пад. ед. ч. и дат. п. мн. ч., вызванная депалатализацией согласных *em > om > am* и др.), переживали эти изменения в ускоренном темпе. Отставание периферийных диалектных зон, а в некоторых случаях и их невовлеченность в эти процессы привели к тому, что созданный в XVI в. литературный язык для обслуживания трех крупных областей Словении — Крайны, Штирии и Каринтии, постепенно стал утрачивать статус общенародного языка. Тенденции регионализма в литературной практике, наблюдаемые в конце XVIII — начале XIX вв., усложнили языковую ситуацию¹.

Экстралингвистическую специфику языковой ситуации в словенских землях XIX в. составляет нарастание процессов национального возрождения с постепенным осознанием необходимости единения всех словенских регионов на базе единого литературного языка. Одним из существенных компонентов этих процессов являются идеи славянской взаимности и их югославянская модификация — иллиризм.

¹ Подробнее о языковой ситуации и процессах национального возрождения словенцев см. [Плотникова 1978].

Мысли о принадлежности словенцев к великой семье славянских народов не были новы для словенской интеллигенции и прогрессивного духовенства. Автор первой словенской грамматики XVI в. Адам Бохорич пишет о славной истории славянства, дает сведения о славянских племенах и территории их расселения [Bohorizh 1987, 12-20]. Древность славянских племен и их языковую близость подчеркивает и один из крупнейших деятелей национального возрождения словенцев XVIII в. Марко Похлин [Pohlin 1768]. Ерней Копитар в своей грамматике интерпретирует славянство как единый народ с единым языком. Славянские языки в современном понимании он называет наречиями. Здесь мы находим мысли, созвучные идеям Гердера о этническом миссионерстве славян. Славянство у Копитара представлено как "мифологический народ с идеальными чертами" [Torišič 1996, 2].

Труды словацкого ученого Павла Йозефа Шафарика и чешского будителя Яна Коллара, легшие в основу идеологии славянской взаимности, сыграли определенную положительную роль в деле активизации процессов национального возрождения славянских народов Австрийской империи. Такие идеи Яна Коллара, как необходимость культурного сближения славян, создание славистических кафедр в университетах, книжный обмен, совместная деятельность ученых по собиранию и изучению славянского фольклора [Лециловская 1968, 49-50], с восторгом были приняты во всех славянских землях. Однако языковая концепция идеологов славянской взаимности не получила поддержки в широких кругах словенской интеллигенции.

Центральной идеей труда Яна Коллара "О литературном взаимодействии между различными племенами и наречиями славянского народа", опубликованного в 1837 г., является тезис о четырех главных славянских языках — русском, польском, чешском и иллирийском. Под последним подразумевался хорватский язык. Эти языки должны быть известны элитарным кругам во всех славянских странах, а остальные славянские

языки, трактуемые как наречия и поднаречия, предназначались для народа и интеллигенции второго ряда. Таким образом, согласно этой концепции, словенскому языку отводился удел поднаречия.

Эта концепция легла в основу теории литературно-языкового дуализма, элитарная литература — на одном из главных славянских языков, а литература для народа — на национальном языке. Шафарик, конкретизируя эту мысль, предлагает словенцам два литературных языка — иллирийский для литературы, предназначенной для интеллигенции, и словенский язык как язык литературы для простого народа.

В книге Я.Коллара содержалась также мысль о приближении к идеалу общеславянского языка [Торогійіс 1967, 36-37]. Идеи естественного сближения славянских языков были уже знакомы словенцам в начале XIX в. В своей грамматике Е.Копитар выдвигает задачу создания совершенного и понятного всем правописания, подчеркивая, что в этом случае интеллектуальные плоды каждой из ветвей славянства будут доступны всем. Копитар пишет о целесообразности сосуществования нескольких литературных языков до того момента, пока наиболее достойный из них не станет общим литературным языком славян [Kopitar 1808, 203-205]. Таким образом, Е.Копитаром вопрос о возможности возникновения в исторической перспективе общеславянского языка решается на демократической основе с учетом принципа историзма. Для социолингвистических воззрений Копитара характерно неприятие какого-либо насилия над естественной эволюцией языка. По его мнению, лингвист должен регистрировать, а не формировать языковые факты. Поэтому позже всячески поддерживая замыслы Вука Караджича положить в основу сербского литературного языка новоштокавский диалект, он противится искусственному объединению сербского и хорватского языков.

Мысли, созвучные пониманию Копитаром языковой политики, мы встречаем и в многочисленных высказываниях

учредителя и главного редактора влиятельной и популярной газеты середины XIX в. "Kmetijske in rokodelske Novice" Янса Блейвейса по поводу далекой и туманной перспективы общеславянского языка. В частности, весьма показательно его высказывание в одном из номеров "Новиц" за 1851 г.: «"Новице" будут оттачивать и совершенствовать словенский язык, приумножая его богатство заимствованиями из языков славянских братьев, но сохраняют для своего народа древний и достойный уважения словенский язык до момента наступления общеславянского дня» [Otožep 1996, 160].

Лингвистическая концепция идеологии славянской взаимности была осуждена крупнейшими деятелями словенского национального возрождения. Великий словенский поэт Франце Прешерн пишет серию эпиграмм, осуждающих теорию четырех литературных славянских языков и отступничество словенского "иллира" Станко Врза ("Чванливая четверка более многочисленных родов Славии", "Катон наоборот" и др.), противником теории литературно-языкового дуализма был современник и друг Франце Прешерна литературный критик Матия Чоп. Во многих публикациях в "Новицах" после мартовской революции 1848 г. содержатся идеи, утверждающие право словенского языка обслуживать нужды самобытной словенской национальной культуры, свидетельствующие о зрелости национального самосознания словенцев. Так, священник люблянской семинарии Юрий Волц (Подкоренчан) пишет в "Новицах" от 12 июля 1848 г.: "По мере роста и расцвета словенского языка будет расти и слава отечества... Никому не дано право называть словенский язык поднаречием, это ствол, а не ветвь... особая благодарная руда, которая не должна переплавляться с чем-то другим... Словенский язык заслуживает, чтобы ему было отведено достойное место среди культурных языков... Мы не хотим презирать и унижать другие народы ... Мир – это большой дом, и все народы в нем – братья" [Priatelj 1937, 11-12].

Идеи славянской взаимности и иллиризма нашли благодатную почву в кругах молодой словенской интеллигенции периферийных пограничных регионов – в Штирии и Каринтии. Это было связано, с одной стороны, с наибольшей опасностью германизации в этих областях, с другой – с неудовлетворенностью штирийцев и каринтийцев нормами литературного языка Центральной Словении (Крайны).

Характеризуя особенности словенского варианта иллиризма как югославянской модификации идей славянской взаимности XIX в., имеет смысл сопоставить движение иллиризма в словенских и хорватских землях. Если в Хорватии это движение приобретает практически общенациональный характер, охватывая почти все слои населения [Лециловская 1968, 71, 73, 96, 107], то в словенских землях оно носит в основном локальный характер. Идейной базой хорватского варианта иллиризма были мысли о автохтонности славянского населения в Европе, при этом древние иллирийцы идентифицировались со славянами. Обоснованию этой точки зрения, в частности, была посвящена целая серия работ Людевита Гая, Драшковича и др. В Словении мысли об автохтонности славян высказывались крайне осторожно. Так, в грамматике М.Похлина содержится лишь намек на славянскую автохтонность. Решительно против идентификации славян с иллирийцами выступает словенский драматург и историк Антон Томаж Линхарт [Pogačnik 1991, 90-91]. Идеи автохтонности славян находят отражение во введении к книге Матии Майра-Зильского [Majar 1848], в немногочисленных публикациях в "Новицах" 1844 г., отголоски этих идей мы находим также в поэзии Симона Енко. Термин иллирийский у словенцев чаще ассоциировался с соответствующим территориально-административным наименованием.

Центральной идеей в движении иллиризма в хорватских землях уже в 30-е гг. была идея литературно-языкового единения южных славян. Поразительно быстро менялись взгляды Людевита Гая на конкретные пути литературного

слияния южных славян. Сначала он считал достаточным их соединение на основе единого правописания; несколько позже встает вопрос о едином литературном языке "Великой Иллирии", который должен был бы сформироваться на базе всех наречий путем вбирания в себя лучших черт; а уже в середине 1835 г. он переводит свою газету "Даница" с кайкавского на штокавский диалект [Лециловская 1968, 134-137]. Новый литературный язык стал называться иллирийским.

Идеи хорватских иллиров об объединении всех южных славян на базе единого литературного языка были декларативными. Главной задачей для них было объединение в перспективе с сербами. При нормализации нового иллирийского литературного языка даже не предпринимались попытки учесть особенности словенского языка. В дальнейшем это явилось одной из причин охлаждения романтически настроенной словенской молодежи к идеям иллиризма.

Иллиризм в словенских землях — несколько более позднее явление. Зародившись в кругах студенческой югославянской молодежи в Вене и Граце в начале 1827 г., иллиризм не принимает характера общенационального движения. Наибольшее количество приверженцев идей иллиризма мы находим в Штирии, например, Станко Враз, Штефан Кочевар, Орослаф Цаф, Антон Кремпель, Даворин Трстеняк. В конце 30-х гг. некоторый интерес к движению иллиризма отмечается и у молодого Франа Миклошича, но позже он становится его убежденным противником [Petre 1939, 128]. В Каринтии наиболее яркими фигурами иллирийского движения были Матия Маяр-Зильский и Урбан Ярник. Активизация иллирийского движения в словенских землях наблюдается в годы до и после мартовской революции 1848 г.

Позиция первого и наиболее последовательного иллирийца Станко Враз тесно связана с идеями Яна Коллара о четырех главных славянских языках. При этом Враз понимал под иллирийским штокавский вариант хорватского языка [Prijetelj 1937, 34-35]. Враз считал также, что эта модель иллирийского

языка должна включать в себя также элементы старопштокавского языка дубровницкой литературы [Petre 1939, 111]. Идеи Станко Вразы не оказали существенного влияния на литературно-языковую ситуацию в словенских землях. В 1838 г. он переезжает в Загреб, порывает со словенским национальным движением и пишет исключительно на хорватском языке.

В работах Матии Маяра-Зильского идеи славянской взаимности приобретают качественно новое наполнение. Иллирийский, или общеславянский язык Маяра, строящийся на широкой южнославянской основе, включает в себя и много словенских элементов, по мнению Маяра, этимологически более правильных. В ноябре 1848 г. выходит знаменитая книга Маяра "Правила оформления иллирийского наречия и общеславянский язык".

Маяр выделяет четыре славянских наречия: чешское, польское, русское и иллирское. Последнее он делит на словенское, хорватское и сербское поднаречия [Majar 1848, 10]. По мнению Маяра, расцвет славянских литератур возможен только на основе языкового объединения славян. Сближение языков должно осуществляться по определенным правилам, основным из которых является следующее: писать на своем иллирском поднаречии так, чтобы это по возможности было близко другим поднаречиям и не отдаляло бы иллирский язык от других славянских наречий [Majar 1848, 12]. Маяр предлагает этимологический принцип написания; так, он вводит написание *klešće* вместо принятого в центральнословенской модели литературного языка гореньского *kleše*, различение флексий прилагательных, мотивированного былой мягкостью предшествующих согласных *dobroga*, но *našega*, включает в числе обязательных формы действительных деепричастий настоящего времени *delajuč*, *tresuč*, замену словенских флексий в склонении существительных ж.р. на *-a* на сербские *ženu*, *ženom* и др.

Идеи Маяра разделял доленец Иван Навратил. В газете "Словения" от 02.02.1849 г. он рекомендует изучать в народных школах кириллицу и иллирийскую латиницу, а также три основных славянских наречия — иллирийское, русское и чешское. Во 2-ой половине 1849 г. он публикует в "Ведеже" отдельные тексты с параллельным словенским переводом [Priatelj 1937, 39-40].

Усиление реакции и германизации после принятия октроированной конституции активизирует движение сторонников идей славянской взаимности и иллиризма. Так, Андрей Эйншпиллер пишет в "Словении" от 31.07.1849: "Взаимность и согласие — наша надежда". "Словения" начинает публиковать выдержки из "Правил" Маяра [Priatelj 1937, 42]. Урбан Ярник, как и большинство словенских сторонников иллиризма, считал, что общий иллирийский язык должен включать в себя элементы словенского языка.

Поиски новой модели словенского литературного языка в 40-50-х гг. проходили в нескольких направлениях:

1. Развитие и совершенствование центральнословенской модели словенского языка (Ерней Копитар и его последователи);

2. Отказ от национальных и литературно-письменных традиций и принятие в качестве литературного одного из других славянских языков: а) хорватского (Станко Враз и его последователи); б) чешского (Иван Мацун); в) русского (Петер Хицингер); г) старославянского (Орослаф Цаф и др.);

3. Принятие в качестве литературного одного из словенских диалектов, представляющих собой переходную зону от словенского к хорватскому: а) белокрайнского (Юрий Кобе); б) приморского (Иван Мацун);

4. Создание искусственного языка на базе южнославянских языков (Матия Маяр).

Против отказа от национального словенского языка в качестве литературного решительно выступают крупнейшие писатели, поэты и ученые, например, Франце Прешерн, Матия

Чоп, Ян Блейвейс, Лука Светец и др. Постепенно идея славянской взаимности трансформируется в идею словенской интеграции на базе единого для всех словенских земель литературного языка. "Не объединение близкородственных языков, а интеграция наречий и консолидация одного словенского языка" [Priatelj 1937, 23] – такова задача, стоявшая перед деятелями словенского возрождения во 2-ой половине XIX в.

В качестве основы общесловенского литературного языка берется уже апробированная на протяжении трех столетий центральнословенская (крайняя) модель языка, однако отдельные ее нормы, отражающие гореньско-доленьские инновации, но противоречащие языковой системе более архаичных в своем развитии штирийских и каринтийских диалектов, пересматриваются. С конца XVIII до середины XIX в. эта модель языка уже претерпела значительные изменения: состоялся плавный переход с доленьской на гореньскую систему вокализма, успешно выполнялась поставленная еще в 1808 г. Ернеем Копитаром задача борьбы с лексическими и синтаксическими германизмами, обогащался лексический состав языка за счет привлечения диалектной лексики и заимствований из других славянских языков. На центральнословенской модели языка писал знаменитый Франце Прешерн, она успешно использовалась в прозе, учебных пособиях, словенской периодике. Морфологические нормы этой модели, описанные в грамматике Копитара, адекватны реальной языковой практике. В частности, в грамматике Копитара отражено варьирование флексий местн. пад. ед.ч. существительных м. и ср. рода: *raki* (*raki*), *kraju* (*kraji*), *sercu* (*serci*), которое широко представлено в языке Прешерна и периодике того времени, например, *na sveti*, *v morji*.

Осознание необходимости учета в литературном языке как грамматических, так и лексических особенностей нецентральных словенских диалектов отмечается еще до

формирования и распространения идей славянской взаимности. Так, доленец Янез Непомук Примич в письмах к Валентину Воднику предлагает еще в 1810 г. ввести окончание дат.пад. ед.ч. -*om* вместо -*am* и различение по роду форм сравнительной степени прилагательных *lepši*, *lepša*, *lepše* [Ogožen 1996, 97]. Опубликованные в 20-х гг. грамматики П.Дайнко [Dainko 1824] и Ф.Метелко [Metelko 1825] с морфологическими элементами регионализма в известной мере подготовили исходную базу для будущего пересмотра литературных норм. Позже Антон Мурко последовательно регистрирует диалектно-дифференциальные признаки именной флексии, например, дат. пад. ед.ч. *raku(i)*, твор. пад. ед.ч. *rakom (am)*, твор. пад. мн.ч. *z raki(omi, ami, mi)*, твор. пад. ед.ч. *z riboj(o)* и др. [Murko 1850, 13, 20].

Одной из насущных проблем, решаемых в середине XIX в., была реформа графики — замена бохоричицы с диграфным принципом обозначения шипящих на более современную и экономичную гаицу с использованием надстрочных знаков. Своеобразным полигоном, на котором апробировались оба варианта графики, становятся "Kmetijske in rokodelske Novice".

Янез Блейвейс предоставил широкой словенской общественности возможность выбора между бохоричицей и гаицей, публикуя материалы на обоих графиках. Впервые такие публикации были помещены в № 3 "Novic" за 1844 г. В опубликованном там письме Матии Маяра, написанном на гаице, выражена мысль о необходимости сближения словенского языка с хорватским. Маяр предлагает печатать половину материалов на иллирской графике, а другую на бохоричице, подчеркивая постепенность перехода на новую графику без какого-либо принуждения. В 1849 г. бохоричица официально заменяется гаицей. Принцип демократичности, осознанного выбора предлагаемых вариантов преобразования литературного языка последовательно соблюдался Я.Блейвейсом и его кругом, несмотря на его первоначально отрицательное отношение к гаице и новым формам.

Новые морфологические и частично фонетические нормы вырабатывают в процессе перевода на словенский язык Государственного свода законов (*Državni Zakonik*) Матевж Цигале, Франце Ериша и Лука Светец, в этой работе принимал участие и Фран Миклошич. В 1849 г. в газете "Словения" публикуется ряд статей с перечислением новых форм (в частности, статья Светца "Новые формы"). Новые формы закрепляются в газетах "Словения", "Ведеж", "Словенская пчела". Принцип этимологической правильности новых форм поддерживался также положениями карантанско-паннонской теории происхождения старославянского языка Ернея Копитара и Франа Миклошича. Часть обсуждаемых на страницах газет новых форм в феврале 1851 г. вводится в школы в качестве обязательных. В результате кодификации в словенском литературном языке произошли следующие изменения в фонетическом и морфологическом строе:

1) устранение формы с отражением редукции краткого ударного и безударного вокализма (вместо *de, rez-, perjatelj* введены *da, raz-, prijatelj* и др.);

2) горсьенское *ž* заменено на общеславянское *ž* (*kleže — kležče*);

3) введены новые флексии в склонении сущ.м. и ср. рода (твор. пад. ед.ч., дат. пад. мн.ч. *-om / -em* вместо *-am*, дат.-твор.пад. дв.ч. *-oma / -ema* вместо *-ama*;

4) изменено словоизменение прилагательных (восстановлены падежные флексии *-ega, -emu* вместо *-iga, -imu*, восстановлены форма им.пад. мн.ч. ср. рода *lepa* вместо *lepe*, родовые признаки форм сравнительной и превосходной степени *lepši, lepša, lepše* вместо *lepši* для всех трех родов);

5) частица и приставка *nar* заменены на *naj*.

Новые нормы литературного языка отражены в грамматиках 2-ой половины XIX в. В своей первой грамматике, опубликованной в 1850 г., известный грамматист Антон Янежич еще дает в именной парадигме центральнословенские

формы *-om / -am, -em (-im)* [Janežič 1850, 5, 8]. В дальнейших изданиях словенской грамматики Янежич исключает эти формы, отражая только вариантность флексий в местн. пад. ед.ч. сущ. ср.рода: *letu, polji(u)* [Janežič 1864, 42]. Центральнословенские формы еще спорадически представлены в периодике и других изданиях в 60-е гг., например, *nektere znamenja*. Однако в целом публикации на территории Крайны соблюдают новые литературные нормы.

Идеи славянской взаимности не только повлияли на выбор новых норм словенского литературного языка, но и отчасти обусловили тенденции к искусственной славизации и архаизации словенского литературного языка 2-ой половины XIX в. В словенской прозе этого периода отмечается частое употребление ставших непродуктивными еще в предшествующие периоды истории словенского языка форм плюсквамперфекта и деепричастий прошедшего времени (*velevši, prišedši*). Активизируется употребление форм несовершенного вида для выражения функций, выполняемых в XVI в. и позже формами совершенного вида, например, настоящего узувального и повторяющегося действия, снижается частотность продуктивного суффикса *-ova- / -eva-* за счет увеличения количества имперфективов, созданных по более архаичным моделям. Одно из направлений искусственной славизации словенского языка представлено в произведениях видного писателя того времени Франа Левстика. Второе направление, проистекающее из идей иллиризма, широко представлено в словенской периодике 50-80-х гг., где отмечаются такие элементы сербохорватского языка, как чередование *k / c*: *dijaci, travnici*, формы зват. пад. *gospodine, narodnjače*, флексия *-om* в твор.пад. ед.ч. ж.р. *latinicom*, творительный беспредложный и др. [Dular 1975].

Идеологом второй волны иллиризма в словенских землях был Радослав Разлаг, а сербизмы чаще всего отмечались на страницах газеты "Slovenski narod". Архаизмы и экзотизмы

встречались также и в грамматиках; так, А. Янежич в грамматике 1864 г. вводит форму звательного падежа, предпринимались также попытки ввести формы имперфекта.

Фран Миклошич отрицательно относился к неоправданным экспериментам над словенским литературным языком. Известно его высказывание в эти годы: "... Язык — это величайший дар божий и пренебрегать им не смеет никто" [Breznik 1982, 120]. Сам Миклошич, представляя парадигму современного словенского литературного языка в своей сравнительной грамматике, придерживается синхронных принципов описания языковой системы и новых литературных норм. Парадигматика Миклошича в основном совпадает с нормами современного словенского литературного языка. Исключение составляют лишь формы 3 л. мн. ч. глаголов настоящего времени, где значительно шире по сравнению с современным словенским языком представлена флексия *-ó / -é*: *digno, štejo, sejo* [Miklosich 1876].

Полная и повсеместная стабилизация норм нового словенского литературного языка наблюдается в конце XIX в.

Избранное деятелями словенского национального возрождения направление кодификации литературного языка позволило сохранить самобытность словенской национальной культуры, объединить все словенские земли на базе единого литературного языка, а также реально сблизить словенский литературный язык с другими славянскими языками, не ломая, а совершенствуя и обогащая его структуру.

ЛИТЕРАТУРА

Лециловская И.И. Иллиризм. К истории хорватского национального Возрождения. М., 1968.

Плотникова О.С. Становление словенского литературного языка в период национального возрождения //

Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Чуркина И.В. Словенское национальное движение в XIX веке и Россия. М., 1978.

Bohorizh A. Arcticae horulae succisivae. Zimske urice proste. Maribor, 1987.

Breznik A. Razvoj novejše slovenske pisave pa Levčev Pravopis // Jezikoslovne razprave. Ljubljana, 1982.

Dajnko P. Lehrbuch der windischen Sprache. Gradec, 1824.

Dular J. Slavizacija v oblikoslovju in skladnji slovenskih publicističnih besedil v drugi polovici XIX. stoletja // XI. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana, 1975.

Čurkina J. Matija Majar Ziljski. Ljubljana, 1974.

Janežič A. Praktischer Urterricht in der Slovenischen Sprache für Deutsche. Klagenfurt, 1850.

Janežič A. Slovenska slovnica. Celovec, 1864.

Kopitar J. Grammatik der slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Ljubljana, 1808.

Majar M.-Ziljski. Pravila, kako izobraževati ilirsko narečje i obče slavenski jezik. Ljubljana, 1848.

Metelko F. Lehrgebäude der slowenischen Sprache im Königreiche Illyrien und in den benachbarten Provinzen. Ljubljana, 1825.

Miklosich F. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. T. 3. Wien, 1876.

Murko A. Theoretisch-practische Grammatik der Slowenisch Sprache in Steiermark, Kärnten, Krain und der illirischen Küstenlande. Graz, 1850.

Orožen M. Pogledi Bleiweisovega kroga na slovenski knjižni jezik. Janez Nepomuk Primic in njegovi nazori o normiranju skupnega slovenskega knjižnega jezika // Martina Orožen. Oblikovanje enotnega slovenskega knjižnega jezika v 19 stoletju. Ljubljana, 1996.

Petre F. Poizkus ilirizma pri Slovencih. Ljubljana, 1939.

Pogačnik J. Pojem naroda v slovenskem razsvetljenstvu // Obdobja 11. Obdobje slovenskega narodnega preporoda. Ljubljana, 1991.

Pohlin M. Kraynska grammatika. Ljubljana, 1768.

Prijatelj J. Borba za individualnost slovenskega književnega jezika v letih 1848-1857. Ljubljana, 1937.

Toporišič J. Slovenski jezik, kakor so ga videli tisti, kio o njem razmišljali // Jezikovni pogovori. Ljubljana, 1967.

Toporišič J. Kopitarjev slovanski svet v slovnici 1808 / 1809 // Kopitarjev zbornik. Ljubljana, 1996.

А.Г.Широкова
(Москва)

Разговорный чешский язык в период национального возрождения

На протяжении XVII – XVIII веков (после битвы на Белой горе в 1620 г.) чешский литературный язык почти полностью был вытеснен из всех сфер государственной, политической и культурной жизни чешского народа. В условиях национального угнетения в рамках Габсбургской империи, сочетающегося с тяжелейшим феодальным гнетом, шло резкое наступление на чешскую культуру, проводилась борьба с любыми формами национальной самостоятельности, подвергались гонениям протестанты, община "Чешских братьев" и различные "братские" кружки. Чешская литература беспощадно уничтожалась, чешские школы закрывались. В функции научного языка восстанавливалась латынь, а позже – немецкий и французский языки. Немецкий язык постепенно вытеснял чешский язык и в качестве административного, а в 1781 г. он был провозглашен государственным языком всей Австрийской империи.

В связи с наступившей денационализацией и онемечиванием чешского дворянства и верхушки буржуазии носителями чешского языка в этот период остаются только широкие слои сельского населения, городские ремесленники, рабочие, число которых значительно возросло в городах после отмены крепостного права в 1781 г., а также говорящая по-чешски многочисленная мелкая буржуазия.

В связи с этим встает вопрос, чем же характеризовался разговорный язык городского населения, в частности пражского. На этот вопрос ответить довольно трудно, так как

городское население стекалось из разных диалектных областей, и прежде всего из собственно чешских.

Однако косвенным свидетельством характера чешского городского разговорного языка могут служить разные источники:

а) чешские грамматики, написанные в XVII – XVIII вв., целью которых было сохранение литературного чешского языка, но в которых в качестве примеров приводились нелитературные слова в диалектной фонетической огласовке;

б) частная корреспонденция еще владеющих чешским языком представителей высших сословий, в эпистолярные тексты которых проникло значительное количество народно-разговорных элементов;

в) народная словесность (например, "Сатира на четыре сословия из Клатова" и др.), а также народные песни, широко распространенные в разных регионах;

г) написанные проповеди священнослужителей (особенно в сельских местностях, т.к. в городских костелах из-за недостатка католических священников проповеди произносили говорящие на немецком языке баварские и австро-венгерские проповедники);

д) публикации некоторых деятелей эпохи чешского национального возрождения (например, Й.Юнгмана и др.).

В период "упадка", то есть после 1620 г., чешский литературный язык характеризовался рядом таких особенностей, которые значительно отличали его от языка предшествующего периода, называемого "золотым" веком, классическим периодом в развитии чешского языка и литературы, поднятым на необычайную высоту благодаря таким выдающимся произведениям как Кралицкая библия и сочинения Д.А.Велеславина.

Упадок чешского языка проходил стремительно, что сопровождалось качественными изменениями как в социолингвистическом, так и внутриязыковом плане. Именно в этот период произошло сужение социальной базы чешского

литературного языка, значительное ограничение его функций, сужение жанровой структуры творчества на чешском языке. Чешский литературный язык этого периода характеризовался также нестабильностью и некодифицированностью своих норм.

С учетом всего вышеизложенного попытаемся восстановить самую общую картину разговорного языка периода чешского национального возрождения.

В грамматиках периода "упадка" отражено значительное количество диалектных особенностей собственно чешских областей. Детальное фонетическое описание диалектных фонетических, отчасти и морфологических особенностей XVII–XVIII вв., содержащихся в грамматиках этого времени, сделал Я.Порак [Porák 1971, 3-10]. С точки зрения языковой нормы и наличия в ней диалектных элементов особый интерес представляет грамматика чешского языка В.Росы, написанная на латинском языке, но содержащая параллельный чешский текст [Rosa 1672].

Грамматика Росы содержит множество диалектных фонетических элементов, отражающих особенности собственно чешских диалектов, хотя Роса поставил перед собой задачу, не только описания, но и *сохранения* чешского литературного языка.

В грамматике Росы представлены те же фонетические элементы, что и в современном обиходно-разговорном языке, который по происхождению является интердиалектом, сформировавшимся на базе собственно чешских диалектов в результате нивелировки последних.

В грамматике Росы находим следующие явления:

1. Изменение гласного *ý* и *ív* дифтонг *ej*:

а) частотным является изменение исторического *ý* в дифтонг *ej*: *slýchám* // *slejchám*, *týden* // *tejden*, *výš* // *vejš*, *východ* // *vejchod*, *dýchat* // *dejchat*, *výslovnost* // *vejslovnost*. Любопытно, что в латинской части грамматики Роса приводит лишь один пример на изменение *ý* > *ej*, в то время как в чешской части грамматики

число приводимых примеров равно примерно 40 %, что является красноречивым свидетельством того, что собственный языковой узус Росы значительно отличался от того чешского литературного языка, который он хотел "возродить";

б) изменение *í* в дифтонг *ej* наблюдается после свистящих согласных *s, z, š*: *cítím // cejtím, síti // seji* и др. У современника Росы Коцманка [Kostánek 1680] дифтонг *ej* в корнях встречается чаще, чем в окончаниях. У Я.А.Коменского при отсутствии изменений в конце слов в основах слов встречается около 20 % форм с *ej*.

В современных исследованиях чаще фиксируется обратная картина: в открытых, а нередко и закрытых флексиях прилагательных и местоимений дифтонг *ej* встречается довольно часто, в то время как в корнях и основах он частично лексикализован [Kravčášinová-Bednářová 1968].

2. Вторая яркая фонетическая особенность — изменение *e* → *í* также неравномерно представлено в разных позициях (в окончаниях и в основах). Так, Роса в латинской части своей грамматики использует оба варианта *é // í*. В чешской части его грамматики форм с *í* значительно больше (примерно 60 %), причем *í* представлено в основах таких слов, в которых в современном чешском обиходно-разговорном языке они не встречаются, например: *líto, chlístb*, наряду с *mlísti, dýl*, которые частотны и в диалектах, и в обиходно-разговорном языке. У Коцманка обнаружено 75 случаев на изменение *é > í* (орф. *ý*). В основах слов нередко представлено чередование: *kéž // kýž, lépe // líp* и др. В обследованных текстах Коменского обнаружены лишь отдельные примеры, причем переход *é → í* полностью отсутствует в окончаниях.

3. Широко распространенное в собственно чешских диалектах и обиходно-разговорном языке *v* протетическое в грамматике Росы представлено, главным образом, колебанием *o // vo*: *orel // vorel, okolo // vokolo, oráti // voráti, osa // vosa*.

4. В грамматике Росы можно обнаружить также неправильные с точки зрения литературного языка морфологические формы, к числу которых относится форма творительного падежа существительных мужского рода с окончаниями *-mí*, *-ma*, появившимися под влиянием склонения существительных женского рода, форм двойственного числа и некоторых других типов склонения: *zubami* // *zubama*, *stromami* // *stromama*, *domami* // *domama*, в то время как в литературном чешском языке употребляются только формы *zuby*, *stromy*, *domy*.

В 3-ем лице множественного числа глаголов настоящего времени нередко употребляются аналогические формы. Так, под влиянием форм типа *umějí* (← *umět*) появились формы *ležejí*, *míčejí* (в литературном языке *leží*, *míčí*).

5. Формы сравнительной степени также передавались неправильными формами с точки зрения норм литературного языка. Ср.: *nížčejší*, *hlubčejší* в соответствии с литературными нормами *nížší*, *hlubší* и др. Незнание норм литературного языка проявлялось не только у Росы, но и в более поздних грамматиках Н.В.Поля, М.Шимека [Pohl 1756, Šimek 1785].

Диалектные особенности проникали также в язык образованных чехов, о чем свидетельствуют, например, письма знаменитой дворянки Зузаны Черниновой, которая переписывалась со своим сыном, находящемся на учебе в Италии. В ее письмах наряду с лексикой литературного языка и иностранными словами часто употребляются фонетические и морфологические диалектизмы. Ср. отрывок из ее письма сыну Гумпрехту Яну Чернину:

Mý nejpřímilejší dítě! Tejto tejden jsem od tebe dvoje psaní s velkou radostí srdce mýho dostala, jedno datírovaný 27. Novembris a druhý 4. Decembris, při tom též pana hofmistra psaní a počet. Bud míno boží na věky pochváleno, že jsi zdráv. Já taky z milosti pána Boha se všemi svejmi mírně zdráva jsem [Korespondence ...]. В приведенном отрывке содержатся почти все наиболее

употребительные диалектные особенности, которых не было в образцовом литературном языке XVI и начала XVII вв., но которые почти все проникли в эпистолярный жанр еще владеющей чешским языком знати. К их числу относятся выше рассмотренные нами диалектизмы в грамматике Росы и некоторых других грамматистов. В частности это изменение *é* → *í* (орф. также *ý*): *mý dítě* (*mé dítě*), *míno* (*méno*), *mýho* (*mého*); *druhý psaní* (—*druhé psaní*) и др.

В конце XVIII в. в результате онемечивания ряда социальных групп чешского общества их разговорным языком стал немецкий, который выступал как своеобразный социальный жаргон [Широкова, Нецименко 1978, 13]. Немецкий язык оказывал значительное влияние и на словарный состав чешского литературного языка и городского просторечия. Засоренность лексики чешского языка германизмами вызывала опасения патриотически настроенных чехов за судьбу чешского языка и обусловила активное воздействие пуристов (Росы, Поля, Фрозина), словотворческие попытки которых не всегда были удачными [Навránek 1979, 75-76, Широкова, Нецименко 1978, 16-20].

Проникновение в чешский язык германизмов происходило длительное время, в сущности на протяжении ряда веков. Однако наиболее интенсивно этот процесс шел в период "упадка". Один из виднейших деятелей чешского национального возрождения Й.Юнгман писал: "Нельзя писать так, как говорят, иначе такие чудовища как *míti recht, jíti furt, býti auf, jíti aus* и т.п., к сожалению, ежедневно слышимые, мы без колебания должны употреблять" [Jungmann 1843, 408].

Влияние народного разговорного языка можно обнаружить даже в печатной религиозной литературе, в частности в проповедях. Б.Гавранек приводит интересный пример: Фабиан Веселый (1724 г.) в разговоре с Августином говорит: "Пусть лучше меня карают грамматисты, чем народ, который не понимает меня" [Навránek 1979, 74]. Священники в своих

проповедях и наставлениях употребляют не только много народных слов и оборотов, но и вульгаризмов, хотя диалектные фонетические и морфологические особенности разговорного языка не всегда согласуются с синтаксическими особенностями проповедей, содержащих наряду с народно-разговорными оборотами сложные периоды с большим количеством синонимов и латинских слов, а также отличающихся богатой метафоричностью и символикой.

Нередко происходило смещение словоформ, которые не имели опору в народном языке. Так, в частности, формы деепричастий единственного числа часто не отличались от форм множественного числа: *řkouc(i)*, *sedíc(i)* — ед.ч.; *řkouc(e)* мн.ч. Что касается народных произведений (Ср. "Сатиру на четыре сословия" и другие подобные сочинения), то в них представлены очевидные диалектизмы типа *čertovo nástraha*, *silnice* (*silnice*), *lajce* (*lavice*). С учетом трагической языковой ситуации того времени выдающиеся деятели эпохи национального возрождения (Й.Добровский, Й.Юнгман и др.) не считали возможным проводить возрождение литературного чешского языка на основе расшатанной языковой нормы XVII - XVIII вв. В его основу, по их мнению, следовало положить язык лучших произведений XVI столетия. Среди них на первом месте была Кралицкая библия — национальная сокровищница чешского народа которая, как отмечал Й.Юнгман, должна стать источником и законом письменного языка в Чехии, Моравии и Уграх.

В связи с создавшейся ситуацией закономерно встает вопрос, чем же характеризовался чешский язык широких слоев городского населения: ремесленников, торговцев, мелкой буржуазии, а также той части сельского населения, которое после отмены крепостного права начало перебираться в крупные города и прежде всего в Прагу, которая была самым крупным политическим, экономическим и культурным центром Чехии.

На основании вышеизложенного можно прийти к самым общим заключениям относительно характера городского койне на начальном этапе чешского национального возрождения.

1. Городской, в частности пражский разговорный язык был очень далек от книжного архаического литературного языка, который был оторван от местных диалектов – средства общения сельского населения.

2. В связи с притоком в города жителей разных областей речь городского населения была насыщена элементами и особенностями разных местных диалектов. Следует учитывать, что пражское городское койне формировалось на базе собственно чешского интердиалекта, возникшего в результате нивелировки среднечешских, северочешских и юго-западных чешских диалектов, которые в чешской лингвистике хорошо описаны.

Если собственно чешский интердиалект (obecná čeština, как ее называл Б.Гавранек еще в 1934 году) всесторонне рассмотрен и описан как в отдельных статьях (ср. двухлетнюю в журнале "Slovo a slovesnost" 1960 – 1961 гг.) так и в специальных монографиях [Hronek 1972, Hronek-Sgall 1992, Věliš 1958], то разговорное пражское койне периода возрождения требует дальнейшей разработки.

3. Городской разговорный язык был насыщен большим количеством германизмов, вульгаризмов, просторечных и бранных слов.

4. Речь городского населения периода чешского национального возрождения отличалась ненормированностью и неупорядоченностью.

5. При изучении чешского разговорного языка периода национального возрождения следует также принимать во внимание современное состояние чешского общинно-разговорного языка, особенно пражского. В этом отношении большой интерес представляет статья П.Янчака [Jančák 1997], посвященная описанию современного пражского разговорного

языка с точки зрения сохранения в нем традиционных и стабильных особенностей в языке различных генераций и социальных групп, которые свойственны также собственно чешским диалектам и нелитературному обиходно-разговорному языку Чехии. Однако, учитывая географическое положение Праги (средняя Чехия), которая является переходной зоной между двумя диалектными областями - юго-западной и северо-восточной, некоторые языковые особенности этих областей глубоко проникли и в среднечешскую область.

Обследование языковых особенностей жителей Праги разных поколений выявило интересные результаты: разговорная речь старшего поколения сохранила в сущности старший среднечешский диалектный узус, а у выходцев из других диалектных областей сохраняются и некоторые их региональные особенности.

Изучение речи пражской молодежи свидетельствует о нивелировке в ней диалектных особенностей, в ней отсутствуют также архаические и региональные особенности. Приближаясь к интердиалектной форме, речь городской молодежи характеризуется также тем, что в ней в меньшей мере проявляется социальная дифференциация.

Зондирование языка старшего поколения, нередко содержащего локальные особенности юго-западной и северо-восточной диалектных областей, может свидетельствовать о том, что указанные языковые особенности еще более широко и отчетливо были представлены в разговорном чешском языке периода национального возрождения.

ЛИТЕРАТУРА

Широкова А.Г., Нецименко Г.П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное

возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Bělič J. K otázce obecné češtiny // Studie ze slovanské jazykovědy. Praha, 1958.

Havránek B. Vývoj spisovného jazyka českého. Praha, 1979.

Hronek J. Obecná čeština. Praha, 1972.

Hronek J., Sgall P. Čeština bez příkras. Praha, 1992.

Jančák P. Běžná mluva v Praze a její nářeční zázemí // František Daneš a kolektiv. Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997.

Jungmann J. Časopis českého musea. 1843. Roč. XVII. Sv. 2.

Kocmánek J. Sředočeský nářeční původ. Praha, 1680.

Korespondence Zuzany Černínové z Harasova s jejím synem Humprechtem Janem Černínem z Hudenic. Praha, 1941.

Kravčišinová K., Bednářová B. Z výzkumu běžně mluvené češtiny // Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia. X. Praha, 1968.

Pohl J.V. Die bömische Sprachkunst. Prag, 1756.

Porák J. Příspěvky k hláskosloví češtiny 17. století // Studia comeniana et historica. 42. Uherský Brod, 1971.

Rosa V.J. Čechořečnost seu Grammatica linguae Bohemicae. Pragae, 1672.

Šimek M. Handbuch für einen Lehrer der böhmischen Literatur. Prag, 1785.

Г.А.Лиллч
(Санкт-Петербург)

Вопросы становления литературного языка в переписке чешских будителей

Характеризуя современное состояние разработанности истории славянских литературных языков эпохи национального возрождения, Л.Н.Смирнов выделяет ряд особо актуальных аспектов исследования, в том числе социолингвистический и историко-культурный [Смирнов 1993, 54 и сл.].

В этом плане представляет документальный интерес корреспонденция чешских будителей. Переписка выдающихся деятелей чешского национального возрождения Й.Добровского, Й.Юнгмана, В.Ганки, Ф.Палацкого, П.Й.Шафарика, Ф.Л.Челаковского, А.Марека, В.Камарита и др. дает ценный материал для изучения условий и характера процессов, связанных с формированием литературного чешского языка нового времени. Корреспонденция будителей была одной из главных, а иногда и основной формой научного общения чешских патриотов-единомышленников; она в какой-то форме компенсировала ощутительный недостаток научной и литературной периодики. Во взаимных дискуссиях, содержащихся в дружеской переписке будителей, выкристаллизовывалась общая программа подъема чешского литературного языка и распространения его в разных сферах культуры, науки, общественной жизни. В славяноведении давно оценена роль этого важного исторического источника: уже с 60-х годов прошлого века начинается публикация писем чешских будителей, снабженных научным комментарием. Корреспонденция виднейших ученых и литераторов той эпохи составляет целые тома; она позволяет, в частности, сделать некоторые

выводы о деятельности будителей и в области терминов-творчества, вызванного необходимостью вывести чешский литературный язык на уровень требований эпохи.

Нет сомнений в том, что эта деятельность носила организованный характер; по существу происходил целенаправленный процесс коллективного научного труда, в котором между участниками были распределены конкретные творческие задачи. Инспиратором и руководителем всей работы был Йозеф Юнгман. Об атмосфере дружбы и духовного единения, которая царила в кружке будителей, поставивших перед собой задачу создать научную терминологию на чешском языке, красноречиво свидетельствуют воспоминания Яна Евангелиста Пуркине, опубликованные в журнале "Жива" (1857): "Это было в 1820 году, когда я ближе познакомился с Яном Сватоплуком Преслом, тогдашним ассистентом анатомии и физиологии в Пражском университете.<...>. Я стал там (в доме братьев-естествоиспытателей Яна и Борживоя Преслов.- Г.Л.) постоянным гостем <...>. Иногда к нам присоединялись Свобода Малостранский, Йозеф и Антонин Юнгман. Говорили только по-чешски, даже и о самых запутанных научных предметах, при этом то и дело возникала потребность создавать нужные названия; иногда получалось удачно, а иногда дело вязло. Тут решающим было мнение Йозефа Юнгмана, который заглядывал в свои богатые словарные материалы и находил подходящее слово, порой употреблявшееся еще нашими предками. <...>. В одной из таких вечерних бесед горячо обсуждалась мысль о создании всеобщей научной энциклопедии. Уже зашла речь и о распределении работы: Вацлав Свобода должен был взять на себя историю, Й.Юнгман литературу, эстетику, Марек философию, А.Юнгман и Клицпера-старший медицину, братья Пресслы и я — естествознание и т.п." [Básnický glosář ... 1959, 271].

Замысел научной энциклопедии остался неосуществленным, но терминологическая работа продолжалась успешно и интенсивно; к ней привлекались все новые участники:

В.Седлачек, Ф.Палацкий, П.Й.Шафарик, А.Пухмайер и др. По идее Й.Юнгмана термины создавались в основном путем переводов иноязычной научной литературы на чешский язык; особенно приветствовались переводы со славянских языков или через их посредство: родство языков облегчало процесс калькирования. Не может не поражать энциклопедическая разносторонность будителей. Так, филолог Й.Юнгман создал не только терминологию языкознания и теории литературы, но и целый ряд физических терминов; литератор Антонин Марек писал также компилятивные труды из области логики и философии — с главной целью создать соответствующую чешскую научную терминологию; историк Ф.Палацкий занимался созданием терминов, связанных с эстетикой; физиолог Я.Е.Пуркине заботился не только о терминологии своей науки, но и зафиксировал первые железнодорожные термины; поэт и грамматист А.Пухмайер с увлечением собирал и создавал термины орнитологии и т.п. [Jedlička 1949, 107; Orloš 1972; Лилич 1982]. Казалось, что потребности развития литературного языка объединили всех чешских патриотов, и совсем не беспочвенным было известное высказывание Адама Мицкевича, назвавшего чехов "народом языковедов" [Szyjkowski 1931, 313].

Интересны в этом смысле слова "Йозефовича" — сына и помощника Й.Юнгмана — из его письма Яну Коллару (1824): "Профессор Седлачек издает свою физику, об усовершенствовании которой, особенно в части названий, печется отец; большой вклад он внес и в его геометрию, хотя об этом ни он сам, ни сам Седлачек никому не говорят, иначе поднялся бы крик, что эти книги полны русских и польских слов" [Jungmann 1956, 75]. Приведенная цитата выразительно свидетельствует и о том, что речетворчество будителей, ориентированное на русский и другие славянские языки, было политически не совсем безопасным делом: австрийские власти и преданное им чешское чиновничество с большим подозрением относилось ко всем проявлениям славянской взаимности,

опасаясь антиправительственного сговора, политического влияния России и т.п. Ср. суждение Й.Юнгмана, высказанное им в письме А.Мареку (1820) по поводу жесткого цензурного контроля, которому подвергалось все, издаваемое на чешском языке: "Немечек (цензор чешских книг.— Г.Л.) Вашу логику, наверно, жарит и парит; уже давно я с ним говорил и убеждал его, что там нет ничего против церкви и правительства, как и против добрых нравов, разве что он к дурным нравам отнесет неологизмы и архаизмы — тогда уж мы, конечно, окажемся безнравственными!" [Časopis... 1882, 464].

Переписка будителей изобилует конкретными соображениями о "технике" терминотворческой работы, проливающими свет на их теоретические подходы. Приведем в качестве примера отрывок из письма Ф.Палацкого Й.Юнгману (1821), характеризующий усилия автора в области создания терминов эстетики. Размышляя об обозначении понятия "чувство, понимание изящного", Палацкий обращается к русскому языку: "Необходимо выработать чешскую терминологию, ибо латино-греческая чехам не пойдет на пользу. Во мне еще достаточно жив пуристический дух, чтобы не вносить в родную речь чужезычные пятна <...>. Посоветовавшись с г-ном Шафариком, мы остановились на следующем определении синонимов: pěkný, pěknota — Schönheit <...> Lepý, lepost, lepota — das Niedliche. <...> Kunšt я хочу всюду перекрестить на umělectví <...>. Но вот — чехи никогда не имели вкуса (nikdy neměli gustu, Geschmack); поэтому и слова для него не имют. Chut', по-моему, не всегда можно употребить, так как оно ни у кого не вызывает эстетических представлений, давайте же возьмем на помощь русское vkus" [Palacký 1891, 33].

Подобные свидетельства сознательного обращения к русскому языку как источнику обогащения чешской лексики многочисленны в переписке чешских будителей, однако они редко встречаются в печатных трудах. Объяснение этому можно также обнаружить в доверительных дружеских письмах,

полных сетований на официальную цензуру. Ср., например, в письме Й.Юнгмана А.Мареку: "Цензурирует чешские газеты Циммерман, а он все, что включает слово "русские", вычеркивает и таким образом лишает нас хороших и невинных новостей" [Časopis ... 1883, 511]. В одном письме Й.Юнгмана тому же адресату содержится прямое указание не то, что Ф.Палацкий, редактор журнала "Часопис чешского музея", был вынужден ограничить помещение в нем переводов из славянских литератур и материалов о славянах: "Я говорю о славянской литературе! Потому что приятно употребить это название хотя бы в письме к другу, так как в печати это уже почти невозможно сделать. Мы так подчинились домашнему вору, что нам уже, можно сказать, запрещается признавать себя славянами. Бояться, чтобы мы не ополячились, или, того хуже, не обрусели; поэтому цензура очень настороженно относится к самому слову "славянин" <...>" [Časopis ... 1883, 57].

Дальнейшее изучение взаимной корреспонденции деятелей славянского национального возрождения, как и других документов эпохи, несомненно, предоставит исследователям много новых данных, важных для развития диахронической социолингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

Лилич Г.А. Роль русского языка в развитии словарного состава чешского литературного языка. Л., 1982.

Смирнов Л.Н. О некоторых актуальных проблемах истории славянских литературных языков эпохи национального возрождения // Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения (конец XVIII - вторая половина XIX в.). Тезисы докладов международной конференции; М., 1993.

Básnický glosář Jana Ivangelisty Purkyně. Praha, 1959.

Časopis českého musea. Praha, 1882; 1883.

Jedlička A. Josef Jungmann a obrozená terminologie literárně vědná a linguistická. Praha, 1949.

Jungmann J. Korrespondence. Praha, 1956.

Ortoš T. Zapożyczenia słowiańskie w czeskiej terminologii botanicznej i zoologicznej. Kraków, 1972.

Palacký F. Korrespondence a zápisky. D.III. Praha, 1891.

Szykowski M. Polská účast v českém národním obrození. Praha, 1931.

**Р.Х.Тугушева
(Санкт-Петербург)**

**О взаимодействии
чешского и словацкого языков
в период образования
словацкого литературного языка
(на материале частной переписки)**

40-е годы XIX в. являются ключевым периодом в истории словацкого народа вообще и в истории литературного словацкого языка в частности [см., например, Pauliny 1971; Смирнов 1978; Pauliny 1983].

Большое значение для изучения вопросов, связанных с формированием и возникновением письменной формы национального языка, имеет частная переписка людей, взявших на себя из чувства беспрдельной любви к своему народу и отечеству труд по созданию самостоятельного словацкого литературного языка. Поэтому важность издания эпистолярного наследия прямых участников эпохального события – провозглашения словацкого литературного языка – периодически осуществляемого в последнее время "Матичей словацкой", трудно переоценить.

Среди людей, беззаветно преданных делу подъема национального самосознания словацкого народа и его культурного просвещения, был Янко Францисци-Римавски (1822-1905) – один из активнейших деятелей на словацкой культурной ниве, чье стихотворение "Моим сверстникам на память", написанное в начале 1844 г., первым возвестило всему миру о рождении еще одного европейского культурного феномена – современного словацкого литературного языка. Письма Яна Францисци, написанные им друзьям и сподвижникам

в 40-е годы XIX в., дают яркое представление о состоянии словацкого языка в это решающее для его судьбы десятилетие [Listy 1990]. Анализируемое издание писем поэта, публициста, педагога, политика, экономиста, общественного и административного деятеля Я.Франциски чрезвычайно интересно в частности тем, что он их писал на чешском и словацком языках. Так, его письмо, например, ближайшему другу и соратнику А.Г.Шкультеты от 19.10.1842 г. написано еще на чешском языке (*Předrahý příteli!...*), а следующее письмо ему же, датированное 26.2.1843 г., – уже на словацком (*Predrahý Horislave!...*). В целом же на чешском языке в данном издании представлены первые 15 писем, а все последующие 72 письма написаны на словацком языке.

Самым ярким и значительным событием в истории словацкого народа в 40-е годы, когда были написаны письма, было официальное провозглашение Л.Штуром и его соратниками в августе 1844 г. в городе Липтовский Микулаш словацкого литературного языка [Blanár 1956, 146-168], что означало разрыв с близкородственным чешским языком, традиционным языком словацкой письменности.

Чешский язык словаки начали использовать в качестве своего письменного языка в конце XIV в. [Pauliny 1958, 40]. Начав свое служение словакам главным образом в административно-правовой сфере, в XVI в. [Němec, Michálek 1982, 5-13; Kuchař 1993] после победы Реформации, чешский язык образца Кралицкой библии был принят словацкими евангелистами в качестве богослужебного [Donul'a 1967, 23-35; 364-378]. В 40-е годы XIX в. в Словакии традиции высоко развитого чешского языка, заложенные в период золотого века чешской истории – 1500-1620 гг., т.е. в эпоху гуманизма и деятельности Чешских братьев, были даже сильнее, чем в самой Чехии [Michálek 1978, 38]. Чешский язык со слегка приближенной к словацкому фонетикой, грамматикой и лексикой преподавался в словацких церковных народных

школах [Uhlár 1988, 295]. На чешском языке в 1-й половине XIX в. писали выдающиеся деятели словацкой культуры — Я. Коллар, П. Й. Шафарик, А. Сладкович, Й. М. Гурбан, Л. Штур и др.

Вместе с тем с самого начала функционирования чешского языка в качестве письменного языка у словаков наряду с употреблением чешского языка в более или менее чистом виде наблюдается процесс постепенной его словакизации [Doğul'a 1977, 42-43], в результате чего в XVI-XVIII вв. в Словакии складываются культурные, т.е. письменные, формы трех основных словацких диалектов — западнословацкого, среднесловацкого и восточнословацкого [Kotulič 1982, 93-118]. Один из этих диалектов, а именно западнословацкий, впервые в словацкой истории кодифицировал и возвел в ранг литературного языка в 80-е годы XVIII в. словацкий католический священник А. Бернолак [Habovštiaková 1968]. Однако главным образом под воздействием неблагоприятной политической обстановки в Словакии в конце XVIII в., нанесшей жестокий удар по процессу национального возрождения словаков, центр общественно-политической жизни к середине XIX в. постепенно перемещается в среднюю Словакию и первый словацкий литературный язык Бернолака на базе западнословацкого диалекта постепенно сдает свои позиции в пользу все более активизирующегося среднесловацкого диалекта, который Л. Штур и провозгласил литературным словацким языком [Pauliny 1971, 104-126].

Борьба словаков за свой национальный язык не нашла отклика среди деятелей чешской культуры 1-й половины XIX в. Й. Юнгман признавал право словаков на свою собственную литературу, но подобно Я. Коллару, П. Й. Шафарiku и др. требовал единого, т.е. чешского, языка для чехов и словаков; Ф. Палацкий же был еще более критичным к попыткам словаков культивировать какой-либо свой диалект и выступал за единый чешский язык вообще для всех австро-венгерских славян [Pražák 1974, 213-221]. В своем первом словацком письме уже

упомянутому другу-словаку А.Г.Шкультеты, который также был против отказа от чешского языка, Я.Францисци, однако, пишет: "Всё равно какой чужой язык можно принять. Но Вы мне скажете, что чешский язык нам ближе всего. Это правда, но это всё-таки не наш язык, он нам чужд, он не плод нашего духа и стало быть, не тот избраннык, что послужит делу развития нашего духа" [Listy 1990, 41].

Чешский язык, на котором написана часть писем Я.Францисци, относящихся к началу 40-х годов XIX в., содержит ряд отклонений, связанных с родным языком самого автора писем, а также со спецификой эпистолярного стиля. Я.Францисци родился в местечке Гнушть Малогонтской области среднесловацкого края. Словакизмы, встречающиеся в чешских текстах его писем, представляют собой отличительные от чешского языка знаки разных языковых уровней. Больше всего в чешском языке Я.Францисци встречается графических словакизмов, отражающих специфику словацких долгот (*nevrátim se, všem známým*), словацких рефлексов *ť* и *e* (*skrze neho, v ústave, v úrade*), отсутствие *ř* (*krivda, obdarovat*, но ср. *dařem dati, v dobrém pořádku*) и др. Отличительные от чешского языка особенности грамматического строя словацкого языка проявляются главным образом в специфических окончаниях изменяемых частей речи (*tým, čím byl; s kým se spletem, ještě neznám*), в употреблении полной формы страдательного причастия в предикативной функции, вместо краткой, как в чешском языке (*je odhodlaný jíti*) и т.д. Однако наиболее яркие вкрапления словацкого языка в чешский представлены в письмах Я.Францисци лексическими словакизмами, которых в целом довольно много (*jízba, gazdina, chýr, rozchýřit, pobudnutí, člověckost, hlavatý, pochlapit se, popozerat, porozprávát, rokovat, zabávat se, nanejvyš, naskrze* и др.). Судьба лексических словакизмов, использованных Я.Францисци в его письмах на чешском языке, была различной. Большинство из них вошло в лексику современного

общеупотребительного словацкого языка, но некоторые из них оказались более тесно связанными и с чешским языком. В одном из писем Я.Францисци читаем: "*Dnes očekáváme profesora Srezněvského z Vídně a s 14 dní se zde baviti majícšho*" [Listy 1990, 35]. Засвидетельствовано и еще несколько чешских контекстов с употреблением глагола *baviti se* в значении "находиться, пребывать, проводить время где-либо", который Юнгман в своем словаре охарактеризовал как словакизм или полонизм и который впоследствии распространился и в чешском языке.

Нередко в чешских письмах Я.Францисци встречаются слова и формы неологического характера, свидетельствующие о поисках автора наиболее адекватных средств выражения понятий, исходя из своего родного словацкого языка (*odjetí* вместо чешского *odjezd*; *přijetí* вместо *příjezd*; *vypadnout*, *výpadek* вместо *dopadnout*, *dopadok*). Довольно часто в своих письмах Я.Францисци прибегает к необычным в словообразовательном или семантическом отношении как для чешского, так и для словацкого языков формам и употреблением (*pedagogie* "частный урок", *přijdoucí rok* "будущий год", *vyteuřit z Břetislavy* "вытурить, выгнать", *tlacár* "болтун" и др.). Не все подобные новообразования закрепились впоследствии в общеупотребительных чешском или словацком языках. Но в отдельных случаях Францисци удалось предугадать тенденции последующего лексического развития главным образом словацкого языка. Так, использование им для обозначения врача в чешском тексте неологизма *mediciner* можно связать с более выразительным, по сравнению с чешским языком, стремлением словацкого языка развиваться в направлении открытости для европеизмов, которая отмечается исследователями и в настоящее время [Buzássyová 1994, 327-333]. Или, например, восприятием автором писем сочетаний предлогов с именными образованиями как нерасчлененных наречий в предикативной функции категории состояния (*je nabilédní* "налицо", *zkoušky jsou přededvermi* "экзамены на носу" и др.), что также является

актуальным в настоящее время как для чешского, так и словацкого языков [Horecký, Buzássyová, Bosák... 1989, 217-227].

Таким образом, деятелям словацкого национального возрождения при отличном в целом знании ими своего письменного, т.е. чешского, языка, который они очень высоко ценили, было трудно на письме соблюдать все его правила. Удаленность чешского литературного языка от народной основы родного словацкого способствовала проникновению в письменный чешский язык словаков довольно многочисленных фонетических, морфологических и лексических элементов словацкого языка. Еще труднее, как представляется, словацким будителям давался синтаксис чешского письма.

Исследователи эпистолярного жанра отмечают, что основной и наиболее яркой особенностью языка писем является канцеляризм (ч. *písemnost* / сл. *písomnosť*) [Ruščák 1987, 183-186], т.е. его близость к языку деловых бумаг. Чешская письменность административно-канцелярской направленности в Словакии имела свои давние традиции. В XVI-XVII вв. богато дифференцированный стиль чешского канцелярского языка служил прекрасным образцом для словацких чиновников, использовавших в своих бумагах характерные для этого жанра синтаксические конструкции с чешскими формами [Blanár 1961, 172]. Специфика языка писем ярче всего проявляется в осложненном синтаксисе. Чешские тексты писем Я.Францисци содержат, например, большое количество причастных и деепричастных оборотов (*co činíme více pasívně se k tomu majíce* (24), *my podporování jsouce radou Ludevíta* (25), *od kongresu v měsíci květnu držanu byti majícím* (35), *znaje, že ...* (26), *Miloslav ... přičedší učiní* (31), *psali, dovědevše se od Vás* (34)). Письма полны длинных распространенных определений в постпозиции к определяемому слову (*prácemi školskými i ustavovými, jak tak ospravedlneným býti cítím* (23), *k statnému hájení práv národních napomíná a o vydávání novin slovenských prosí* (27)). Некоторые фразы писем настолько громоздки, что занимают до десятка

строк. В осложненном синтаксисе, особенностью которого является постановка глагола на последнее место, просматривается влияние средневековой латыни [*Bůh dej by tento zapal tak trvanlivým byl, jako je silný, tak jistě nejen svůj udrží, nýbrž i náš již znepokojený, Palkovičem ale statně obraněný od delších zádrapek a podřívání zachováj* (25)]. Язык изобилует книжными словами и выражениями, чаще, чем *je*, употребляется *jest* (*Uvidíme li, že jest hůř* (37), *mnoho dobrého očekávat lze* (33), *nakolik jej lze poznati* (24), *nadějt se*, вместо *doufat*, *pročež*, вместо *proto*. В тексте преобладают сложные предложения, для связи которых автор из нескольких вариантов чешских союзов неизменно выбирает самые книжные, например, *jestli* или *-li*, вместо *když*, а также *jenž, již* вместо *který, která*. Из существующих в чешском языке лексических вариантов имен, глаголов, местоимений автор отдаст предпочтение книжным, часто уже архаичным формам и наименованиям, например, часто используются формы *vše* и *všickni* вместо *všechno* и *všichni* или *všechny*, а также *lépe, dále, zde* вместо *tu* и др. Книжность языка чешских писем Я.Францисци усугубляется также употреблением словосочетаний вместо отдельных слов, например, *víry datí* (38) вместо *uvěřit*, *datí pod tisk* (20) вместо *vytlačit*, *položít na papír* (39) вместо *psát* и др.

Анализ писем Я.Францисци на чешском языке, таким образом, показывает, что словацкая интеллигенция непосредственно перед провозглашением словацкого литературного языка, так же как и в первой половине XIX в. вообще, на письмо строго придерживалась традиционных канонов чешского языка периода гуманизма, закреплённых для словаков главным образом в чешско-немецко-латинском словаре Ю.Палковича 1820-1821 гг. [Kamíř 1964, 101-108]. Этот письменный чешский язык, однако, был весьма далек от живой формы не только словацкого языка, но даже и самого чешского. Сам Я.Францисци пишет А.Г.Шкультеты о чешском языке

так: "Не знаю, как другим пишется по-чешски, неужто так же тяжело, как и мне? Неужели Вы не чувствуете, как тяжело Вам даются Ваши стихи на чешском, как Вас при их написании охватывает страх, скованность и безысходность и Вы ощущаете себя как в тисках от чешских форм и слов? Неужто Ваш словацкий дух при этом не чувствует себя как в панцире?" (42).

Словацкая часть корреспонденции Я.Францисци в стилистическом отношении прямо противоположна чешской. Из-за неустойчивости норм своего родного языка в словацких письмах Я.Францисци намного больше фонетических, морфологических и лексических различий, чем словакизмов в чешской части. Но в стилистическом отношении словацкий язык здесь предстает более легким, живым, податливым и гибким, чем чешский. Ср.: *Ja som Ťa sem naiste čakal, nuž ale čože robiť, keď si nemohol* (91); *Oj, duša moja, keby som môhol tu za dva dni s Tebou byť, čiže by mi odľahlo, keď by som sa dúverne porozprával a vyrozprával o mne a o svete* (119); *Ten Marko by sa predca už len mohol učlovečiť a dačo napísať – či je ešte doma? No nach že mi napíše, aspoň mi čas prejde, lebo viem, že nemá čo robiť* (126). Главное отличие чешского языка от словацкого здесь заключается в том, что Л.Штур кодифицировал живую устную форму словацкого языка, в то время как Й.Добровский – историческую основу чешского языка, т.е. язык чешских памятников XVI в. [Pauliny 1974, 70]. Именно разговорный узус среднесловацкого культурного языка, сложившийся к середине XIX в. среди довольно широкого круга образованных словаков, и обеспечил в обстановке усиления борьбы за национальное освобождение жизненность избранной ими формы языка, благодаря чему "кодифицированный ими литературный язык превратился в действенное полноценное средство общения и развития национальной культуры" [Смирнов 1981, 208].

ЛИТЕРАТУРА

Смирнов Л.Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Смирнов Л.Н. Отражение в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации (середина XIX в.) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981.

Blanár V. L'udovít Štúr ako jazykovedec // Slovenská reč. Roč. 21. 1956.

Blanár V. Zo slovenskej historickej lexikológie. Bratislava, 1961.

Buzássyová K. Vzťah slovenčiny a češtiny a jazyková kultúra // Kultúra slova. Roč. 28. 1994.

Dorul'a J. O češtině na Slovensku v 16. a 17. storočí a o vývine slovenskej slovnej zásoby // Slavica Slovaca. Roč. 2. 1967.

Dorul'a J. Slováci v dejinách jazykových vzťahov. Bratislava, 1977.

Habovštiaková K. Bernolákovo jazykovedné dielo. Bratislava, 1968.

Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava, 1989.

Kamiš A. Odraz jazykovej situace v Čechách a na Slovensku v Palkovičově slovníku // Acta Universitatis Carolinae 1964. Philologica 2. Slavica Pragensia VI.

Kotulič I. Z predberňolákovskej jazykovednej terminológie // Jazykovedné štúdie 17. Z dejín slovenskej lexiky. Bratislava, 1982.

Kuchar R. Žilinská právna kniha. Bratislava, 1993.

Listy Jána Francisciho. I (1840-1850). Matica slovenská, 1990.

Michálek E. K domácím tradicím v Palackého názorech na jazyk // Slovo a slovesnost. Roč. XXXVI. 1975.

Němec I., Michálek E. Žilinská kniha jako pramen slovenské a české historické lexikografie // Jazykovedné štúdie 17. Z dejín slovenskej lexiky. Bratislava, 1982.

Pauliny E. Kultúrohistorické podmienky a spoločenské funkcie bilingvizmu v dejinách spisovnej slovenčiny // Československé přednášky pro IV. MSS v Moskvě. Praha, 1958.

Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1971.

Pauliny E. Pramene Štúrovej kodifikácie // Slovanské spisovné jazyky v době obrození. Praha, 1974.

Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny od začiatkov po súčasnosť. Bratislava, 1983.

Pražík R. K vztahům české jungmannovské inteligence a druhé bernolákovské generace na Slovensku // Acta Universitatis Carolinae. 1974. Philologica 3-4. Slavica Pragensia XVII.

Ruščák F. Epištolární štýl ako prameň poznávania jazykovo-štylistických potencií českého a slovenského jazyka // Acta Universitatis Carolinae. 1987. Philologica 4-5. Slavica Pragensia XXX.

Uhlár V. L. Štúr a slovenčina v jeho rodnom Uhrovici // Kultúra slova. Roč. 9. 1988.

Ю.Е.Стемковская
(Москва)

**Динамика изменений лексико-семантической
структуры личных имен существительных
в чешском литературном языке
эпохи национального возрождения**

Jazyk jest paládium národnosti, kdo ruší jej,
ten podporu bytosti jeho bere.

Jungmann J.

Язык есть палладиум нации. Тот, кто разрушает его,
– разрушает основу существования нации.

В конце XVIII в. задача формирования чешского литературного языка была осознана патриотически настроенной интеллигенцией как центральная задача национального возрождения, необходимое условие сохранения целостности нации, самобытности национальной культуры, угроза самому существованию которой сложилась к концу XVIII в. в результате трагического для чешского народа хода истории. “В XVII веке Чехия была обессиlena материально и морально. Она перенесла четыре бедствия: последствия несчастной попытки к политическому освобождению от Австрии и к религиозной свободе; гибельные следствия тридцатилетней войны; религиозный и социальный перевороты. Попытка к политической самостоятельности и религиозной свободе, кончившаяся поражением в битве на Белой горе в 1620 г., повлекла за собою политические репрессалии, вызвавшие казни, конфискации и эмиграции лучших национальных и религиозных деятелей... К концу этого века западная часть Чешского королевства населена была уже немцами. Незначительные чешские селения

скоро онемечились. Внутри страны оказалось несравненно большее с прежним количество немецких помещиков, с немецкими колониями. Торговля и промышленность в городах и больших селениях перешла, главным образом, в руки немцев. Просвещение страны, начиная с университета и кончая сельской школой, было преимущественно в руках иезуитов" – так характеризовал ситуацию, сложившуюся в общественной жизни страны к начальному периоду чешского национального возрождения, русский филолог-славист И.А.Снегирёв [Снегирёв 1884, 30-31].

В начале XVIII в. чешский язык сохранялся как язык сельских жителей. В городах по-чешски говорила только треть городского населения – социально незащищенные слои, и только немногие представители германизированного чешского и моравского дворянства понимали по-чешски [Роčátky... 1990]. Литературный чешский язык постепенно вытеснялся из всех сфер общественной жизни, перестал быть языком науки, поэзии, художественной прозы, его функции в этих сферах начали выполнять немецкий и частично латинский языки.

На чешском языке издавалась образовательная, религиозная, развлекательная литература для простого народа, литература, предназначенная для сферы низшего, как правило, сельского, административного управления. Он стал языком народной поэзии, хроник и любительских заметок, образцы которых отражали в языковом плане значительные диалектные влияния, языком газет, которые выходили регулярно с 1719 г., но имели небольшое число подписчиков [Роčátky... 1990]. Ср.: И.А.Снегирёв писал: "Язык утратил все литературные достоинства – был слишком прост, иногда наивен и груб, а в некоторых случаях <...> обильно новыми, неудачными по образованию, и непонятными словами.<...> В орфографии этой одичалой литературы был полный произвол" [Снегирёв 1884, 39].

О том насколько слабыми были позиции родного языка в чешском обществе, насколько иллюзорной представлялась

современникам возможность его восстановления в функциях литературного языка как средства общенационального общения свидетельствует позиция Й. Добровского, высказывавшего сомнения в том, что чешский язык может быть доведен до большей степени совершенства, чем был при Рудольфе, т.е. в золотом веке [Dobrovsky 1791]. Поскольку искусства и науки в Чехии изучались в основном по латинским, французским и немецким книгам и дальнейшая обработка чешского языка в связи с этим становилась невозможной, то основная забота чешских патриотов, по его мнению, должна была заключаться в сохранении чешского языка в том виде, каким он был и есть [Dobrovsky 1780-1784].

Первоочередными на пути возрождения чешского литературного языка были задачи стабилизации его фонетической, грамматической структуры, нормализация орфографии, установления принципов и закономерностей словообразования, воссоздания лексического состава. Эти задачи решались в начальный период возрождения, прежде всего в статьях и рецензиях Й. Добровского, опубликованных в издаваемых им периодических журналах "Böhmisch Litteratur auf das Jahr 1779" (Prag, 1780, четыре выпуска), "Böhmisch und Mährische Litteratur auf das Jahr 1780" (Prag, 1780-1784, три выпуска), "Litterarisches Magazin von Böhmen und Mähren. I (für 1781)" (Prag, 1786); II (für 1782) (Prag, 1786); III (für 1783) (Prag, 1787), в его грамматике чешского языка "Die Bildsamkeit der Slawischen Sprache an der Bildung der böhm. Substantive und Adjective dargestellt" (Prage, 1799); в материалах для словаря "Deutsch böhmisches Wörterbuch" (I. Theil, A-K. Prag, 1802; Zweiter Band. L-Z, 1821), который впоследствии лег в основу "Чешско-немецкого словаря" Й. Юнгмана.

Источниками воссоздания лексического состава литературного языка деятелями чешского национального возрождения был признан язык памятников древнечешской письменности – Кралицкая библия, словари Д. – А. Велеславина, В. Росы, сочи-

нения Я.А.Коменского и др.; средством пополнения этого лексического фонда – заимствование из родственных славянских языков (словацкого, который осознавался как вариант или диалект чешского языка; польского, русского, сербского языков), а также латинского, немецкого, греческого языков; образование новых слов в строгом соответствии с грамматическими и словообразовательными закономерностями чешского языка.

И все-таки не только возрождение и сохранение, но и развитие, совершенствование, значительное расширение лексического состава литературного чешского языка, восстановление его функций в бытовом и культурном общении было целью патриотически настроенных деятелей чешского возрождения – Й.Юнгмана, П.Шафарика, А. Марека, Я.Коллара, Я.Пресла, В. Седлачка, Й.Камарита и др. Практически с нуля нужно было создавать научную терминологию, развивать синонимические средства, необходимые для обеспечения возможностей функционирования языка в различных сферах общественной жизни, вводить новую лексику, удовлетворяющую нуждам не только официального и делового, но и повседневного общения членов сообщества.

Это было связано с объективными закономерностями развития общества, в соответствии с которыми изменения происходят не только в его материальной и экономической базе, социальном и административном устройстве, научных представлениях и др. Иным становится восприятие людьми окружающего мира, социальных и межличностных отношений, моральных и поведенческих норм; изменяются представления, приоритеты, ценности, цели и способы их достижения. Словом, ежедневно происходят все те неуловимые, но значимые для истории нации изменения, которые называются ее культурным развитием. Именно эти культурные изменения, которые произошли к концу XVIII в. в чешском обществе, затрагивающие не только сферу материально-технического

производства, но духовную культуру и жизнь нации, должен был способен выразить чешский литературный язык.

Задача значительного пополнения словарного состава чешского языка, равно как и задача демонстрации членам сообщества коммуникативных возможностей чешского языка, решались на втором этапе периода возрождения - в деятельности Й.Юнгмана и его соратников. Й.Юнгманом была разработана концепция лексического обогащения чешского языка, реализованная в его "Чешско-немецком словаре" [Jungmann 1835-1839] (далее - "Словарь"), который базировался не только на лексике памятников древней чешской литературы, заимствованиях из современных славянских литературных языков, но и широко привлекал диалектную лексику, лексику из сочинений современников - прозаиков, поэтов, публицистов, ученых и др., которые в своих произведениях вводили в оборот древнечешские слова в уже известных и новых значениях, заимствования, диалектизмы, опробировали вновь создаваемую общепотребительную лексику и терминологию. Словарь Й.Юнгмана выполнял, таким образом, двоякую функцию: он кодифицировал лексический фонд чешского литературного языка, давал образцы употребления слов - толкование каждого лексического значения сопровождалось примерами его контекстного употребления в произведениях не только древней литературы, но и современных авторов. Примером сложнейшего процесса формирования словника этого фундаментального словаря является работа Й.Юнгмана с лексикой из произведений Я.Коллара (см.: [Стемковская 1993; 1997]).

В предлагаемой статье мы хотели бы проследить те изменения, которые произошли в лексическом составе чешского литературного языка в конце XVIII - начале XIX вв. по сравнению с древнечешским периодом его развития и, опосредованно, в чешской социокультурной системе, отраженной в лексической системе языка так, как она представлена в "Словаре" Й.Юнгмана. Говоря о тесной взаимосвязи языка и культурно-исторического развития

общества, мы хотели бы напомнить высказывание И.И.Срезневского: "В языке народ выражает себя полнее и многостороннее, чем в чем-либо другом — не только в последнем своем положении, но и исторически. Все, что есть у народа в его бытовых понятиях, и все, что народ хочет сохранить в своей памяти, выражается и сохраняется языком. В высшем своем жизненном и исторически важном применении язык становится орудием и проводником всех потребностей образованности народа: жизненных правил, научных знаний, религиозных верований и художественного вкуса" [Срезневский 1877, 2-3].

"Словарь" Й.Юнгмана не является адекватным отражением синхронного состояния языкового узуса эпохи возрождения [Широкова, Нецименко 1978]. Во многом, как уже отмечалось, он базировался на лексике древнечешских памятников — памятников позднего средневековья и реформации. Кроме того, традиция общения на литературном чешском языке в рассматриваемый период времени еще только складывалась, им не владели не только широкие слои чешского населения, но и значительная часть образованной интеллигенции. Вместе с тем именно словарь Й.Юнгмана создал ту необходимую лексическую основу, которая дала современникам возможность использования литературного языка в различных сферах коммуникации, послужила фундаментом развития национальной чешской культуры.

Объектом исследования являются имена существительные со значением "лица" — 855 значений слов, полученных в результате сплошной выборки букв А, В, С, Š "Словаря" Й.Юнгмана. Этот материал рассматривается нами в сравнительном плане на фоне древнечешской лексики (249 значений слов), полученной на основе экскерпции букв А, В, С, Š "Древнечешского словаря" Я.Гебауэра [Gebauer 1970], "Малого древнечешского словаря" Я.Белича, А.Камиша, К.Кучеры [Bělič, Kamiš, Kučera 1978], что позволяет более

наглядно представить суть произошедших в лексическом составе языка перемен.

В процессе изучения лексических систем каждого из названных временных периодов развития чешского литературного языка — языка эпохи возрождения (далее — ЭВ) и языка древнечешского периода (далее — ДЧП) выстраивалась самостоятельная семантическая классификация. На первом уровне анализа были разделены слова, характеризующие человека как индивидуальность, и слова, отражающие положение человека в обществе. В данной статье будут рассмотрены оба фрагмента лексико-семантической структуры категории лица, а именно разряды "Человек как индивидуальность" и "Человек как член социума".

Заданность такого разбиения определяется двояким аспектом рассмотрения личности в социокультурных системах, частным случаем которой является и чешская социокультурная система, рассматриваемая в двух своих временных ипостасях — чешское средневековье и реформация (представленные языком древнечешского периода), чешское возрождение (представленное языком эпохи возрождения).

Личность в социокультурных системах рассматривается как "актор". С одной стороны, он выполняет значимые для него и для других действия, направленные на поддержание функционирования социальных систем, обеспечивающих совместное существование людей. С другой стороны, он контролируется другими членами системы, так как имеет определенные обязательства, обусловленные выполняемой им социальной ролью [Орлова 1994]. Эти характеристики и ролевые функции личности рассматриваются нами в разделе "Человек как член социума". Вместе с тем "актор", как целостный воплощенный индивид, обладает потенциями и возможностями помимо всех социальных систем, в которых он участвует лишь частично [Орлова 1994] — эти параметры личности рассматриваются в разделе "Человек как индивидуальность".

В силу того, что в основе классификации лежат слова в своих отдельных лексических значениях, многие из рассмотренных многозначных слов со значением "лица" вошли в оба названных разряда. Внутри каждого из них различные лексико-семантические варианты многозначного слова могут встречаться в различных рубриках семантической классификации. Многие слова переходят также из одного временного пласта лексики в другой, не изменяя или изменяя частично свои лексические значения. Основу классифицируемого материала составляют имена существительные, называющие лицо мужского пола. В отдельных случаях к рассмотрению привлекаются наименования лиц женского пола, которые как бы "замещают" соответствующие наименования лиц мужского пола. Это объясняется ограниченностью выборки первыми четырьмя буквами словаря, в связи с которой некоторые интересующие нас наименования по чисто техническим причинам остались за пределами выборки. Стилистические пометы, указывающие ограничения употребления слов в языке, не приводятся.

Лексико-семантический разряд
"Человек как индивидуальность"

В результате разбиений единого массива слов лексико-семантического разряда "Человек как индивидуальность" (в рамках каждого из указанных временных периодов) было выделено десять лексико-семантических классов, которые представляют характеристику человека: 1) по возрасту; 2) по особенностям речи; 3) по внешнему облику; 4) по состоянию здоровья; 5) по потребностям и пристрастиям или их отсутствию; 6) по интеллекту; 7) темпераменту; 8) по чертам характера; 9) по поведению; 10) в связи с общей оценкой личности другими людьми. Все названные параметры являются общими, универсальными для лексических систем обоих периодов развития языка и, опосредованно, обоих периодов

развития общества. Количественный состав рассматриваемого корпуса значений слов: ДЧП – 56 единиц; ЭВ – 242 единицы.

С точки зрения структурно-функционального подхода к изучению общества и культуры, который представляется нам продуктивным также и в социолингвистическом плане, культурные универсалии находятся в тесной связи с универсальностью человеческих потребностей. Социокультурная специфика того или иного общества связана не с характером потребностей как таковых (они могут совпадать в различных социокультурных системах), а с их распределением по приоритетности, а также способам удовлетворения в определенном обществе [Орлова 1994]. "Множественность своеобразных проявлений культуры поддается упрощению и упорядочиванию путем сведения (редукции) их к первичным потребностям. В свою очередь удовлетворение этих потребностей и сопровождающие представления и оценки (sic!, которые в первую очередь выражаются языковыми средствами – на уровне лексической семантики, стилистической характеристики слов, словообразовательными средствами, синтаксическими структурами и т.д. – Ю.С.) можно показать как определенные "темы" в культуре: обеспечение крова и безопасности, утоление голода и жажды, удовлетворение сексуальной потребности и т.п. ... Культурное же разнообразие можно трактовать как специфичные вариации этих тем, проявляющиеся в различиях конфигураций потребностей и способов их удовлетворения" [Орлова 1994, 44].

Представленная нами лексико-семантическая структура разряда "Человек как индивидуальность" соотносима со шкалой универсальных человеческих потребностей, разработанной А.Маслоу, включающей биологические и социальные факторы:

І. *"Физиологические потребности* (курсив здесь и далее наш – Ю.С.), обусловленные метаболическими процессами (обмен организма со средой веществами и энергией): пища, воздух, выделения организма, температурный баланс, размножение".

II. "*Потребность в безопасности*, связанная с защитой индивидом своей жизненной среды в физическом (жизненное пространство) и социокультурном (защита от посягательств на личность, ее семью, положение в обществе и т.п.) смысле. Она соответствует выделенному этологами у всех животных, включая человека, так называемого инстинкта территориальности. У человека он проявляется как стремление к освоению пространства, закреплению на нем, его ограждению и защите в присущих человеку предметно-пространственных знаковых формах".

III. "*Потребность в социальных связях*, то есть в отношениях с другими людьми, межличностной привязанности и любви; она выражается в стремлении принадлежать к какой-либо общности, которую индивид воспринимает как "свою"».

IV. "*Потребность в признании, уважении*, которая имеет два аспекта: самоуважение и признание со стороны других; в первом случае речь идет о соответствии поведения личности ее принципам, об уверенности в себе, в своей компетентности, о личной независимости; во втором – о проявлении знаков уважения со стороны окружающих, о стремлении занять высокое положение в обществе, обеспечивающее определенные социокультурные привилегии".

V. "*Потребность в самореализации*, связанная с проявлением индивидуальных способностей, склонностей, свойств" [Орлова 1994, 44-45].

Выделенные нами лексико-семантические классы слов можно рассматривать как темы культуры, реализуемые специфическим образом в каждый из указанных временных периодов развития чешского литературного языка и общества. Они могут быть сведены к первичным потребностям следующим образом: *физиологические потребности* (I) обусловлены "возрастной характеристикой и возрастными особенностями человека", связаны с его "внешним обликом", "состоянием здоровья" (очевидно, что имеются различия в потребностях, в том числе и физиологических, у молодых и

пожилых, худых и толстых, высоких и низких, больных и здоровых людей), напрямую выражены в классе слов "характеристика человека по его потребностям и пристрастиям"; *потребность в безопасности* (II) реализуется по-разному у людей, различающихся "интеллектуальными возможностями" и "темпераментом"; *потребность в социальных связях* (III) и *потребность в признании, уважении* (IV) отражена в характеристиках людей "по особенностям речи", "по характеру", реализуется с положительным или негативным результатом в классе слов "общая оценка человека другими людьми"; *потребность в самореализации* (V) отражена в классе слов "характеристика человека по его поведению".

Конечно, названные соответствия относительны, в отдельных случаях могут быть установлены не однозначные, а множественные соответствия, как множественными являются пути и способы удовлетворения человеком своих жизненных потребностей. Так, например, не только *потребность в безопасности*, но и *потребность в социальных связях*, в *признании и уважении*, а также в *самореализации* может быть определена *интеллектуальными особенностями и возможностями человека*, а наименования человека по его *характеру* могут отражать способ реализации человеком инстинкта территориальности, т.е. его *потребности в безопасности* и т.п. В данном случае нам важно было указать, что способы выражения универсальных человеческих потребностей и пути их удовлетворения могут быть различными, и, сформулированные как темы культуры, они могут служить основой определения культурной специфики того или иного общества, того или иного исторического этапа в его развитии.

Итак, большая часть выделенных лексико-семантических классов слов, называющих основные параметры характеристики человека как индивидуальности, являются универсальными. Они свидетельствуют о стабильности развития чешской лексической и социокультурной систем в рассматриваемые

периоды времени, но ничего не могут нам сказать об их особенностях. Языковая и социокультурная специфика может быть выявлена на более низких уровнях разбиений слов, т.е. на уровне лексико-семантических групп слов, формирующих названные выше классы. Именно на этом уровне становятся очевидными семантические различия разных периодов развития языка и общества – число, семантика и лексическое наполнение лексико-семантических групп слов варьируются в зависимости от хронологического среза рассматриваемой лексики. Рассмотрим эти различия подробнее.

Предварительное изучение слов разряда “Человек как индивидуальность” в литературном языке древнерусского периода и языке эпохи национального возрождения показало, что имеются значительные различия между лексическими системами рассматриваемых периодов. В языке ЭВ данный разряд имеет более сложную структуру, чем соответствующий фрагмент лексической системы языка предшествующего периода. Анализ лексики, включенной Й.Юнгманом в словарь, позволяет увидеть, что изменились акценты в отношении общества к человеческой личности. Возрос интерес к духовному миру, душевным качествам, закономерностям их проявления в характере и поведении человека. Становится важным не только зафиксировать в номинации внешние, знаковые, классифицирующие черты человеческой личности, не только те или иные ее качества и свойства, но и отразить в слове сущностные, характеризующие признаки явления, понимание истока или причины этих качеств и свойств, выразить отношение общества к ним, а также обобщить в единой номинации психологический опыт общения – создать в слове типичный образ человека, чей внешний облик, умственные качества, свойства характера, манера поведения и т.д., имеют внутреннюю логическую связь.

1) *Возрастная характеристика личности* в языке ЭВ представлена в следующих лексико-семантических группах слов: а) детский возраст (*bъzъnĕ* ‘маленький ребенок’, *bоgъ* *субст.*

сущ.'о детях, которые как правило ходят босиком', *cucák* 'маленький ребенок, младенец', *babenes* 'мальчик', *čád* 'ребенок, сын, дочь', *čáda* 'ребенок'); б) подростковый возраст (*bábě* 'девушка, девчушка'); в) пожилой возраст (*bába* '1. старуха', *babams* 'старушка', *babičkar* 'бабушка, старая женщина', *čáda* 'впавший в детство пожилой человек').

В лексической структуре многозначного слова *čáda* объединены два значения, называющие различные возрастные состояния человека – детский и пожилой ('впавший в детство пожилой человек') возраст. Инвариантным значением данного слова, вероятно, является 'беспомощный человек, в силу своего возраста нуждающийся в заботе и опеке'.

В отличие от языка древнечешского периода в языке эпохи возрождения присутствует не только номинация *čád*, *čáda* 'ребёнок мужского или женского пола' (*čád* < ст.слав. *čędo* < герм. **kinda-* / *kinpa-*, ср. современное нем. *Kind* [Machek 1971, 93]), но и наименования, которые в своей внутренней форме содержат информацию об отличительных чертах поведения объекта номинации – ребёнка: *bžuně* < *bžučeti* 'мурлыкать, жужжать', *cucák* < *cucat* 'сосать молоко из материнской груди', *babenes* < *bába* 'женщина, бабушка' – слово, которое дети начинают произносить одним из первых [Machek 1971, 40; Jungmann], *bošý* < *bošý* 'босой'.

2) Лексико-семантический класс слов, характеризующий человека с точки зрения *особенностей его речи*, представлен оппозицией "членораздельная : нечленораздельная речь". В отличие от языка ДЧП (ср.: *bebtavec* 'заика, бормотун', *brebtavec* 'тараторка, трещетка', *búkal* 'тот, кто мычит, рычит, бурчит в речи') в языке эпохи национального возрождения представлены оба члена оппозиции. Наиболее многочисленным является ряд слов, называющих неразборчиво говорящего человека (*brepta*, *breptač*, *breptawec*, *breptaun*, *breptal*, *breptoň* 'человек, говорящий быстро и нечленораздельно', *cupla* 'тот, у

которого язык заплетается', *blbotuď* 'бормотун, заика', *bebtawec* 'заика'), второй компонент представлен наименованиями человека с членораздельной, но эмоционально насыщенной речью - *bouřil* 'крикун', *buchaď* 'крикун, человек, говорящий слишком громко и шумно'.

3) Во *внешности человека* в период возрождения, так же как и в древнечешский период, значимыми являются такие параметры как комплекция; цвет кожи, волос, глаз; наличие / отсутствие волос, органов и частей тела; гипертрофия / недостаточное развитие органов и частей тела; наличие / отсутствие определенного вида одежды. В языке ЭВ данные лексико-семантические группы слов являются, как правило, внутренне структурированными — представлены оппозицией качеств, а также включают большее количество наименований — новые наименования, а также лексические и словообразовательные синонимы и варианты уже известных в языке слов: а) комплекция — тучная (*báchaď* 'толстяк', *břichál, břichoň* 'толстопузый человек', *bachoráď, bachráď* 'пузатый человек', *bachoř* 'чрезвычайно толстый, пузатый человек' < *bachoř* '2. желудок', *bucek, bucljk* 'пухлый, толстый человек', *bučko* 'толстый, тучный, пухлый человек', *bžoch* 'чрезвычайно толстый человек', *čamrdák* 'человек, имеющий тело округлых форм', ср. ДЧП: *břucháď, břuchal* 'брюхач'), а также — стройная (*čifrowanec, čifřičkář* 'стройный человек'); в) цвет кожи, волос, глаз и т.д. светлый - *bělák* 'альбинос', *běloch* 'альбинос', *blafard* 'негр-альбинос', *belauš* 'тот, который является белым', *bělohlawek* 'белоголовый человек', *bělozub* 'белозубый человек' (ср. ДЧП: *bronec* 'блондин, альбинос'), темный — *černauš* 'черный, темный человек', *černowauš* 'чернобородый человек'; б) наличие бакенбардов — *balaušáď* 'тот, кто носит бакенбарды' (данное существительное является признаковым для языка эпохи возрождения, так как бакенбарды стали атрибутом мужской моды в XVIII — XIX вв.), длинной бороды и усов —

bradáč, bradál 'тот, кто носит длинную бороду, усы', отсутствие бороды – *bezbradec* 'безбородый человек', головы – *bezhlavec* 'безголовый человек', глаз – *bezohec* 'безглазый человек', рук – *bezručec, bezručka, bezručka* 'тот, кто родился без рук или лишился рук позднее' (ср. ДЧП: *bezhlav* 'безголовый человек', *bezhlavec* 'безголовый человек', *beznoha* 'безногий человек', *bezručec* 'безрукий человек', *bezručka* 'безрукий человек', *bezzubec* 'беззубый человек'); в) гипертрофия / недостаточное развитие органов и частей тела: *bradáč, bradál* 'тот, у кого развитый подбородок', *čáp* 'длинноногий человек' (< *čáp* 'аист') (ср. ДЧП: *čaponošec* 'тот, у кого нос, как у аиста', *čtyřohec* 'четырёхглазый', *braduž* 'длиннобородый', *bradač* 'тот, кто носит длинную бороду', *bradál* 'тот, кто носит длинную бороду'); г) в одежде отмечается наличие (*botař* 'тот, кто ходит в сапогах') и отсутствие одного из предметов туалета (*bezkalhotka* 'тот, кто ходит без брюк', *bosochoď* 'тот, кто ходит босиком'), опрятность одежды (*cund'ák* 'мужчина в волочащемся по земле платье', *cundra* 'человек в грязной одежде, рубище' < *cundra* 'грязная одежда, тряпки'), ее цвет (*černec* 'тот, кто носит черную одежду'). В древнечешский период в данную лексико-семантическую группу слов входило существительное *bosák* в значении 'тот, кто ходит босиком', которое в языке возрожденческого периода, вероятно, было вытеснено синонимом *bosochoď*. То же слово в значении 'монах, который не носит обычной обуви, а только сандалии' в языке рассматриваемого периода мы относим к иному лексико-семантическому разделу слов – "Человек как член социума".

Новыми по сравнению с языком древнечешского периода являются наименования: а) характеризующие человека по росту. Трихотомия "низкий : средний : высокий рост" представлена крайними вариантами – наименованиями лиц, имеющих низкий (*swrk* 'человек низкого роста' < *swrk* 'сверчок') или слишком высокий рост (*čahán, čahoun* 'верзила, каланча'); б)

эстетическая оценка внешности (*cumploch, žumploch* ‘лохматый, грязный человек’, *cunda, cundra* ‘грязнуля’).

4) Для характеристики здорового или болезненного состояния человека в языке начала XIX в. актуальными, как и в языке предшествующего периода, являются следующие параметры: а) заболевания в явной форме: одержимость дьяволом (*běsnjk* ‘бесноватый’, ср. ДЧП: *běsovník, běsník* ‘одержимый дьяволом’), дефекты органов зрения (*breyl* ‘тот, кто носит очки’, *breylač* ‘косой’, ср. ДЧП: *blíkavec* ‘тот, у кого плохое зрение’), неспособность иметь детей (*bezďetek, bezďjtek* ‘бесплодный, стерильный мужчина’, ср. ДЧП: *bezďetek* ‘бесплодный, стерильный мужчина’). Данная группа слов по сравнению с аналогичной в языке древнечешского периода расширена за счет нименований людей с заболеваниями психики (*blazen, blázn* ‘сумасшедший’, *blazněvec* ‘сумасшедший’), опорно-двигательного аппарата (*belhač* ‘хромой’); б) уровень личной гигиены: пренебрежение личной гигиеной (*blecháč* ‘тот, у кого завелись блохи’, *blechanda* ‘тот, у кого много блох’); в) новым явлением, по сравнению с языком предшествующего периода, является потенциальная, представленная в нашем материале одним словом, лексико-семантическая группа “физические возможности и состояние человека”: *sepxák* ‘3. сильный парень’. Данное слово характеризует человека, обладающего грубой физической силой – первым словообразовательным значением этого слова является ‘молотилыщик’ (< *sep* ‘цеп’), вторым – ‘грубый парень’.

5) *Потребности и пристрастия* человека в субстантивной номинации языка ЭВ представлены, в отличие от языка ДЧП, достаточно разнообразно. Кроме лексико-семантической группы слов, называющих человека в связи с проявлением им чрезмерных гастрономических потребностей и пристрастий (а): *bachornjk* ‘слуга желудка’, *bezednjak* ‘ненасытный обжора’ < *bezedný* ‘бездонный’, *břichopas* ‘обжора’ < *břicho, pásti* ‘пузо’, ‘пасти’, *břichosluha* ‘обжора’ < *břicho*,

sluha 'пузо, слуга', *břichoslužebník* 'обжора' (ср. ДЧП: *břichoplucě* 'обжора'), *bibál* 'пьяница', *bibát* 'пьяница', *břichopluc* 'пьяница', — в языке ЭВ представлены также наименования, отражающие нормальные проявления потребности человека в пище и избирательный вкус к ней (б): *babář* 'тот, кто любит сладкие пирожки', *bandorák* 'тот, кто любит картофель', *beranogedec*, *beranogjdce* 'тот, кто любит баранину', *buchtář* 'тот, кто любит сладкие пирожки', *čtwerák* 'тот, кто пьет четыре напитка: вино, пиво, воду и водку', а также чрезмерное проявление иных потребностей и пристрастий (в): *běhaun* 'бабник' (< *běhati* 'бегать', *čmuchar* 'бабник, юбочник' (< *čmuchati* 'нюхать'), *cizomil* 'тот, кто любит иностранное, особенно товары'.

б) Лексико-семантический класс слов, называющий человека по его интеллектуальному состоянию, воображению, памяти и т.д., в языке XIX в. характеризуется богатой синонимикой, отражающей, как и в языке предшествующего периода, человеческую глупость, но в отличие от древнечешского языка, указывающей на различные степени данного состояния, а также его причины и признаки. Последние становятся очевидными при анализе семантики мотивирующих основ имен со значением 'лица'. Ср.: *arciblážen* 'самый большой дурак', *bezrozumec* (< *bezrozumný* 'nemagjícj rozumu'), *bezumec* (< *bezumný* 'bez umu'), *bezmyslník* (< *bezmyslný* 'bez smyslu') 'дурак, глупец', *blb* 'идиот, болван' (< *blbý* 'слабоумный'), *blaud* 'болван, глупец' (< *blouditi* '1. блуждать, 2. ошибаться, заблуждаться'), *cep* 'глупец' (< *cep* '1. цеп, 2. молот дураков' [Jungmann]), *cisák* 'простофиля' (< *cisat* 'сосать молоко'), *čketa* 'глупец, дурак' (< *čketa* 'дикое животное'). В двух случаях мы встречаемся с явлениями антономазии: *bartek* 'дурак' (< *Bartoloměj*, *Bartek*) и *bláha* 'глупец' (< *Bláha*, *Blah*) (ср. ДЧП: *blázn*, *blážen* 'глупец, дурак', *bláznoch* 'дурак'). Причины, по которым лицам по имени

Bartoloměj (*Bartek*) и *Bláha* приписано такое свойство как 'глупость', нуждаются в культурологических комментариях. Причины глупости человека, названного немотивированными в чешском языке наименованиями *blazen*, *blázn*, Й.Юнгман разъясняет в словарной статье, толкующей значение данных вариантов: "В Библии *blazen* означает того, кто не имеет истинной мудрости, не заботится ни о Боге, ни о ближнем, ни о своей душе, слышит безбожником" [Jungmann]¹.

7) Лексико-семантический класс *характеристика человека по его темпераменту* в языке обоих периодов представлен наименованиями, называющими человека холерического темперамента (а) - *bauřlivec* 'вспыльчивый, воинственно отстаивающий свои взгляды человек', *brogitel* 'тот, кто бегает туда сюда, ведёт себя беспокойно', *buchač* 'буян', *bugnjik* 'буйный человек', *buřič* 'беспокойный человек', *buřiwog* 'неугомонный, горячий человек', *buryan* 'непокойный, воинственный человек', *buřisvět* 'непокойный человек' (ср. ДЧП: *buřník* 'горячий, вспыльчивый человек', *buřič* 'напористый человек'). Новыми в языке эпохи возрождения являются лексико-семантические группы слов с наименованиями человека б) сангвинического темперамента: *bystrák* 'непоседа', *čipera* 'шустрый, бойкий человек', *bzec* 'непоседа'; в) меланхолического темперамента: *citlivůstkář* 'чувствительный человек'.

8) Значительно вырос по сравнению с древнечешским периодом развития языка класс слов, называющий человека по

¹ Ср. также: "*blazen* – старочеш. по происхождению *blázn*, отсюда *bláznivý*, *blázniti*, старочеш. также *bláznový* <...> Праслав. старослав. *blaznъ*; происхождение неясно" [Machek 1971, 55]; Старослав. БЛАЗНЪ 'соблазн, искушение' [Старославянский словарь 1994, 91]. Возможно глупость человека, названного *blazen*, *blázn* заключается в том, что он поддавался искушению.

чертам его характера. Общими для языка обоих периодов являются лексико-семантические группы слов – "наименования лица по его отношению к другим людям", "наименования лица по чертам характера, отражающим нравственную сущность человека", "наименования лица по его отношению к базовым ценностям – жизни, делу, труду". Данные группы слов в языке ЭВ характеризуются большей, чем в языке ДЧП, численностью входящих в них слов, разнообразием семантики, развитой вариативностью и синонимикой.

а) Отношение к другим людям может характеризоваться (1) альтруизмом / (2) агрессивностью: (1) *šlowěkolibec* 'альтруист', *blahodětel* 'тот, кто делает добро', *blahoradnjik* 'тот, кто даёт добрые советы', *blahowec* 'добрый чудак', *bezelstrijk* 'бесхитростный человек', *čítel* 'почитатель', *čůđ* 'почитатель' (ср. ДЧП: *čstitel*, *čítel* 'почитатель, поклонник', *branič* '1. защитник'); (2) агрессивность проявляется как болтливость² (*balaka* 'пустомеля', *balamut* 'болтун, пустомеля', *blaznomluwec* 'болтун', *blblač* 'болтун', *blekotnjik* 'болтун, пустослов', *blentār* 'болтун', *buchač* 'болтун', ср. ДЧП: *bebita* 'болтун', *blekotník* 'болтун'), хитрость (*ačwokát* 'хитрый человек, который с лёгкостью говорит о предмете, как за, так и против него', *swik* '2. хитрец'), жестокость (*arab*, *arabčan* 'тиран, изверг', *arcizlosyn* 'злодей', *argaláz* 'изверг', *bezbožnjik* '2. злодей', ср. ДЧП: *biedník* 'свирепый, жестокий человек', *branič* 'тот, кто запрещает, препятствует, мешает'), злость (*bazilišek* 'злой

² Человеку, как уже отмечалось, свойственен инстинкт территориальности, который может иметь не только пространственную форму, выражающуюся в стремлении к освоению, захвату пространства и закреплению на нем, но и психическую форму, которая заключается в захвате, овладении вниманием собеседника, сосредоточении его на своих собственных проблемах. Одной из черт характера, которая позволяет осуществить подобный акт агрессии – захват внимания собеседника, является, на наш взгляд, склонность человека к болтливости.

человек, способный "убить взглядом" < *Bazlišek* 'Василиск'), зависть (*benešek* 'завистник'), сварливость (*braukač, braukal, braukawec* 'ворчун', *bubla, bublač, bublák, bublaun* 'ворчун, брюзга', *burda* 'неспокойный, сварливый человек'), грубость (*sepek* 'грубиян').

б) Нравственная сущность человека представлена оппозицией качеств "святой : грешник" (*blahoslavenec* '3. спасенный', 4. провозглашенный святым, 5. святой' : *arcihřijšnik* 'архигрешник', ср. ДЧП: *antikrist, antikřist* 'антихрист [о человеке]') и раскрывается не только через понятия стыда и совести как в языке древнечешского периода (ср. *bezdušec* 'бессердечный, бессовестный человек'). В языке XIX в. наряду с наименованиями данной семантики (*blaholibec* 'порядочный человек, тот, кто любит добро, честь', *bezemzdnjk* 'неподкупный человек' : *bezčelnjk* 'бесстыдник', *bezčestnjik* 'бесчестный человек', *bezectnjik* 'бесчестный человек', *bezodšiwec* 'бесстыдник', *bezstaudnjik* 'бесстыдник, наглец', *bezstydjk* 'бесстыдник', *suchta* '2. бесстыдный, безнравственный человек', *čuhagda, čuhejda* 'бесчестный человек'), отмечены существительные, маркирующие склонность человека к лицемерию, неискренности (*andjlek* 'лицемер, фарисей', *arcipokrytec* 'архилицемер, архиподлец'), интригам (*bág, bágař, bágeč, bágek, bágkář* 'интриган'), подлости (*arcilotr* 'мерзавец, негодяй', *arcipadauch* 'архиподлец', *arcišelma* 'архинегодяй', *běšniák, bestyák, bešt'ák* 'подлец, скотина', *bestie, bestye* 'подлец, негодяй', *biřic* '2. холуй, мерзавец, негодяй', *bliwoň* 'негодяй, безнравственный человек', *sumpljk* 'негодяй, мошенник', *čtwerák* 'негодяй, мерзавец'), лжи (*arcipodwodnjik* 'главный обманщик').

в) Имена существительные, называющие человека по его отношению к базовым ценностям – жизни, делу, труду, формируют оппозицию "деятельный человек : бездельник". В наименовании деятельного человека отражена констатация

факта его активности – *činnjk, činitel* ‘деятель’ < *činiti* ‘делать’ (ср. ДЧП: *čincě* ‘деятель’, *čineňjk* ‘деятель’, *činitel* ‘деятель’, *činodejčě* ‘деятельный человек, деятель’). Второй член оппозиции представлен более значительным рядом слов, в семантике которых отражены причины и способы бездеятельности человека или его некачественной работы: *arlekyn* ‘ветреник, ветрогон’ (< *arlekyn* ‘арлекин’), *bezpečnjik* ‘беспечный человек’ (< *bezpečný* ‘беспечный’), *břidil, břiditel* ‘халтурщик, портач’ (< *břidit* ‘портить’), *budižkničemu* ‘никчемный человек, портач’ (< *budižkničemuž* ‘быть ни к чему не годным’), *culjk* ‘путаник, портач’ (< *culiti* ‘путать’), *časomorče* ‘тот, кто попусту теряет время’ (< *čas, mor* ‘время. мор’), *čuhák, čuhaun* ‘ротозей, зевака’ (< *čuhauněti* ‘глазеть’).

Новыми (т.е. отмеченными только для языка эпохи возрождения) лексико-грамматическими группами в данном классе слов являются наименования лица по его отношению к собственной личности, к деньгам, вещам, ресурсам, а также наименования лица, отражающие его волевые качества.

г) Из наименований человека по чертам характера, отражающим его отношение к себе (и опосредованно – к другим людям), зафиксировано слово *baron* ‘2. своевольный, ни с кем не считающийся самовластный человек’.

д) Наименования человека, отражающие его отношение к деньгам, вещам, ресурсам и т.д., представлены двумя крайними членами оппозиции “жадный человек : щедрый человек” – *bzd'och : čtitel*. Для обоих слов названные значения не являются исходными в их семантических структурах. Это образные, метафорические значения, раскрывающие ту оценку (и ассоциативную связь) называемых явлений, которая существует в сознании носителей языка. Ср. *bzd'och* ‘1. вонючий, смердящий, безобразный, безнравственный коротышка’, *čtitel* ‘почитатель’ (< *čest, čti* Р.пад. ед.ч. ‘честь’).

с) Волевые качества человека раскрываются в оппозиции "трус : сильный, мужественный человек", первый член которой представлен большим количеством наименований: *bába* '6. баба (о мужчине)', *bázliwec* 'трусливый человек', *bogák* 'трус', *bzd'och* 'трус' и *bohátýr*, *bohátér* 'герой, воин, мужественный рыцарь'.

9) Наименования человека, раскрывающие способы его поведения, представлены как в лексико-семантических группах, сформировавшихся уже в ДЧП (стиль жизни, уровень культуры, координация движений, специфичных для человека), так и в новых лексико-семантических группах, выделяемых для языка ЭВ: поведение, отражающее отношение человека к другим людям, а также поведение, связанное с состоянием и работой отдельных органов и функциональных систем организма данного человека.

а) Лексико-семантическая группа слов, называющих человека по стилю его жизни, дополняет наше представление о способах существования человека в пространстве и времени: он может быть не только бродягой или скитальцем (*běhauu* 'бродяга', *bludař* '2. тот, который бродит, бродяга', ср. ДЧП: *běhun* 'бродяга, скиталец', *čtverák* 'бродяга'), что было засвидетельствовано уже в языке древнечешского периода, но и прихлебателем, приживальщиком и паразитом, что является уже "достижением" более позднего времени (*břichopas*, *břichopásek* '2. прихлебатель, приживальщик', *cizopásek* 'паразит, прихлебатель'). Слово *čtverák*, употреблявшееся в древнечешском языке, по свидетельству Я.Гебауэра, в значении 'бродяга', в языке эпохи возрождения это значение утрачивает. Наименования *bujář*, *bújař* 'тот, кто ведет себя буйно, ведет распутный образ жизни', фиксируемые в языке древнечешского периода, в языке ЭВ не отмечены.

б) Поведение, определяемое уровнем культуры человека, представлено оппозицией "культурный человек : невежа", первый член которой как в языке древнечешского периода, так

и в языке эпохи возрождения в нашей выборке примеров является нулевым: *arcineztwořák* 'невежа, грубиян', *brmjik* '2. неотесанный парень' (ср. ДЧП: *běhínec* 'невежда, неуч').

в) Существительные, характеризующие человека по специфической для него координации движений, представлены в языке XIX в. следующим рядом слов: *brkač* 'тот, кто спотыкается', *caban* 'неуклюжий человек' (< *caban* '1. род больших валашских овец'), *čapták* 'тот, кто плохо ходит'. Слово *čurídlo*, имевшее в ДЧП значение 'растяпа', в языке ЭВ передаёт субъективное восприятие человека другими людьми ('мерзкая личность').

г) Поведение, отражающее отношение человека к другим лицам, зафиксировано в именах существительных *blazen*, *blázn* 'шут, весельчак, озорник', *čtwerák* 'шалун, озорник'.

д) В лексико-семантическую группу слов, называющих поведение человека в связи с работой органов и функциональных систем его организма, входят существительные *bljkač* 'тот, кто мигает', *blikež* 'тот, кто мигает', *bliwoň* 'тот, кого часто рвет', *braul* 'человек с выпученными глазами', *bzděc* 'пердун', *bzdinařec* 'пердун'.

10) Лексико-семантический класс слов "общая оценка личностных качеств человека другими людьми" в языке эпохи возрождения представлен двумя группами слов: а) субъективное восприятие человека другими лицами; б) комплексное восприятие личности.

а) Лексико-семантическая группа имен существительных, в значении которых отражено "субъективное восприятие личности" окружающими, представлено словами, выражающими различные спектры пристрастного отношения к человеку: симпатию и любовь (*angel*, *anděl* '4. ангел', *bažatko* 'любимчик'), сочувствие (*běditel* 'горемыка', *bjďák* 'бедняжка', ср. ДЧП: *biedník* 'бедняга, горемыка'), пренебрежение (*cucák*

‘сосунок’), активное неприятие (*břídál* ‘противный человек’, *břídňjk* ‘скверный человек’, *čurǵdlo, čerǵdlo* ‘мерзкая личность’).

б) В лексико-семантическую группу “комплексное восприятия личности” мы включаем имена существительные, называющие человека одновременно по ряду присущих ему свойств или качеств, например: *batwan* ‘глупец, увалень, недотепа’, *cikán* ‘бродяга, гадалщик, лгун и мошенник’, *barbar* ‘дикий, необразованный, иногда и жестокий, немилосердный человек’. В одном слове объединяются несколько характеристик личности – семантических переменных или дифференциальных сем – раскрывающих различные аспекты личностной реализации человека: внешний облик человека, его интеллект, характер, поведение, материальное состояние и др. В данном случае речь идет о частном случае языковой метафоры, называющей не одно конкретное свойство личности, а отражающей “общее, часто не поддающееся точному определению впечатление (которое только в словаре расчлняется на частные признаки и ассоциации)” [Скляревская 1993, 46].

Наименования, отражающие комплексную характеристику личности, представлены существительными, которые содержат в своей семантике пейоративную оценку качеств (точнее – пороков) называемой личности: поведение и характер (*barbar* ‘дикий, необузданный, жестокий человек’, *cikán, ciǵán, cinǵán* ‘бродяга, гадалщик, лгун и мошенник’), интеллект и поведение (*blazen* ‘глупый, грубый, пошлый человек’, *batwan* ‘глупец, увалень, недотепа’), интеллект и характер (*bliwon* ‘2. бесчестный, безнравственный дурак’), внешность, характер и поведение (*bzdǵch* ‘коротышка, противный, малоподвижный, безнравственный и смердящий’). Во всех названных случаях выступают не прямые, а метафорические значения слов, отождествляющие называемую личность с определенным, осуждаемым обществом классом людей (*barbar, cikán, blazen*), с

шокирующим общественный вкус поведением человека (*bliwoŋ*, *bzd'och*); определённым предметом (*batwan*).

Приведенный материал позволяет сделать следующие выводы:

1) Отражение образа человека в совокупности его индивидуальных черт в языке ЭВ связано с переключением внимания от внешних проявлений человека к его внутреннему миру.

Лексико-семантические группы слов, отражающие внешние проявления человека (возраст, внешность, особенности речи, поведение, состояние интеллекта, здоровья, способы удовлетворения потребностей и пристрастий, особенности темперамента, уровень культуры, стиль жизни) в проанализированном материале древнечешского языка по количественному составу превосходят соответствующие группы слов, отображающие внутренний мир человека, его характер, душевные качества. Соотношение такое: 42 против 14 (т.е. в 3 раза больше). Даже те наименования, которые раскрывают свойства характера человека, часто называют качества, открыто проявляющиеся в поведении, например, болтливость (*bebtā*, *blekotník*).

В языке ЭВ соотношение иное — 139 против 103, то есть наименований, отражающих внешние черты проявления личности, больше только в 1,36 раза. Следовательно можно, как будто, утверждать, что группа слов, отображающих внутренний мир человека, в языке ЭВ по сравнению с языком древнечешского периода увеличилась в 2 раза.

2) Если сравнивать глубину отражения характерологических черт индивидуума в языке рассматриваемых временных периодов, то она в языке ЭВ по сравнению с языком ДЧП возрастает. Так, например, кроме таких качеств характера, как отсутствие совести (*bezdušec*), греховность (*antikříst*), болтливость (*bebtā*), способность оценить достоинства другого человека (*ciitel*), трудолюбие (*čínodějce*), которые отмечены в

языке ДЧП, в языке ЭВ отмечаются такие свойства характера человека, как бесхитростность (*bezelstnjik*), хитрость (*swik*), жестокость (*arabčan*), завистливость (*benešek*), злобность (*bazilišek*), грубость (*cepák*), сварливость (*bublák*), доброта (*blahodětel*), леность (*časomorče*), жадность (*bzdŏch*), щедрость (*ctitel*), совестливость, честность (*blaholibec*), бесчестность (*bezčestnjik*), лицемерность (*arcipokrytec*), интриганство (*bág, báged*), подлость (*arcipadauch*), лживость (*arcipodwodnjik*), бескорыстие (*bezemzdnjk*), трусость (*bogák*).

3) В языке ЭВ всё чаще фиксируются не только отрицательные, но и положительные черты во внешности, характере и поведении человека (ср. *břucháč, bžoch – cifřičkář, swik – bezelstnjik, bazilišek – blahowec, bzdŏch – ctitel, bezdušec – blaholibec* и т.д.), хотя преобладающей тенденцией остаётся всё-таки отображение негативных черт личности.

4) Одной из важных тенденций в развитии лексики со значением "лица" в языке ЭВ является переход от констатации существенных черт внешности, поведения или характера человека к объяснению причин возникновения и специфических форм их проявления. Последнее достигается широким использованием ассоциаций и метафор при образовании имен существительных со значением лица.

Отмеченные нами тенденции лежат в русле основного вектора развития европейской культуры, которое характеризует «постепенное, но неуклонное преодоление одностороннего, "монохроматического" видения человека и мира, переход от механического к органическому, т.е. целостному, многокачественному восприятию действительности» [Культурология 1995, 260].

Лексико-семантический разряд "Человек как член социума"

Данный разряд представлен в языке ЭВ следующими лексико-семантическими классами слов, называющими человека в связи с: 1) семейным статусом; 2) производимыми действиями; 3) взаимоотношениями с другими людьми; 4) уровнем образования; 5) религиозным мировоззрением; 6) собственностью, которой владеет; 7) профессиональной деятельностью; 8) деятельностью в сфере искусства, культуры; 9) местом в социальной иерархии; 10) участием в общественно-политической жизни; 11) принадлежностью к вооруженным силам; 12) взаимоотношениями с правовой системой; 13) принадлежностью к расе, нации, народности, национальности; 14) местожительством (страна, континент и т.д.); 15) умениями, навыками в оценке окружающих.

В наших материалах названный лексико-семантический разряд слов представлен следующим количеством лексических значений слов: ДЧП – 193 единицы; ЭВ – 613 единицы.

1) Лексико-семантический класс "*наименования человека в связи с его семейным статусом*" в языке ЭВ включает в себя группы слов, называющие родителей, детей, кровных родственников, членов семьи, рода, семейное положение мужчины. Для языка ЭВ характерна большая социальная ориентированность наименований лица, ср., в частности, неоднородную в семантическом плане лексико-семантическую группу "*наименования детей*", для которой социальный аспект номинации особенно актуален. В древнечешском языке акцентированы родственные связи индивидуума с братьями (родными и двоюродными), племянниками, членами семьи или рода:

а) наименования родителей: *abba* 'сирийское наименование, обозначающее отца, может пониматься как первая речь ребёнка при обращении к отцу: *apa, apo, papa, tata* и др.' [Jungmann], *bāba, babice, babka, babička* 'З. бабушка, мать отца

или матери', *bát'a* '1. наименование отца, как в русском языке 'бабушка', в болгарском *bašta*, ср. русс. 'бабка' = 'духовный отец', в данном значении чехам это слово не известно; 2. тот, кто выполняет роль отца, напр. старший брат, дядя (брат матери, отца)' [Jungmann] (ср. ДЧП: *bába, baba* – 'бабушка', существительное *bát'a* отмечено в древнечешском языке, но в значении 'брат, родственник, друг');

б) наименования детей, в которых отражено происхождение ребенка и представлена характеристика его социального статуса, определяемого: социальным статусом (профессией) отца ребенка: *apatekářowic, apatykářowic* 'сын аптекаря' (< *apatekář*); *baronowic* 'сын барона' (< *baron*); *berkowec* 'сын Берка' (< *Berka*); *biřicowic* 'сын палача' (< *biřic*); *božic* 'сын божий' (< *bůh, bože*); *carewic (carewič)* 'царевич' (< *car*); *cjsařowic* 'сын царя' (< *cjsař*); *cisařjk* 'сын царя'; именем одного из родителей (как правило отца): *abrahamowic* 'сын Абрахама' (< *Abraham*); *adamowic* 'сын или внук Адама' (< *Adam*); *amramowec* 'Моисей, названный по отцу Амраму' (< *Amram*); *arnoštowic* 'сын Арношта' (< *Arnošt*) (ср. ДЧП: *Bohovic* 'сын (потомок) Бога', *božic* 'божий сын'); законностью рождения ребёнка и условиями его принятия в семью: *bastard* 'бастард, незаконнорожденный', *barchant* 'подкидыш'; родственными узами: *bratrowec* 'племянник' (ср. ДЧП: *bratraňátko* 'ребенок брата или сестры', *bratranec* '2. племянник');

в) наименования кровных родственников: *batek* 'родной брат', *batěgček* 'братишка', *batěgček* 'братик', *batjk, batiek* 'братик, братишка', *brach, bracháč* 'брат', *brat, bratec* '1. брат, 2. brat, bratec – у русских так называют выбранного друга, побратима' [Jungmann], *bratr, bratřjk* '1. родной брат'; *bratran, bratranec, bratřenec* 'двоюродный брат'; *bljžně, bljžnátko* 'близнец'; *bljžnec* 'близнец'; *bljžnenec* 'близнец' (Ср. ДЧП: *bát'a* 'брат, родственник', *bat'ek* '1. брат, родственник', *bracháček, brachek* '1. братишка',

brašek, brašík 'братик', *brat* 'брат', *bratr* 'брат'; *bratran* '1. двоюродный брат', *bratřec* '1. брат, 2. родственник', *blížně, blížnec, blížněnec* 'близнец', *blížnec* 'близнец', *blížnenec, blížnenec* 'близнец');

г) наименование человека по его принадлежности к роду, семье: *arciotec* 'патриарх' (ср. ДЧП: *berkovec* 'человек из рода Берка' (< *Berka*); *čeled, čeled'* '1. семья, род, 2. дети, члены семьи кроме родителей', *čeledník* '1. родоначальник';

д) семейное положение мужчины: *babožen* 'тот, кто женился на женщине'; *čtveroženec* 'тот, кто четырежды был женат'; *bezženec* 'неженатый мужчина' (ср. ДЧП: *bezženec* 'неженатый человек').

2) Лексико-семантический класс "наименования человека по действиям, которые он производит" представлен восемью группами слов наименований лица, в которых маркируются коллективные действия человека, его индивидуальная физическая или интеллектуальная активность, перемещение в пространстве, временная составляющая действий, волевые усилия, направленные не на себя (как, например, в разделе "Человек как индивидуальность", классе слов "характеристика человека по чертам его характера"), а на другого, манипуляции с предметами, действия, связанные с выражением мировоззренческих установок, действия, производимые часто и/или с удовольствием.

Наш материал показывает, что для лексической системы языка ЭВ характеристика человека по его действиям (не связанным с профессиональной деятельностью) имеет большее значение, чем для языка ДЧП: больше лексико-семантических групп, называющих человека в связи с его действиями (в языке древнечешского периода, в частности, согласно нашим материалам, не представлены группы слов, называющие лицо в связи с участием в коллективных мероприятиях, выражением мировоззренческих установок, действиями, производимыми часто и/или с удовольствием), более многочисленными

являются и уже известные в древнечешском языке группы слов. Характерным для языка возрожденческого периода является внимание к частной жизни человека, проявляемое в том, что имя человек приобретает, выполняя действия, значимые не только для большого числа лиц (например, *banketník* '1. хозяин, тот, кто устраивает званый обед, ужин, 2. гость, тот, кто принимает участие в званом обеде, ужине', *besedník* 'собеседник, сотрапезник', *branič* 'тот, кто защищает', *bádač* '2. исследователь', *badatel* '1. кто побуждает, стимулирует, поощряет', *čechoslaw* 'тот, кто воспевает Чехию' и др.), но и, казалось бы, только для него самого (например, *čičák*, *čičal* 'тот, кто нисает', *celauš* 'тот, кто целует', *čmuchař* '1. тот, кто принохивается'), а также действия бытового характера, имеющие разную степень значимости для окружающих, но отмеченные их вниманием и стереотипизированные в слове (например, *arciwadič* 'тот, кто очень мешает', *bawitel*, *bawiwatel* '1. тот, кто задерживается, запаздывает, медлит', *boreš* 'тот, кто портит, ломает', *bušič* 'тот, кто стучит', *cupal* 'тот, кто топает', *bičowník* 'тот, кто стегает бичом' и др.):

а) действия, связанные с участием человека в традиционном обряде, ритуале, празднике, других коллективных мероприятиях: *banketník* '1. хозяин, тот, кто устраивает званый обед, ужин, 2. гость, тот, кто принимает участие в званом обеде, ужине', *barborák* 'ряженный, который вечером на св. Варвару ходит по домам' (< *Barbora*), *bachant* 'гуляка, принимающий участие в масленичных гуляниях', *besedník* 'собеседник, сотрапезник', *častowník* '1. хозяин, тот, кто принимает и угощает гостей, 2. гость, тот, кто пьет за здоровье';

б) физические действия: *arciwadič* 'тот, кто очень мешает', *bítec* '2. тот, кто бьет, драчун', *brálek*, *brač* 'тот, кто с удовольствием берет', *bditel* 'тот, кто бдит, не спит', *bořitel*, *bořič* 'тот, кто сносит, ломает, рушит', *břenkač* '1. тот, кто

бренчит, гремит', *branič* 'тот, кто защищает', *borež* 'тот, кто портит, ломает', *bořič, bořitel* 'тот, кто ломает', *budič* '1. тот, кто будит', *buřič* 'тот, кто стучит', *cinkac, cinkář, cwinář, cinkal* 'тот, кто звенит, бренчит, гремит', *cupal* 'тот, кто топаёт', *čechrač, čechral* 'тот, кто руками взбивает перину, пух, шерсть, муку, соль и т.п.', *čerpač, čerpatel* '1. тот, кто черпает воду', *čistec* 'тот, кто является чистым, или делает что-либо чистым', *čmudič* '1. тот, кто дымит, коптит, газит', *čičák, čičal* 'тот, кто писает', *čjhař, čihač* '1. тот, кто подстерегает подкарауливает', *celauš* 'тот, кто целует', *čmuchař* '1. тот, кто принимает', (ср., ДЧП: *bermil* 'кто с удовольствием берет', *berče, beřcě* 'тот, кто берет что-либо', *bišel* 'тот, кто бьет', *blamík* 'тот, кто убирает грязь', *budič* '1. тот, кто будит, 2. тот, кто не спит', *čědič* 'тот, кто цедит', *čělovač* 'тот, кто целует');

в) интеллектуальные действия: *badatel* '2. исследователь', *bádač* '2. исследователь', *bág, bagár, bágec, bagek, bagkár* 'тот, кто рассказывает истории', *besedář* '2. собеседник', *brzopisec* 'тот, кто быстро пишет', *čitedlník* 'читатель', *čitelník* '1. читатель', *čítatel* 'читатель', *čítel* '1. тот, кто читает, считает, 2. читатель', *čtenář* 'читатель', *časoslow* 'тот, кто занимается летоисчислением' (ср., ДЧП: *čítatel* 'читатель', *čitedlník* 'читатель', *čitedlník* 'читатель', *čítel* '1. читатель, 2. тот, кто считает', *basnář* 'тот, кто рассказывает небылицы');

г) действия, связанные с перемещением в пространстве: *běhal* 'тот, кто бежит', *běhař* 'тот, кто быстро бегаёт', *běhač* '1. тот, кто бегаёт, 2. тот, кто бегаёт туда-сюда', *běhaun* '1. тот, кто быстро бегаёт', *běhaunec* 'тот, кто быстро бегаёт', *bludař* '1. тот, кто заблудился, сбился с дороги', *broditel, brodce* 'тот, кто бродит', *cestowník* 'путник', *cestowatel* 'путник' (ср., ДЧП: *čěstář* 'путешественник', *čěstník* 'путник, прохожий');

д) временная составляющая деятельности: *bawitel, bawiwatel* '1. тот, кто задерживается, запаздывает, медлит',

čekalec, čekanec 'соискатель, кандидат, тот, кто надеется, ожидая, получить что-либо' (ср., ДЧП: *čakanec, čakovec* 'соискатель, кандидат, тот, кто надеется, ожидая, получить что-либо');

е) волевые действия: *badatel* '1. кто побуждает, стимулирует поощряет', *bádač* '1. подстрекатель, побудитель', *bádač, badkač* 'тот кто привлекает, манит, побуждает' (ср., ДЧП: *budič* '2. тот кто бдит');

ж) манипуляции с предметами: *bičownjk* 'тот, кто стегает бичом', *čtudič* '2. тот, кто курит табак' (ср., ДЧП: *bičownik, bičevnik* тот, кто стегает бичом);

з) действия, связанные с выражением мировоззренческих установок: *čechoslaw* 'тот, кто воспевае Чехию';

и) действия, производимые часто и/или с удовольствием: *biblár* 'тот, кто много читает библию', *blechař* 'тот, кто любит искать блох', *čtwerák* 'игрок в карты'.

3) Лексико-семантический класс наименований лица с точки зрения *людских взаимоотношений* представлен в языке ЭВ группами слов, в которых взаимоотношения индивидуумов раскрываются как бытовые, парные, социальные, моральные. В древнечешском языке (в пределах нашей выборки) этот класс слов является немногочисленным — имена лиц в связи с бытовыми и социальными взаимоотношениями отсутствуют, лица в связи с парными и моральными взаимоотношениями представлены тремя наименованиями:

а) бытовые взаимоотношения: *bitec* '1. тот, кого избили', *cvičenec* '1. тренированный в чем-либо человек, 2. тренированный кем-либо человек', *branec* '1. тот, кого берут, кто взят', *ctěneč* 'тот, кого чтут, уважают';

б) парные взаимоотношения: *amant, amantjk* 'милый, возлюбленный', *brat, bratec* 'побратим (у русских)', *bratr, bratřec, bratřjk* '1. товарищ, коллега, 2. ровня, 3. близкий человек, 4. сердечный друг', *bratrohryzec, bratrohryzce* 'тот кто мучает, терзает брата', *bratrohubce, bratrohubec* 'тот, кто губит

брата', *bratrolibec* 'тот кто любит брата', *bratronenáwistnyk* 'тот, кто ненавидит брата' (ср., ДЧП: *batíček* 'возлюбленный', *batík* 'милый, возлюбленный');

в) социальные взаимоотношения: *buřidlo* 'мятежник, бунтарь', *buřič* '2. мятежник, бунтарь', *činitel* '2. представитель', *čtyrřán* 'один из четырех господ';

д) моральные взаимоотношения в обществе: *anonym* 'безымянный, не названный', *bezegmennik* 'аноним', *bezgmenec* 'безымянный человек', *bryndač*, *bryndal* 'тот, кто разбавляет вино или пиво', *ceykal* '1. фальсификатор (молока, вина)', *cizoložnyk*, *cizoložec* 'прелюбодей', *sensor* '2. критик морали, нравов' (ср., ДЧП: *cizoložec* 'прелюбодей').

4) Немногочисленным в языке ЭВ является лексико-семантический класс "наименования лица в связи с его образованием, воспитанием", хотя по сравнению с языком ДЧП численность входящих в него наименований возросла: *abecedář* 'ученик, который учит алфавит', *abeceda* '3. тот, кто учит алфавит', *akademik* '1. академик школы Платона, 2. учитель или ученик любой высшей школы', *akademista* 'ученик рыцарской школы', *chowanec* 'воспитанник, питомец', *bobkownyk* 'бакалавр' (ср., ДЧП: *bakalář* 'бакалавр').

5) Лексико-семантический класс "наименования лица в связи с религиозным мировоззрением" включает группы слов, отражающие христианское мировоззрение (в наших материалах древнечешского языка данные наименования не представлены), еретические взгляды человека, его принадлежность к церкви, религиозным течениям, а также его действия, связанные с отправлением ритуала. Как и в предыдущих случаях, возрожденческий период характеризуется более обширными рядами слов, включающими и уже известные по предшествующему периоду развития языка наименования (ср.: *arcikacjř*, *arcikacěř* / ДЧП: *arcikacieř*, *bosák* / ДЧП: *bosák*, *bludnyk* / ДЧП: *bludník*), а также их словообразовательные синонимы

(*blahoslávitel* / ДЧП: *blahoslavník, bludař* / ДЧП: *bludník*), и новые для чешского лексического фонда наименования. Ср., например:

а) христианское мировоззрение: *angel, anděl* '1. пророк', *apoštol, apoštol* '1. посланец, апостол', *bohociť, bohocitel* 'тот, кто чтит Бога', *božnjik* 'тот, кто верит в Бога', *bohovec* 'божественный человек', *bohochwálec* 'тот, кто хвалит Бога', *boholibec* 'тот, кто любит Бога';

б) ересь: *arcikacíř, arcikacíř* 'самый главный еретик', *arciodštěpenec* 'главный отступник от церкви', *balwanjik* 'идолопоклонник', *balwanochwálec* 'идолопоклонник', *bezdušnjik* '1. тот, кто не имеет души, 2. безбожник', *belzebubnjik* 'тот, кто поклоняется Вельзевулу', *bohonenávidec* 'богоненавистник', *bezbožnec* 'безбожник', *bezbožnjik* 'тот, кто не верит в Бога, безбожник', *bohoodstupnjik* 'богоотступник', *bludař* '3. еретик, 4. тот, кто учит ереси', *bludnjik* 'еретик', *čarowěrec, čarowěrec* 'тот, кто верит в колдовство' (ср., ДЧП: *bludník* 'еретик', *čaronož* 'человек, который из суеверия носит "волшебные" вещи—амулеты и проч.', *arcikacíř* 'самый главный еретик');

в) принадлежность к религиозным течениям: *bosák* '2. монах, который не носит обычной обуви, а только сандалии, член нищенствующего монашеского ордена (кармелитов или францисканцев)', *cjrkewnjik* '1. церковный человек, 2. духовное лицо', *adamnjik* 'адамит', *anabaptista* 'анабаптист', *arian* 'еретик арианской секты', *bludosektář* 'последователь еретической секты', *auḡustinář, auḡustinián* 'монах ордена св. Августина', *bernardjn (bernardýn)* 'монах ордена св. Франциска', *benediktin (benedyktyn)* 'монах ордена св. Бенедикта', *čtrnáctnjik* 'один из еретиков II в., которые праздновали пасху 14 апреля', *d'ábolista* 'приверженец секты сатанистов' (ср., ДЧП: *baptista* 'баптист', *beghard, begart, bekhart* 'член средневекового религиозного общества, считавшегося еретическим', *bélenec, bélita* 'тот, кто

поклоняется языческому идолу Бела', *bosák* 'босой монах, член нищенствующего монашеского ордена', *čtenník* 'евангелист', *čtenář* 'левит');

г) действия, связанные с отпиранием ритуала: *běsowyháněč* 'тот, кто изгоняет бесов; благославляет', *blahoslavitel* '1. тот, кто благославляет', *bohomodlec* 'тот, кто обращается к Богу' (ср., ДЧП: *blahoslavník* 'тот, кто благославляет').

б) Лексико-семантический класс "наименования лица в связи с собственностью, которой человек владеет" представлен группами слов, многие из которых включают оппозиции, построенные по принципу противопоставления – 'владеет / не владеет чем-либо'. Традиционными, т.е. представленными в обоих периодах развития языка, являются группы слов "владелец недвижимости", "владелец крупной собственности (деньги, товары)", "пожертвователь". Новыми (в связи с развитием новых, капиталистических форм отношений собственности) являются группы слов "владелец ценных бумаг", "владелец собственности на правах аренды". Характерной для языка ЭВ является отмеченная выше тенденция детализации обстоятельств жизни людей, их экспликация в наименовании лица (ср., если владелец недвижимости, то какой – *baráčník* / *budkář*, если человек, не имеющий собственности, то в наименовании представлены различные причины и степени этого состояния – *almužník*, *bjdák*, *bankrot*):

а) владелец недвижимости: *baráčník* 'тот, у кого есть лачуга', *budkář* 'тот, у кого есть ветхое жилище (меньшее, чем изба)', *bán* '2. бан, управитель и властитель небольшой территории' // *bezdoměk* 'бездомный' (ср., ДЧП: *čtverák* 'тетрарх [правитель четвертой части страны], мелкий владетель' // *bezzemáč* 'безземельный крестьянин');

б) владелец крупной собственности (деньги, товары): *boháč* 'богач, тот у кого много денег, земельных владений,

товаров', *bohatec*, *bohatina* 'богач', *bohatitel* 'тот, кто обогащается' // *almužnjik* '2. тот, кто живет на милостыню, нищий', *bjdnjk*, *bjdač* 'бедняк', *bědač*, *bědař* 'бедный, нуждающийся человек', *bankorot*, *bankrot*, *bankrotnjk* 'банкрот' (ср., ДЧП: *bohatec* 'богач', *bohatník* 'богач' // *almužník* '1. тот, кто живет на милостыню, нищий');

д) пожертвователь: *almužnář* 'тот, кто подает милостыню', *almužnjik* '1. тот, кто подает милостыню' (ср., ДЧП: *almužník* '2. тот, кто подает милостыню').

а) владелец ценных бумаг: *akcionář* 'акционер',

г) владелец собственности на правах аренды: *arendář*, *arendownjk* 'арендатор', *činežnjik* 'тот, кто платит квартирную плату'.

7) Лексико-семантический класс "наименования лица по роду его профессиональной деятельности" в языке ЭВ включает группы слов, называющих представителей государственной власти, государственных служащих, чиновничество, представителей королевского двора, духовенства, церковных служащих, представителей финансовой сферы, таможенной службы, высшей школы (духовной и светской), людей интеллектуального труда, специалистов, строителей, ремесленников, представителей сферы производства продуктов питания (растениеводства, животноводства и проч.), сферы обслуживания, торговли, путей сообщения, людей искусства, оккультистов. В языке ДЧП в данном классе слов выделено наименование *bítec* 'гладиатор' (потенциальная группа слов – "участники зрелищных мероприятий"), не отмечены, по сравнению с языком эпохи возрождения, в пределах нашей выборки, группы слов, называющие представителей королевского двора, торговли, путей сообщения, людей искусства, строителей.

Наименования лиц по роду их профессиональной деятельности как для языка ЭВ, так и для языка ДЧП, является самым значительным классом, охватывающим разнообразные

сферы деятельности человека, направленной на его жизнеобеспечение и создание структурной организации общества. В языке эпохи возрождения лексика древнечешского периода представлена:

а) полными семантическими и стилистическими синонимами (например: *arcibiskup* 'архиепископ', *biskup* 'епископ', *berník* // *berník* 'тот, кто собирает налоги', *apatečnick* // *apatečnick* 'аптекарь', *bába* 'повивальная бабка', *bohomytec* // *bohomytec* 'теолог', *bohomyten* // *bohomyten* 'теолог', *barchaník* // *barchaník* 'тот, кто ткёт фланель', *barevník* // *barevník* 'красильщик', *barvič* // *barvič* 'красильщик', *bečvář* // *bečvář* 'бондарь', *brnič* // *brnič* 'тот, кто делает латы, доспехи', *čepelník* // *čepelník* 'тот, кто клинки делает', *čepelník* // *čepelník* 'тот, кто шапки, фуражки изготавливает', *bobrowník* // *bobrowník* 'ловец бобров', *brtník* // *brtník* 'пасечник, пчеловод', *čarodějník* // *čarodějník* 'колдун', *čarovník* // *čarovník* 'колдун', *čistnář* 'алхимик' и др.);

б) словообразовательными вариантами (*celník* // *celnář* 'таможенный служащий', *brusič* // *brusič*, *brusák*, *brusník*, *brusič* 'точильщик, шлифовщик', *cibulník* // *cibulář*, *cebulář*, *cibulkář* 'тот, кто выращивает и продает лук', *brázdník* // *brázdář*, *brázditel* 'тот, кто делает борозды' и др.);

в) лексическими вариантами (*bělíč* 'тот, кто белит, напр., полотно' // *bělíč* '1. тот, кто белит, напр., полотно, 2. тот, кто белит краской, известью', *bradič* 'парикмахер и лекарь в одном лице' // *bradič* '1. парикмахер, 2. лекарь, 3. походный парикмахер', *biřic* 'вестник, герольд, глашатай, низший технический служащий' // *biřic* '1. прежде герольд' и др.).

Некоторые наименования лица, употреблявшиеся в древнечешском языке, в языке эпохи возрождения не представлены. Это может быть связано как с тем, что появились новые слова для выражения данных понятий (например: *čepuchavec* // *čumíč*, *čumil* 'шпион, сыщик', *čistař*,

čistnář // *alchymista* 'алхимик'), так и с тем, что определенные реалии утратили свою актуальность и слова, называющие их, вышли из употребления (например: *bullář* 'тот, кто ставит печати на буллы', *bělpuchník* 'тот, кто делает пергамент', *biréník* 'тот, кто делает береты', *běhač, běhař, běhún* 'сороход, гонец', *bohynník* 'предсказатель', *božník* 'прорицатель, пророк' и др.).

В целом же структура профессиональной деятельности человека в эпоху возрождения является более сложной, специализированной, хотя, судя по языковым материалам, в некоторых сферах деятельности, а именно – производства и торговли, разделение труда еще не нашло своего окончательного закрепления (ср., например: *bačkorář* 'тот, кто тапочки делает или продает', *břitwář* 'тот, кто бритвы продает или делает', *bryllař (breylař)* 'тот, кто очки делает, продает', *brusař* '1. тот, кто продает или делает шлифовальные камни, 2. точильщик, шлифовщик', *bubenjk* 'тот, кто барабаны делает, продает', *bůtkář* 'тот, кто делает бутки (определенный вид обуви) или их продает', *caltář* 'тот, кто делает и продает колачи', *cebulář, cibulkář* 'тот, кто лук выращивает и продает' и др.):

а) чиновничество: *adjunkt* 'помощник', *administrator* '1. управляющий 2. временный управляющий в церкви', *agent* 'секретарь, агент', *apoštol, apostol* '2. любой посол или посланник', *arciaučednj* 'высший чиновник', *arcicelnjk* 'главный таможенный служащий', *arcičešnj* 'главный официант, метрдотель', *arcikanclér* 'главный канцлер', *assessor* 'заседатель', *bán* '1. бан, титул губернатора Словении, Хорватии и Далмации, 2. управитель и властитель небольших территорий', *deputát* '1. депутат', *arciškolnj, arciškolnj* 'один из руководителей школы', *brakar* 'тот, кто выбирает, отбраковывает', *brakownjk* 'тот, кто бракует', *cedulkář* 'тот, кто разносит извещения', *cenjk, cenitel, ceniteľnj* '1. тот, кто оценивает, 2. тот, кто назначает цену на

товары', *censor, cenzor* '2. цензор', *cjłownjk* '2. тот, кто измеряет', *cwičitel* 'инструктор', *cwičnjik* '1. тот, кто наказывает, 2. инструктор, 3. надзиратель в школе', *časoměrnič* 'тот, кто время измеряет', *činitel* 'представитель', *čumič, čumil* 'шпион, сыщик' (ср., ДЧП: *cúdař* 'судья', *čenuchavec* 'шпион, сыщик', *branič* 'тот, кто запрещает, воспрещает');

б) представители королевского двора: *arcikomornjk* 'главный камердинер', *arcipodkomořj* 'главный подкормчий', *arciradownjik* (= *arcikwasownjk*), *arcistolnjik* 'столовничий', *arcitruksas* 'столовничий', *ceremoniář* 'церемонимейстер', *češnjik, čjšnjik* 'тот, кто подает чашу с напитком, королевский чашиник';

в) представители духовенства, церковные служащие: *abbas* 'аббат', *arciofěrownjk* 'верховный жрец', *arcipastyř* 'верховный пастырь', *arcibiskup* 'архиепископ', *arciděkan* 'главный декан', *arcidiakon* 'архидьякон', *arcijahen* 'архидьякон', *archimandrita* 'архимандрит', *arcipřiřit, arcipryřit* 'архипресвитер', *biskup* 'епископ', *akolyt* '1. помощник дьякона во время церковного богослужения', *archiereg* 'архиерей' (ср., ДЧП: *arcibiskup* 'архиепископ', *arcipřěst* 'архипресвитер', *biskup* 'епископ', *bulłař* 'тот, кто ставит печати на буллы', *bratr* 'монах, отшельник');

г) представители финансовой сферы: *arcilichwař* 'крупный ростовщик', *bankýř, bankěř* 'банкир', *bernjk* 'тот, кто собирает налоги', *činzownjk* '2. сборщик налогов' (ср., ДЧП: *berči* 'тот, кто собирает налоги', *berník* 'тот, кто собирает налоги');

д) таможенная служба: *celnār* 'таможенный служащий', *clonosta, clonoř* 'главный таможенник', *colnjk* 'писарь на таможе' (ср., ДЧП: *celník* 'таможенный служащий, собирающий пошлины');

е) представители школы (духовной и светской), люди интеллектуального труда, специалисты: *amalista* 'летописец', *antikwař* '1. специалист по антиквариату', *apatečnjik* 'аптекарь',

apatekář, apatykář 'аптекарь', *arcilékař* 'главный врач', *architekt* 'архитектор', *assistent* 'ассистент', *astronom* 'астроном', *bába* 'повивальная бабка', *babič* 'акушер', *bakalář* 'бакалавр', *bibliotekář* 'библиотекарь', *bohomyślec, bohomyśce, bohomyślow, bohomyślowec* 'богослов, теолог', *bohomyślen, bohomyśeňjk* 'теолог', *celebrant* 'целебрант, тот, кто читает большую мессу', *ceľitel* '2. врач, лекарь' (ср., ДЧП: *apatečňík, apotečňík, apatekář, apotekář* 'аптекарь', *bába, babice* 'повивальная бабка', *básměnoše* 'журналист', *bohomyślovňík, bohomyślavec, bohomyślen, bohomyślvňík* 'теолог');

ж) представители сферы строительства: *baštář* 'тот, кто делает крепостные башни', *budowatel, budownjk* 'строитель', *cestář* 'тот, кто ремонтирует дороги';

з) ремесленники: *aksamjtnjk* 'изготовитель бархата', *arcikwasnjik* 'ведущий производитель дрожжей', *bačkorář* 'тот, кто тапочки делает или продает', *batwanoděg* 'тот, кто изготавливает идолов', *baňkář* '1. тот, кто изготавливает банки, бутылки', *barewnjk* 'красильщик', *barchanjik* 'тот, кто ткёт фланель', *barwjř* 'красильщик', *bečwář* 'бондарь', *bednář* 'тот, кто делает белую посуду, бидоны, лохани и под.', *bělič* '1. тот, кто белит, например, полотно, 2. тот, кто белит краской, известью', *běličář* 'тот, кто делает щетки для побелки стен', *bělitel* '1. тот, кто белит, например, полотно, 2. тот, кто белит краской, известью', *bjlič, bělič* '1. тот, кто белит, 2. тот, кто белит полотно', *blanář* '1. меховщик, 2. скорняк', *brnjř* 'тот, кто делает доспехи', *brusec* 'точильщик, шлифовщик', *brusjř* 'тот, кто точит, шлифует', *brdař* '1. тот, кто делает бёрдо для ткацкого станка', *brusák, brusnjik, brusič* 'тот, кто точит, шлифует', *brusař* '1. тот, кто продает или делает шлифовальные камни, 2. точильщик, шлифовщик', *břitwář* 'тот, кто бритвы продает или делает', *bryllař (brylař)* 'тот, кто очки делает, продает', *bubenjk* 'тот, кто делает барабаны, продает'.

bubnár, bubenár '2. тот, кто барабаны делает', *bůtkář* 'тот, кто делает бутки (определенный вид обуви) или их продает', *caňkář* 'тот, кто делает удила', *cechmistr* 'цеховой староста', *caýkář*, *caýkář* 'тот, кто делает фурнитуру', *cechowňik* 'тот, кто принадлежит к цеху', *ceťkář* 'тот, кто мишуру делает', *cěwkář*, *cjwkář* 'тот, кто навивает пряжу на веретено', *cinowatel* 'тот, кто покрывает цинком', *cihlář* 'тот, кто кирпичи изготавливает', *cjnař (cinař)* 'торговец цинком', *cwekař, cwokař, cwoďkář* 'тот, кто делает гвозди', *cwiľinkář* 'тот, кто тклет двойную льняную ткань', *čalaunĵik* 'тот, кто тклет ковры', *čamrdář* 'тот, кто деревянные колечки делает', *čapečňik* 'тот, кто делает шапки', *čapračňik* 'тот, кто делает попоны', *čeledňik* 'подмастерье', *čepďář* 'тот, кто изготавливает ченцы', *čepečňik* 'тот, кто изготавливает шапки, фуражки', *čepelnĵik* 'тот, кто клинки делает', *černikář* 'красильщик', *česač* 'тот, кто чешет шерсть', *češĵř, češěř, čĵšĵř* 'тот, кто делает или продает чаши', *češkář* 'тот, кто чаши делает', *čipkář* 'тот, кто кружево плетет', *čĵšĵř* 'тот, кто чаши делает', *člunař, člunkář* '2. тот, кто лодки делает', *črewĵkař* 'башиmacher' (ср., ДЧП: *barchannĵik* 'тот, кто тклет фланель', *barvieř* 'красильщик', *barevnĵik* 'красильщик', *bečvář* 'бондарь', *bednář* 'бондарь', *běľič* 'тот, кто белит, например, полотно', *běľokožec* 'сыромятник', *běľpuchmĵik* 'тот, кто делает пергамент', *birémĵik* 'тот, кто делает берсты', *blanář* 'скорняк', *brnieř* 'тот, кто делает латы, доспехи', *brusič* 'точильщик, шлифовщик', *budnář* 'ремесленник какой-либо', *cechmistr* 'цеховой староста', *cihelĵik* 'тот, кто изготавливает кирпичи', *cihlář* 'тот, кто кирпичи изготавливает', *čepelnĵik* 'тот, кто делает клинки', *čepečňik* 'тот, кто изготавливает шапки, фуражки', *čěšĵieř* 'тот, кто делает чаши', *člunečĵik* 'тот, кто делает лодки');

и) представители сферы производства продуктов питания (растениеводства, животноводства и проч.): *bača, bače* 'главный

пастух', *baštjř* 'тот, кто следит за (рыбными) садками', *bařantář* 'главный охотник в фазаньем заповеднике', *bařantnjř* 'тот, кто караулит фазанов', *bobrownjk* 'ловец бобров', *bramborář* 'тот, кто выращивает картофель', *brázďář*, *brázďitel* 'тот, кто делает борозды', *brtnjk* 'пасечник, пчеловод', *brynzař* 'сыровар', *buchetnjř*, *buchtář* 'тот, кто печет, продает или с удовольствием ест сладкие пирожки', *bulečnjř* 'тот, кто печет булки', *bylizař* '1. сборщик лекарственных растений', *caltář* 'тот, кто печет и продает калачи', *celoseděnjř*, *celosedlák* 'крестьянин', *cepjc*, *cepjk* 'молотильщик', *cibulář*, *cebulář*, *cibulkář* 'тот, кто выращивает и продает лук', *cukernjk* 'тот, кто сахар делает', *cukrář* '1. тот, кто делает лакомства, пироги и т.п. с сахаром печет, 2. тот, кто изготавливает сахар', *cukrowarčjk*, *cukrownjk* 'тот, кто изготавливает сахар', *česák* 'сборщик (например, фруктов)', *čjhař*, *čihač* '2. птицелов' (ср., ДЧП: *bobrownjk* 'ловец бобров', *brázďnjř* 'тот, кто делает борозды', *brtník* 'пасечник, пчеловод', *cibulník* 'тот, кто лук выращивает и продает', *čužebník*, *čižebník* 'птицелов');

к) представители сферы обслуживания: *akolyt* '2. слуга', *arcizahradnjř* 'главный садовник', *barwjř* 'парикмахер', *besedář* '1. садовник', *biřic* '1. прежде герольд', *bradohol*, *bradoholič*, *bradholič*, *bradoholec* 'парикмахер', *bradýř* '1. парикмахер, 2. лекарь, 3. походный парикмахер', *cjďič* 'уборщик', *čeledjř* 'работник', *čistič*, *čistitel* 'чистильщик' (ср., ДЧП: *barvieř* 'парикмахер и лекарь в одном лице', *běhač* 'сороход, гонец', *běhař* 'сороход, гонец', *běhún* 'сороход, гонец', *biřic* 'вестник, герольд, глашатай, низший технический служащий', *birda* 'судебный исполнитель, палач', *bradieř* 'парикмахер и лекарь в одном лице');

л) представители торговли: *antikwař* '2. продавец антиквариата', *bawlnář*, *bawlnkář* 'тот, кто продает шерсть',

brawčář 'тот, кто продает свиней', *citronář* 'тот, кто лимоны продает', *česnekář* 'тот, кто продает чеснок';

м) работники транспорта: *člunař*, *člunkář* '1. речник';

н) оккультисты: *adept* '2. алхимик', *alchymista* 'алхимик', *astrolog* 'астролог', *bosorák* 'колдун', *břichomluvec* 'чрево-вещатель', *čaroděj* 'колдун', *čaroděgnjk*, *čeroděgnjk* 'колдун', *čarownjk* 'колдун', *čarowatel* 'колдун', *černokněžnjc*, *černoknižnjc*, *černomělec* 'чернокнижник', *čistnář* 'алхимик' (ср., ДЧП: *bobonkář*, *roboknár* 'тот, кто для лечения или снятия порчи использует манипуляции, связанные с суеверием', *bohynník* 'предсказатель', *božník* 'прорицатель, пророк', *čistař* 'алхимик', *čistnář* 'алхимик', *črnoknih* 'чернокнижник', *čarovník* 'колдун', *čarodějnjk*, *čaroděnik*, *čarodějec* 'колдун', *čarník* 'колдун').

8) Лексико-семантический класс "наименования лица в связи с деятельностью в сфере культуры, искусства" представлен группами слов, отражающими литературную, театральную, музыкальную деятельность человека:

а) литература: *autor* 'писатель', *bagepisec*, *bagkopisec* 'тот, кто сказки пишет', *bagkář* 'тот, кто придумывает или рассказывает сказки, небылицы', *bagepisec*, *bagkopisec* 'тот, кто пишет сказки', *ageslowec* 'мифолог', *bard* 'бард', *básnjk*, *básnjř* '1. тот, кто сочиняет небылицы, читает или пишет стихи, 2. поэт', *bagjř*, *básnomluwce*, *básnopisec*, *básnoslowec*, *básnotworec* 'поэт' (ср., ДЧП: *básnotvor* 'сочинитель сказок, небылиц', *básník* 'сочинитель сказок, небылиц');

б) театр: *artista* 'артист, человек искусства, напр. художник, актер', *činohrač*, *činoherec* 'актер', *baletnjk* 'танцовщик в балете'. В наших материалах древнечешского языка наименования лиц, занимающихся театральным творчеством, отсутствуют;

в) музыка: *basář* 'контрабасист', *bubenjk* 'барабанищик', *altista* 'певец-альт', *basetlista* 'тот, кто играет на басетле', *basista* 'тот, кто поет басом или играет на контрабасе',

cymbalista, cymbálník, cymbalista 'цимбалист' (ср., ДЧП: *bubenník* 'барабанщик', *bubník* 'барабанщик').

9) Лексико-семантический класс "наименования лица в связи с местом, занимаемым им в социальной иерархии" включает в себя наименования представителей высших и низших социальных групп сословного монархического общества: *aristokrat* 'аристократ', *arcikněz* 'эрцгерцог', *arcikníže* 'эрцгерцог', *arcikrál* 'царь царей', *arciwéwoda, arciwýwoda* 'эрцгерцог', *ataman* '2. на Украине сельский староста', *baron* 'барон', *baša, baše, paša, paše* 'паша (у турок)', *beg, bej, bey* 'князь, герцог, правитель', *beglerbeg* 'господин над господами, титул правителя большой территории, например, Вавилонской, как у римлян, в королевстве греческом' [Jungmann], *berlowládce* 'правитель, имеющий жезл в качестве символа власти', *bogár, bojár* 'боярин', *bogařjn* 'боярин', *čelník* 'тот, кто стоит во главе' // *bezwolník* 'крепостной, холоп', (ср., ДЧП: *baša* 'паша', *císař* 'король' // *člověk* 'подданный').

10) Лексико-семантический класс "участники общественных, политических, философских и других течений" представлен в языке возрожденческого периода наименованиями чешских патриотов, внесших в различные периоды чешской истории значительный вклад в формирование чешского национального самосознания: *buditel* 'будитель', *beran, beránek* '3. (пейор.) - так называли чешских братьев, так как в рисунке их печати имелось изображение барашка; нектолик'.

11) Лексико-семантический класс "представители вооруженных сил" включает в себя общие наименования военных, наименования лиц, имеющих определенные воинские звания или должности, принадлежащих к различным родам войск. Наиболее многочисленной для обоих периодов развития языка является группа общих наименований военных:

а) общие наименования военных лиц: *bogec*, *bitečnjik*, *bogownjik* 'боец, воин', *balaun*, *balon* 'доброволец, волонтер' (ср., ДЧП: *bijcě*, *bojař*, *bójcě*, *bojovitel*, *bojovnik*, *bojěvnik* 'воин');

а) обладатели воинских званий, должностей: *admirál* 'адмирал', *arcimaršálek* 'маршал', *adjutant* 'адъютант', *armádnosta*, *armádnost* 'верховный главнокомандующий', *ataman* '1. гетман, предводитель козаков', *čtvrtnjik* 'тот, кто имеет в подчинении четырех воинов' (ср., ДЧП: *centurio* 'центурион', *čtvrťák* '2. тот, кто имеет в подчинении четырех рыцарей');

б) наименования солдат различных родов войск: *bandur* 'пехотинец'. Данные наименования в наших материалах древнечешского языка не представлены;

в) наименования солдат в связи с видом их вооружения: *arkabuzar* 'аркебузер', *bradatičnjik* 'солдат, вооруженный широкой секирой', *cepnjik* 'тот, кто идет воевать с цепом в руках' (ср. ДЧП: *cepník* 'воин, вооруженный цепом').

12) Лексико-семантический класс "человек в правовой системе" включает в себя группы слов, называющих служителей закона, правонарушителей, лиц, подвергшихся лишению свободы или находящихся под следствием, а также законопослушных лиц. Наиболее многочисленной в языке обоих периодов является группа имен правонарушителей. Наименования законопослушных лиц, лиц, подвергшихся лишению свободы или находящихся под следствием, имена служителей закона в наших материалах древнечешского периода отсутствуют:

а) служители закона: *adwokát* 'адвокат', *akcessista* 'низший чиновник', *angel*, *anděl* '3. сторож или охранник', *auditor* 'аудитор', *bál* '2. палач', *birda* 'палач', *bjrdě* 'молодой палач', *čistozemec* '1. тот, кто от разбойников и других порочных людей очищает землю', *boženjk* 'присяжный';

б) нарушители закона, преступники: *arcilaupežnjik* 'архиразбойник', *arciwrah* 'архиубийца', *arcizloděg* 'архивор',

arcizádce 'архипредатель', *berka* 'грабитель, разбойник', *bezzákonník* 'беззаконный человек', *bezprávnik* 'тот, кто действует вопреки праву', *bratrobigece*, *bratrabigce*, *bratrobitece*, *bratrobigec*, *bratrobitec* 'братоубийца', *bratrowrah* 'братоубийца', *bandyt*, *bandyta* '1. ссыльный, 2. бандит', *čistozemec* '2. грабитель', *člowěkobogce* 'убийца', *člowěkožerce* 'людоед' (ср., ДЧП: *bitovník* 'убийца, разбойник', *bercě*, *běrcě* 'вор', *bijcě* 'убийца', *bořitel* 'разрушитель', *běhún* 'беглец', *berka* 'тот, кто берет без права, вымогатель, грабитель', *bezprávce* 'тот, кто действует вопреки праву', *bezprávník* 'тот, кто действует вопреки праву', *bivcě* 'драчун, убийца', *bratrobijec*, *bratrobigcě*, *bratrobivcě* 'братоубийца', *cužobercě* 'тот, кто берет чужое имущество');

в) лица, подвергшиеся лишению свободы или находящиеся под следствием: *arestnik*, *arestownik*, *aristant* 'арестант';

г) законопослушные лица: *appellant* 'апеллянт', *appellái* 'апеллянт', *čínžowník* '1. налогоплательщик'.

13) Лексико-семантический класс слов "расы, нации, национальности" представлен двумя одинаковыми для обоих периодов развития языка группами слов - а) раса, б) национальность. Общими или синонимическими для обоих периодов развития языка являются наименования лица в связи с его расовой принадлежностью:

а) раса: *běloch* 'человек белой расы', *čermel* 'негр', *černoch* 'негр', *černeyš* 'мавр, негр' (ср., ДЧП: *bělec* 'человек белой расы', *črnák*, *črňák* 'негр', *črnes*, *črněk* 'негр', *črnoch* 'негр');

б) наименования национальностей в языке древнечешского периода представлены автонаименованием, а также именами наций, с которыми чешский народ имеет давние исторические и культурные связи: *Bulhar* 'болгарин', *Cikán*, *Cigán* 'цыган', *Čech* 'чех'; в языке возрожденческого периода данная группа слов расширена наименованиями наций более широкого географического ареала: *Angličan*, *Engličan*, *Anglišan*,

Englišan, Engliš, Angliš, Engellender, Engelandner 'англичанин', *Armenčan* 'арменин', *Cikán, Cigán, Cingán* 'цыган', *Čech* 'чех', *Čud, Čudjn, Čuchones* 'фин'.

14) Лексико-семантический класс "названия жителей страны, континента и др." представлен группами слов – а) общие наименования жителей; б) гражданин страны; в) житель континента; г) житель города; д) жители побережья; е) житель гор, равнин; ж) наименования инородцев. В древнечешском языке не представлены наименования "житель континента" (в). Общей характерной чертой данного класса имен в языке эпохи возрождения является сокращение словообразовательных вариантов слов (за исключением группы слов – "наименования инородцев"), расширение географического ареала наименований жителей:

а) общие наименования: *bydlec* 'житель', *bydlitel* 'житель' (ср., ДЧП: *bydlitel* 'житель', *bydlič, bydleč, bydlec, bydlník* 'житель');

б) гражданин страны: *Amerikán, Američan, Amerikančan, Amerikanec* 'американец', *Assyrian* 'ассириец' (ср., ДЧП: *Bavor* 'баварец', *Bavořenín* 'баварец', *Bavořic* 'баварец', *Bavorčic* 'баварец');

в) житель континента, острова, полуострова: *Afričan, Afer, Afrikán, Afričan* '1. африканец', *Arab, Arabčan* 'тот, кто родился на аравийском полуострове', *Asian* 'азиат';

г) жители городов: *Athénčjk, Aténčjk* 'житель Афин', *Babylonec* 'житель Вавилона', *Benátčan* 'венецианец', *Berlinčan* 'берлинец', *Boleslawian* 'житель Болеслави' (ср., ДЧП: *Benátčenin* 'венецианец', *Čáslavenín* 'житель Часлави');

д) жители побережья: *černomořec* 'тот, кто живет на берегу Черного моря', *břežanjn* '1. тот, кто живет на берегу, 2. житель Бржега', *břežák* 'тот, кто живет на берегу' (ср., ДЧП: *Bobřenín* 'тот, кто живет на реке Бобр', *břeženin* 'тот, кто живет на берегу', *broženin* 'тот, кто живет около брода');

е) житель гор, равнин: *alpegčjk* 'житель Альп' (ср., ДЧП: *bržěńín* 'тот, кто живет на холме, возвышенности');

ж) наименования инородцев: *cizowlastec* '1. чужестранец, 2. крестьянин из другого панства', *cizoplemec*, *cizoplemenec* 'иноплемснец', *cizodruh* 'иностранец', *cizinec* '1. чужестранец', *cizostranec*, *cizozemec*, *cuzozemec*, *cizokragan*, *cizokragenjn*, *cizák* 'иностранец' (ср., ДЧП: *cizokrajěńín*, *cizokrajín*, *cizorozenec*, *cizozemec*, *cizozeměńín* 'иностранец').

15) В лексико-семантическом разряде "Человек как член социума", так же как и в разряде "Человек как индивидуальность" актуальным оказалось выделение класса слов, связанного с субъективной оценкой окружающими личностных качеств, деловых, производственных, социальных навыков человека. В наших материалах данный класс слов - "деловые, производственные и социальные навыки человека в оценке других людей", так же как и класс "общая оценка личностных качеств человека другими людьми" представлен только в языке эпохи национального возрождения. В наименованиях лица отражена оценка:

а) физических действий человека – *abecedār* '2. неумелый человек', *bezručka*, *bezručka* '2. тот, у кого все из рук валится, неумелый человек';

б) его профессионального опыта – *arcimaljř* 'очень умелый художник', *arcīřemeslnjk* 'очень умелый в ремеслах', *blanāř* '3. деревенский парикмахер, более годный для работы топором или цепом', *bohomaž* 'скверный художник', *brynda* '2. тот, кто плохо готовит', *čmarýkář* 'дурной писарь или писатель', *čarbák* 'бумагомарака, плохой писарь';

в) уровня образования или знаний – *beán* '1. новичок в академии, 2. недоучка';

г) жизненного опыта – *adept* '1. сведущий, опытный, знающий', *býwalec* 'бывалый человек';

д) военных заслуг - *bogár, bojár* 'воин, герой', *bohatýr, bohatér* 'герой, воин, мужественный рыцарь';

з) способности человека быть представителем своей нации - *Čechák* '1. малый чех, как личность или по своим знаниям чешского языка', *Čecháček* 'настоящий чех, старочех'.

Материал, приведенный в разделе "Человек как член социума", позволяет прийти к следующим обобщениям:

1. Универсальный принцип "от общего — к частному" является характеризующим признаком развития лексической системы чешского языка от его древнего периода развития до эпохи возрождения. Возрастающая информационная насыщенность системы имен со значением лица связана не только с отображением средствами языка вновь возникающих реалий в жизни человека, но и с более обостренным, специализированным, детализированным восприятием особенностей жизнедеятельности человека, которое фиксирует слово. Данная тенденция может быть связана с тем же инстинктом к освоению пространства, о котором шла речь выше, но имеющим уже не пространственную, не психическую, а информационную форму, которая может проявляться в стремлении человека овладеть информацией не только широкого, но и глубокого плана, т.е. получение наиболее полной информации о структуре, системных связях, особенностях функционирования отдельно взятой, конкретной области жизни. Вместе с тем такая потребность человека как стремление к освоению пространства в прямом значении этого слова также является актуальной для языка эпохи возрождения. Примером может служить развитие лексического состава класса слов "Названия жителей страны, континента и др." в языке рассматриваемого периода.

2. В отличие от разряда слов "Человек как индивидуальность", для которого характерен высокий процент негативно окрашенных слов, наименования лица, отражающие

положение человека в социуме, имеют, как правило, нейтральный, эмоционально неокрашенный характер. Эту особенность можно связать с двумя типами модальности во взаимоотношениях людей, которая нашла свое отражение в лексической системе языка: ориентация на соперничество и ориентация на нейтральные взаимоотношения. Первая ориентация, создающая "высокую напряженность в отношениях между людьми, высокую вероятность агрессивных импульсов и их проявлений" [Орлова 1994, 205], связана с личностными качествами и взаимодействиями человека, т.е. лексикой, рассмотренной нами в разряде слов "Человек как индивидуальность". Вторая ориентация, "предполагающая слабые социальные связи, носящие в основном функциональный, ролевой характер" [Орлова 1994, 205], связана с общественными и производственными действиями и взаимоотношениями людей, которые и отражают имена лица, рассмотренные в лексико-семантическом разряде "Человек как член социума".

ЛИТЕРАТУРА

Культурология. М., 1995.

Орлова Э.А. Введение в социальную и культурную антропологию. М., 1994.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. С.-Петербург., 1993.

Снегирёв И.А. Иосиф Добровский. Опыт подробной монографии по истории славяноведения. Казань, 1884.

Срезневский И.И. Энциклопедическое введение в Славянскую филологию. Лекции, читанные в 1876/77 учебн. году. СПб., 1877.

Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков) / Под ред. Р.М.Цейтлин, Р.Вечерки и Э.Благовой. М., 1994.

Стемковская Ю.Е. Лексика Я.Коллара в "Чешско-немецком словаре" Й.Юнгмана // Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. К 200-летию со дня рождения: М., 1993. С. 42-52.

Стемковская Ю.Е. Лексика Я.Коллара как один из источников "Чешско-немецкого словаря" Й.Юнгмана // Славянское и балканское языкознание. М., 1998 (в печати).

Широкова А.Г., Нецименко Г.П. Становление литературного языка чешской нации // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Bělič J., Kamiš A., Kučera K. Malý staročeský slovník. Praha, 1978.

Dobrovsky J. Bömische und mänische Litteratur. Prag, 1780-1784.

Dobrovsky J. Geschichte der bömische Sprache // Neuere Abhandlungen der k. bömische Gesellschaft der Wissenschaften. Prag, 1791.

Gebauer J. Slovník staročeský. Díl I. Praha, 1970.

Jungmann J. Slovník česko-německý. Díl I-V. Praha, 1835-1839.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.

Počátky českého národního obrození. Praha, 1990.

Винцент Бланар
(Братислава)

Ещё раз о лексической и проприальной семантике

Фамилия *Смирнов* относится к самым распространенным русским фамилиям; согласно статистическим данным от 1964 г. она занимала третье по частотности место в Москве [Суперанская 1969, 86]. В соединении с именем и отчеством *Лев Никандрович* возникает официальное имя, которое носит известный московский славист (и словакист), родившийся в Костроме 30 мая 1928.

Часто и по праву ставится вопрос, как следует понимать значение бионима, геонима, хремотонима (в официальном госр. неофициальном употреблении) в сравнении с апеллятивом. Возникает ли здесь соответствующее отношение идентификации, или это комплекс характерных черт онимического объекта; какую роль здесь играет (или играла) мотивация первичным лексическим значением словообразующей основы; или же здесь реализуются еще и некоторые другие смыслообразующие компоненты? Речь идет о комплексе вопросов, которые давно привлекают внимание лингвистов, философов языка, логиков, историков, этнологов, юристов, исследователей других областей знания. Единой точки зрения пока не существует. Наше исследование показало, что при изучении имен собственных, необходимо учитывать еще один феномен: проприальное (онимическое) значение. Затем необходимо выяснить, как соотносятся проприальное и лексическое значения и что входит в понятие "содержание имени собственного". В качестве исходного материала для освещения названных вопросов нам будет служить и языковой

материал эпохи возрождения, в изучение которого Л.Н.Смирнов внес немалый вклад.

1. Соотношение лексической и проприальной семантики мы покажем на примере лексем, которые в одних контекстах выполняют функцию апеллатива, в других — имени собственного. В данном случае мы исходим из полнозначных лексем основного словарного фонда, которые обычно имеют более широкий смысловой объем и включаются в более сложные частные лексико-семантические системы. При реконструкции содержательной стороны лексемы мы пользуемся методами компонентного анализа и синтеза и, следовательно, не рассматриваем обширные комплексы терминов и номенклатур, смысловая структура которых описывается при помощи иных методических приемов (для терминов — это описание понятия, для номенклатуры — описание характерных признаков соответствующих денотатов). Вопрос о содержании (значении?) имени собственного относится к одним из самых дискуссионных в теории ономастики. Мнения относительно характера этого содержания до сих пор расходятся и колеблются между двумя противоположными полюсами. Согласно мнению одних исследователей, имя собственное не имеет никакой семантики (собственные имена не являются коннотативными, поскольку обозначают родовых индивидов), другие полагают, что имена собственные, как наименования класса в одном элементе, дают характеристику большему набору компонентов содержания, чем апеллативы, их значение является более специальным, чем значение апеллативов. К третьей группе относятся теории о более или менее редуцированном значении имен собственных (подробнее см., например, [Суперанская 1973], [Надсак 1990] и др.). В других статьях мы уже приводили обоснования нашей точки зрения по данному вопросу (см. главным образом [Влапár 1996] и др.). В последующем освещении нашего понимания мы объединяем системный и коммуникативный подходы.

Сравним, например, лексему *biely* в качестве элемента апеллятивной (1) и проприальной (2) номинации.

1.1. Лексема *biely* является качественным прилагательным. Как подчиненный член детерминативного словосочетания она характеризуется категорией согласования с управляющим членом (*biela lalija* XVIII в.). Что касается объема значения слова, то наряду с основным значением (1. "имеющий цвет чистого снега, молока", например, *sviec lojových bielych*, Крүпина 1689) в языке старшего периода представлены значения, образованные посредством семантической деривации: 2. "ненасыщенный цвет, бледный, светлый, ясный" (например, *bílým ale osobám (=ženám) dva groše dané byli*, Vitae patrum 1764), 3. "(о волосах) седой, серый" (например, *nemožeš jeden vlas bílý učiniti aneb černý*, Kamaldulská biblia 1763). Данное слово часто использовалось в терминологии (например, *biela repa*, XVIII в. "репа") и в фразеологии (например, *luch bílý jako mleko*, 1760). В своем первичном и производном значении оно мотивирует формы сравнительной степени; например, *belší: koniec jeden belší* (Мошовце 1607); *bielejší: listy má čo konope, ale bielejší zelenosti* (XVII в.). Богато развитое словообразовательное гнездо включает и мелиоративные формы: *bielučký, bieličký*, например, *plejvajs bieličký* (XVII в.), *bélučké zuby* (Kamaldulský slovník 1763) (примеры из "Исторического словаря словацкого языка" см.: [Historický slovník... 1991]).

1.2. При онимической (проприальной) номинации лексема *biely* используется как ойконим (*Biela, Bielovec*), анойконим (*Biela Ľubina*) и, прежде всего, как бионим (конь *Belko*, корова *Belica*, прозвище а затем и фамилия *Biely*). В качестве прозвища и фамилии слово называет самостоятельно существующий объект, а именно носителя мужского (*Biely*) или женского (*Biela*) пола. Поскольку речь идет об имени существительном, формы степеней сравнения не употребляются. Имя *Biely* имеет – как и класс личных имен вообще – такие же морфологические

категории, как и апеллятивные одушевленные имена существительные мужского рода: конкретность, исчисляемость, одушевленность (отчасти иная ситуация складывается в отношении существительных мужского рода, называющих животных). Особые черты у личных имен существительных имеют прежде всего способы выражения категорий рода, числа и падежа. Грамматический род соответствует естественному полу называемого лица, ср. (tá) *hruška* - (ten) *Hruška*, жена и дочь - *Hrušková*. При онимической номинации субстантивизируются и грамматические формы; в функции имени лица выступает форма им. п. ед.ч. имени существительного, которая в соответствии с окончанием включается в парадигмы одушевленных существительных мужского рода: *Oberaj*, -a, -ovi ..., *Zatroch*, -a, -ovi ..., *Skovajsa*, -u, -ovi ..., *Knieža*, -u, -ovi ...; личные имена с основой на гласный переднего ряда склоняются по типу "Škultéty": *Mikle*, -ho, -mu..., *Odvody*, -ho, -mu Специфической в словацком языке является и форма множественного числа наименований лиц, имеющих одинаковое имя: *Adam* - (оба) *Adamovia*, (все) *Kalíkovia* / *Kalíci* и наименований членов семьи, которые образуются при помощи суффикса -ovci: *Kalík* - *Kalíkovci*, *Horár* - *Horárovci*. Несоответствие между исходным родом апеллятивной лексики и естественным полом носителя имени лица преодолевается в падежных формах согласно грамматическим закономерностям данного конкретного языка. Ср. в слов. *hlava*, -y, -e ... : *Hlava*, -u, -ovi ..., в чеш. *hlava*, -y, -ě ... : *Hlava*, -y, -ovi В то время как в русском языке склонение женских и мужских антропонимов на -a(я) (*Саша*, *Коля*, *Воля*) по парадигме существительных женского рода не знает исключений, в латышском языке, например, фамилии на -ā, -ē склоняются по парадигме женских апеллятивов, если они называют лицо женского пола, и имеют исключение -флексию существительных мужского рода в дат. п. ед.ч., если речь идет о наименовании лица мужского пола: ср. *Lara* муж. и жен. р. - *Larai* (дат. п. ед.ч. жен. р.), но *Laram* (дат.

п. ед.ч.муж.р.)[Суперанская, Сталтмане, Подольская, Султанов 1986, 157]. С точки зрения типологии латышский язык в этом плане находится между русским и словацким языками. Несколько иные тенденции мы находим в славянской антропонимии и при образовании фамилий женщин (подробнее см., например, [Blavāt 1996,102-106]). Ярким дифференцирующим признаком является также включение апеллятивных и онимических единиц в парадигматические отношения внутри микросистем соответствующих апеллятивных и онимических классов. Упомянем, например, включение их в различные словообразовательные ряды. Типичный случай представляют также фамилии. Для данной онимической подсистемы характерными являются формы, которые не имеют парного коррелята среди апеллятивов, ср. фамилии от основ *biel-/bel*: *Bielický, Bielovič, Belaj, Belanec, Belanský, Belenčiak, Belačič, Beladič* и др.

Общим признаком имен собственных является социально обусловленная идентификация // дифференциация. Наименование видовых единиц характеризуется – наряду с упомянутыми категориальными признаками, совпадающими с аналогичными признаками апеллятивных лексических элементов – особыми онимическими признаками, которые конституируют специфическую онимическую семантику (десигнация). Изучение антропонимов и геонимов позволило выделить онимические признаки, которые мы, в соответствии с апеллятивной лексической семантикой, делим на родовые и дифференциальные.

Родовые признаки: *Личные имена* – способ стандартизации имени (официальные / неофициальные имена); семейное положение (женатый мужчина, замужняя женщина, ребенок); +/- коннотативность. *Географические названия* – способ стандартизации имени (официальные / неофициальные имена); отношения локализации; наименование столичного / нестоличного объекта; +/- коннотативность.

Дифференциальные признаки: *Личные имена* — индивид не связанный с другими (родными / неродными) лицами; индивид не связанный с одним лицом; индивид не связанный с семьей как с целым; +/- наследственность имени; +/- коннотативность; +/- включение называемого лица в систему социально-родственных связей. *Географические названия* — положение и направление топонимического объекта; описание и характеристика топонимического объекта; особенности и признаки топонимического объекта; присвоение или иная принадлежность топонимического объекта (ср. [Šrámek 1972, 304-317; Pleskalová 1992]).

Названные признаки, определенным образом упорядоченные, образуют модели содержания, которые, в свою очередь, являются содержательными компонентами моделей наименований (о понятии "модель наименования" и его компонентах см. в нашем труде [Blanár 1996]). Поскольку модели содержания состоят из элементарных онимических признаков, которые были выделены нами на основе общих принципов наименования, они (модели содержания) и конституирующие их элементы представляют собой в совокупности онимические ценности, в значительной степени отличающиеся от конкретных онимических знаков, которые являются формально образованными в соответствии с закономерностями данного языка (необходимо, однако, добавить, что специфические особенности имен собственных мы устанавливаем и в их формально-языковой структуре). Последние исследования иноязычных (неевропейских) антропонимических систем показывают, что, хотя модели содержания и имеют более общий характер, нельзя предполагать полное совпадение десигнации даже в тех именных системах, которые развивались в близких общественно-культурных условиях. Динамический характер именных систем позволяет говорить скорее о прототипах моделей.

2. Динамический характер онимии становится особенно очевидным при изучении функционирования онимических

систем в общественной коммуникации. Оставляя в стороне широкую проблематику социономастического аспекта, рассмотрим здесь только вопрос, касающийся содержательной стороны имени собственного.

Содержание имени собственного связано с теми знаниями, которыми обладают коммуниканты об онимическом объекте (денотате). Научная реконструкция модели содержания, то есть десигнативной ценности имени, является следствием ономастического анализа. Она позволяет раскрыть те абстрактные системные отношения, которые не являются целью обыденной коммуникации. С точки зрения коммуникации можно различать две типовых ситуации: *пресуппозиционную идентификацию*, когда для коммуникантов оказывается достаточным только "поверхностное знание" денотата, то есть включение онимического объекта в рамки определенной системы собственных имен (например, ойконим как наименование объекта определенного микрорегиона, имя лица как наименование одной из персон, о которых идет речь, и под.). О *референционной идентификации* речь идет тогда, когда коммуниканты говорят о денотате, внешние и внутренние признаки которого настолько хорошо знакомы говорящему и слушающему, что они могут его однозначно идентифицировать. Референционная идентификация опирается на индивидуальные, общественно нефиксируемые признаки онимического объекта. Эти признаки имеют характер информационно-энциклопедических знаний, которые позволяют "познать" онимический объект до такой степени, что коммуниканты в разговоре "понимают" друг друга.

Из всего вышесказанного можно сделать важные выводы для понимания содержания имени собственного. Содержание имени собственного включает в себя: а) на уровне онимической системы – его десигнацию (модель содержания является следствием ономастического анализа), б) кроме того, в сущности, открытое множество индивидуальных, общественно нефиксируемых признаков, информации, которые позволяют

названный онимический объект однозначно идентифицировать (на уровне общественной коммуникации).

При определении содержания имени собственного необходимо, таким образом, принимать во внимание тот факт, что имя собственное может выступать и как элемент общественной коммуникации, и как элемент онимической системы.

ЛИТЕРАТУРА

Суперанская А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология). М., 1969.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Суперанская А.В., Сталтмане В.Е., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

Blanár V. Teória vlastného mena. (Status, organizácia a fungovanie v spoločenskej komunikácii). Bratislava, 1996.

Hansack E. Bedeutung, Begriff, Name. *Studia et exempla linguistica et philologica (SELP)*. Series II: *Studia minora*. T. I. Regensburg, 1990.

Historický slovník slovenského jazyka. T. I. Bratislava 1991.

Pleskalová J. Tvoření pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku. Jinočany, 1992.

Šramek R. Toponymické modely a toponymický systém // *Slovo a slovesnost*. Roč. 33. 1972.

Перевод со словацкого Ю.Е.Стемковской

Г.П. Нещяменко
(Москва)

**О префиксальных прилагательных
со значением интенсификации признака
в чешском литературном языке
эпохи национального возрождения**

В чешском литературном языке словопроизводство прилагательных со значением интенсификации признака может осуществляться посредством как препозиции, так и постпозиции, т. е. с использованием как префиксальных, так и суффиксальных морфем (модификаторов), присоединяемых к исходному производящему прилагательному, не имеющему эксплицитно выраженного значения интенсификации признака. Использование обоих способов словопроизводства характеризуется различной степенью продуктивности. Так, вне всякого сомнения наибольшей долговременной продуктивностью отличается суффиксальное словообразование. Что касается словообразования префиксального, то оно шире использовалось в чешском языке эпохи национального возрождения, чему в немалой степени способствовала специфика преобладающей в ту пору жанровой структуры произведений художественной литературы, эстетических норм того времени.

**I. О словообразовательных особенностях
префиксальных дериватов**

Префиксальное словопроизводство осуществляется при помощи ряда формантов. В их числе находятся префиксы *pře-*, *pra-* (*prach-*), *roz-* (*rozto-*), *vele-*, подвергшиеся значительной десемантизации (за исключением последнего *vele-*, у которого

сохранились следы исконной семантической нагрузки), — семантический вклад префикса в образуемое при его помощи слово не имеет генетической подоплеки, а является благоприобретенным в результате систематического взаимодействия с определенным кругом основ. В состав префиксов могут входить и форманты заимствованного происхождения *arci-*, *hyper-*, *ultra-*, активизация использования последних, впрочем, в основном характерна для более позднего времени. Значительно реже в функции модификатора выступают полнозначительные слова типа *sebe-*, *div-*, *vše-*, *vešker-*, *vysoko-*, *veleбно-*, *mílo-* (ср.: *velicemoudrý*, *vysocevážený*). Образования этого типа могут квалифицироваться и как сложные слова.

Следует отметить, что присоединение модификационного префикса может осуществляться как в один прием, т.е. *первичное* словопроизводство, по схеме П(рефикс) + О(снова), так и повторно: П + (П + О), П + / (П + О) /. Впрочем, линейную последовательность процедуры можно интерпретировать и иначе, а именно: (П + П) + О, (П + П + П) + О, что, однако, не имеет принципиального значения; ср.: *přepřehezky*, *přepředaleky*. В качестве дополнительной морфемы, нанизываемой на уже имеющийся префикс со значением интенсификации, могут использоваться морфемы иного фонемного состава: П' + (П + О): *přeroztomilý*, *převeleslavný*, *převelevážený*.

Прилагательные со значением интенсификации образуются от основ качественных прилагательных. Состав производящих основ может быть расширен за счет вовлечения единичных некачественных (относительных, притяжательных) прилагательных, функционирующих, впрочем, в окачествленном значении, а также некоторых числительных и местоимений, имеющих внешние формальные приметы прилагательного. Подобные отклонения от общепринятого образца малочисленны и нередко носят характер свособразной языковой аномалии.

эксперимента. Примером подобного экспериментирования могут служить новообразования с префиксом *pře-*, появившиеся в сфере специальной терминологии в эпоху чешского национального возрождения: *okolísky přemnohopramenné* (*Všeob. rostl.*, 1846 – A); *listy přemnohojařmé* (*Ibid.*); *strom převětevnatý* (*Ibid.*); *přeouzkočárkovitý, přetenkostěnný, přeširokosrdčitý* (*Ibid.*).

В качестве производящей основы используются прилагательные, взятые в полной форме. Случаи сочетания с краткими формами отмечаются словарями XIX в. лишь для префикса *pře-*, однако иллюстрирующие их экскерпции обычно не приводятся. Ср.: *převysok J**, *přepln J*, *přelacin J**, *přeslán J* (посмета * в данном словаре фиксирует архаичность лексемы).

Префиксы, участвующие в образовании прилагательных со значением интенсификации признака, отличаются относительно широкими комбинаторными возможностями, что особенно характерно для *pře-*.

Ниже мы рассмотрим некоторые словообразовательные типы префиксальных прилагательных со значением интенсификации признака.

Словообразовательный тип:

"префикс pře- + имя прилагательное"

По данному типу образуется лексика, наделенная значением интенсивной (эквивалент "очень + прилагательное") или максимально возможной в представлении субъекта (эквивалент "чрезвычайно, сверх меры + прилагательное") степени проявления признака, обозначенного производящим словом. Комбинаторная неприхотливость префикса *pře-* позволяет ему свободно сочетаться с основами различного структурного и грамматического оформления: в равной степени он может присоединяться к основам производным и непроизводным, простой структуры и сложной, твердой разновидности склонения и мягкой, чешского и заимствованного

происхождения. Наиболее часто он присоединяется к непроизводным основам: *přečistý J, K, Šum, Pal, PS, SSJČ řidč.*; *přechorý PS**; *přechudý PS, SSJČ*; *předlouhý J, K, Šum, Kon, PS, SSJČ*; *přemilý J, K, Pal, Šum, PS, SSJČ pon. zast.* и мн. др. Среди производных основ более многочисленными являются десубстантивные образования: *přebolestný J, K, Tom, Šum, Kon, Tham, PS, SSJČ řidč.*; *předobrotivý J, K, Kon, Šum, Pal, PS, SSJČ řidč.*; *překrásný J, K, Kon, Šum, Pal, PS, SSJČ*; *přechutný J, K, Šum, PS, SSJČ**; *přežalostný J, K, Šum, PS, SSJČ pon. zast.* В меньшем количестве представлены дсвербативные (в частности, адъективированные причастия) дериваты: *překáravý J, K, Kon*; *přezuřivý J, K, Kon*. Реже встречаются случаи присоединения *pře-* к деадъективным прилагательным — чаще всего это основы, содержащие отрицание: *přenešlechtný J, K, Kon, Pal, PS*; *přenelítostný J, K, Šum, Kon*. Присоединению префикса обычно не препятствует наличие в структуре производящего слова других синонимичных аффиксов: ср.: *převšemocný, převšemohoucí K*; *převeleslavný J, K, Šum*; *přenadpřirozený J*; *přerozmilý J, K, Kon, PS, SSJČ**; *přeroztomilý J, K, Kon, PS, SSJČ**. Изредка производящая основа может быть образована от числительного: *přejediný K*.

В абсолютном большинстве случаев *pře-* присоединяется к основам, имеющим простую (не сложную) структуру. Исключение составляют: *přeblahořečený -A*; *přeblahodětný -A*; *přetajuplný -A*; *přeušlechtiloctný -A*; *přezlopověstný -A*. Подобные дериваты малоупотребительны. Изредка встречаются случаи присоединения *pře-* к сложному определению в виде сочетания притяжательного местоимения и прилагательного: *Přemůjmilý bože (Holeček. Naši. 1907 - A)*; *Přenujmilýj kmotříčku (Baar. Chod. poh. 1922 - A)* (диалектная речь). Данные образования можно квалифицировать как результат "вклинивания" дополнительных определений между префиксом и словом, к которому он относится; ср.: *Přemé milé*

vlasy; Pře-mý vlásy kadeřavy; Pře-mé milé vlasy, škoda vaší krásy (Erben. Písně – A); Pře-má milá kmotra (примеры взяты из словаря Я. Котта).

Анализируемый префикс присоединяется, как правило, к прилагательным твердой разновидности; гораздо реже он отмечается у прилагательных мягкой разновидности. В числе последних находятся, к примеру, прилагательные на *-oucí* (чаще всего девербативного, реже – деадъективного образования): *přežádoucí J, Kon, Paí; přeskvoucí K, PS bás., SSKČ bás.; převšetohoucí K; převroucí K, PS; přeběloucí J, K; přelíboucí – A*. Сюда же относятся дериваты, образованные от превосходной степени прилагательных – здесь мы располагаем примерами, извлеченными из экскерпций лексикографического архива Института чешского языка Чешской академии наук, а также из старых словарей: *přenejmilejší, přenejlepší, přenejjasnější, přenejstkvostnější, přenejmohutnější, přenejsladší, přenejvyšší, přenejmuďřejší, přenejsvětější*.

Выше мы уже акцентировали, что данный префикс, как правило, сочетается с основами качественных прилагательных – присоединение к основам некачественных прилагательных, местоимений, числительных является лишь нетипичным отклонением от общепринятого образца; ср.: *překrvavý (Bitva byla překrvavá – Čelakovský – PS; O nás smejšíliš necně v překrvavém vzteku. Hn. Džvín); přerajský (Tot' jest víno staré, přerajské. Hn. Doktor Faust, 1844 – A); přeotcovský (Z jehož ctnostných, přeotcovských činů. Dobroslav, 1821 – A); přebláznovský (Vědouc jeho přebláznovské kusy. Hn. Džvín, 1805)*. Аналогично: *přetakový*, отмеченное нами у писателя раннего периода национального возрождения В. Неедлого (данный дериват воспроизводится также в словарях Й. Юнгмана и Я. Конечного).

Словообразовательный тип:

префикс *pra-* (*prach-*) + имя прилагательное

Семантика прилагательных данной структуры в словарях обычно интерпретируется как "очень, особенно + прилагательное" (дериваты с временным значением нами намеренно опускаются). Численность дериватов с префиксами *pra-* (*prach-*) существенно меньше, чем с рассмотренным выше префиксом. Тем не менее, если отвлечься от этого не слишком выгодного сравнительного фона, можно заметить, что способ словопроизводства, отраженный в анализируемом словообразовательном типе, воспроизводится в литературном чешском языке в большом количестве лексем, разнообразных в структурном отношении. Помимо *pra-*, фиксируется и его вариант *prach-*, встречающийся в экспрессивно окрашенной разговорной речи. Впрочем, в эпоху национального возрождения он иногда воспроизводился как *prah-* (*ten svět je už prahbezbožný*, 1831) либо в раздельном написании: *To je ale prach holá lež* (Št. Div., 1824 – А).

Появление морфем *pra-* (*prach-*) обычно не обуславливается структурными особенностями основы – зачастую они могут отмечаться у одних и тех же основ: *prabídny, pramizerný, prapitomy – prachbídny, prachmizerný, prachpitomy*.

Как и префикс *pře-*, *pra-* проявляет известную индифферентность к структурному и морфологическому оформлению основы, хотя некоторые типы производящих основ все же могут оказаться предпочтительнее других. Так, чаще встречается комбинация с непроизводными основами, а также с десубстантивными производными. Не являются исключением комбинации с прилагательными, включающими в свой состав суффиксы интенсификации; ср.: *Je prachmlaďounká* (*Tři otč.*, 1823 – А); *Příčina je maličká, prachmaličká* (*Km. Matěj*, 1815 – А). Префикс *pra-*, хотя и отмечается, главным образом, у прилагательных твердой разновидности, однако изредка он

может присоединяться к прилагательным мягкой разновидности: ср.: *prachprachoucí* – A (*neviděl jsem nic - prachprachoucí nic. Lumír. Mácha. Cik., 1851 – A*); *pranejdelší* (*do pranedelší smrti nezamiluju se do Tě! V.K. Klicpera. Div. 3. Božena, 1820 – A*).

В отличие от *pře-* префикс *pra-* не сочетается с основами, оформленными другими синонимичными префиксами. Отмечаются также немногочисленные случаи сочетания с основами некачественных прилагательных, функционирующих, впрочем, в окачествленном значении: *prachdřevěný* (*Tot' musil mítí prachdřevěnou duši. Vaněk. Dušesloví, 1826 – A*); *pranebeský* (*Ty's posel svatý z pranebeských říší. Pfleger. Vyšinský, 1859 – A*).

Рассмотренные нами выше словообразовательные типы являются наиболее продуктивными способами слово-производства префиксальных прилагательных со значением интенсификации признака в чешском литературном языке исследуемого периода.

Словообразовательный тип:

префикс vele-(vel-) + имя прилагательное

В словарях прилагательные данной структуры чаще всего интерпретируются как "очень + прилагательное". В современном чешском языке лексика указанного вида имеет очень ограниченную сферу употребления, с выраженным налетом архаичности, книжности.

В структурном отношении данный словообразовательный тип близко примыкает к словообразовательному типу с *pře-*.

Префикс *vele-* (изредка фиксируется вариант *vel-*: *velchrabrý J, K*) преимущественно оформляет непроизводные основы: *velevácný PS**; *veleštědrý PS**; *veletěžký PS**; *veletrpký PS**; *velejasný PS**; *veletruchlý PS**; *velesvatý PS**; *velelítý J, K*. Отмечены также и производные основы десубстантивного образования (*veleužitečný PS**; *veleúrodný PS**; *veleúspěšný PS**;

*veletučný PS**; *velespravedlivý PS**; *veleprospěšný PS**); девербативного образования (*velevýkonný PS**; *velevýmluvný PS**; *velezasloužený PS**; *velezkušený PS**; *veleskvělý PS**). Присоединение к основам деадъективного образования отмечается редко (*velenesnadný PS**; *velenepřítivý PS**). В единичном случае данный префикс присоединяется к прилагательному, образованному от местоимения (*velesnadný PS**), наречия (*velezvládní K*).

Префикс *vele-* фиксируется преимущественно:

а) у прилагательных с простой структурой, исключение составляют *velectihodný PS zast.*; *velebezmadžný -A*;

б) у основ чешского происхождения, исключением являются лишь образования типа *veledramatický PS**; *velemoderní PS řidč.* По-видимому, к середине XIX в. – к периоду, когда начался интенсивный приток заимствованной лексики, данный словообразовательный тип полностью утратил свою продуктивность;

в) у прилагательных твердой разновидности; у прилагательных мягкой разновидности отмечен редко; ср.: *veleskvoucí PS**; *veletohoucí PS**; *veležadoucí PS**. С превосходной степенью префикс *vele-* не сочетается.

Данный префикс встречается лишь в сочетании с основами качественных прилагательных, лишь в единичном случае фиксируется дериват *velemnohý PS**, J, образованный от местоимения.

Словообразовательный тип:

префикс roz- (rozto-) + имя прилагательное

Данный словообразовательный тип в литературном чешском языке непродуктивен, однако образованная по нему лексика относительно активно используется в экспрессивно окрашенной речи. Семантика дериватов обычно интерпретируется как "очень + прилагательное". Префикс *rozto-*

является вариантным по отношению к *roz-*, оба они могут встречаться у идентичных основ: *roz(to)divný*, *roz(to)milý*, *roz(to)miloučký*. В современном языке дериваты с *rozto-* употребляются более широко.

Численность дериватов, образованных по данному типу, предельно невелика. Й. Юнгман приводит пять слов с *roz-*: *rozbídný*, *rozčistý*, *rozdaleký* (впрочем, составителем словаря они квалифицируются как словакизмы), *rozvzteklý*, *rozmlý*. В словаре Котта дополнительно указываются еще четыре слова: *rozboharý*, *rozdivoký*, *rozdivný*, *rozmlitký*. В эксцерпциях нами было зафиксировано также *rozpodivný*, не отмеченное в словарях.

Данные префиксы присоединяются как к непроизводным, так и производным основам; сочетание с основами заимствованного происхождения не наблюдается. В круг производящих основ вовлекаются прилагательные твердой разновидности склонения, исключение составляет *rozto-nejmilejší*, приводимое Коттом.

Из числа префиксов заимствованного происхождения в эпоху национального возрождения использовался префикс *arci-*.

Словообразовательный тип:

префикс arci- + имя прилагательное

Для современного литературного чешского языка данный словообразовательный тип, несомненно, архаичен. Количество дериватов этой структуры, фиксируемых в PS, предельно ограничено: *arcispanilý*, *arcikatolický*, *arcihusitský* (примеры из произведений художественной литературы XX в. не приводятся). Семантика данных дериватов интерпретируется при помощи соответствующих словообразовательных синонимов ("*přespanilý*") либо описательно, к примеру, "*fanaticky katolický*". В словаре Юнгмана значение интерпретируется как "очень, совершенно + прилагательное".

В первой половине XIX в. данный словообразовательный тип был несколько более продуктивен. Это отражается, в частности, в численности дериватов, фиксируемых словарями и эксцерпциями. Так, например, Юнгман отмечает восемь дериватов (*arcidčastý J, K, Pal; arcid'ábelský J, Pal; arcijedovatý J, Pal; arcikřivdivý J; arcipohanský J, Pal; arciskoupý J, K, Pal, Tham; arcinešlechetný J; arciloupežnický J*). В наших эксцерпциях представлено 24 образования, отсутствующие в словарях — большинство из них относится к середине XIX в.

Префикс *arci-* так же, как и рассматриваемые выше морфемы, присоединяется преимущественно к основам качественных прилагательных. Встречаются, впрочем, дериваты от относительных и притяжательных прилагательных; ср.: *arcid'ábelský J, Pal; arcihusitský PS; arcikatolický PS; arciotcovský - A (Na to ji ukrutně zbil a s tou arciotcovskou výstrahou. Jindy, 1833 - A); arcipohanský J, Pal.*

В кругу производящих основ представлены:

а) непроизводные основы: *arciskoupý J, K; arcispanilý PS; arcidůležitý - A; arcifidký - A; arcicudný - A; arcizlý - A; arcispatný - A; arcivěrný - A; arciprotivný - A; arciplný - A; arcivážný - A;*

б) производные основы (почти исключительно десубстантивные): *arcid'ábelský J, Pal; arcihusitský PS; arcijedovatý J, Pal; arcikatolický PS; arciotcovský exc.; arcipohanský J, Pal; arcisobecký - A; arciboletný - A; arciloupežnický - A.* В редких случаях имеются сочетания с основами отлагательными (*arciplatný - A; arcikřivdivý J*), деадъективными (*arcinešlechetný J*) и с основами, образованными от наречий (*arcizřejmý - A*).

Префикс *arci-* присоединяется к прилагательным, имеющим простую структуру (исключение единично — *arcipravdomluvný - A*).

В ряде случаев данный префикс отмечается у прилагательных с основой заимствованного происхождения (*arcikatolický PS; arcifilozofický - A; arcigeniální - A; arcipikantní -*

А; *arcipoetický* – А; *arciaristokratický* – А), однако чаще всего этот исконно заимствованный из греческого через латынь и немецкий префикс присоединяется к основам собственно чешского происхождения. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что в чешском языке данный формант подвергся освоению.

Префикс *arci-* присоединяется главным образом к прилагательным твердой разновидности.

II. О функционировании префиксальных прилагательных

Дериваты с *pře-*

В эпоху национального возрождения указанные прилагательные относительно свободно функционировали в различных сферах применения письменного языка. Использование данных дериватов отмечается в различных литературных жанрах, однако наиболее часто они встречаются в произведениях "высокого" стиля, т.е. героических поэмах, одах, трагедиях и пр., отличающихся выпендренностью, патетичностью языка. Примечательно, что в языке одной лишь поэмы Ш. Гневковского "Девин" зафиксировано не менее 50 прилагательных с *pře-*, большинство из которых отсутствует в словарях (*přepotupný*, *přeplápolný*, *přenevinný*, *převznežený*, *přežádaný*; ср., к примеру, *V stavu není přemoci přesilné muži*). Данный автор вообще проявляет особое пристрастие к лексике этого типа: *Mnozí černé přeslovutné pláště (Básně drobné, 1820 – А); Brzy děvče modrooké řalo v srdci přehluboké rány trpké milosti (Puchm. Alm., II – А); Mezi cedry převysoké dál se krouťí hrdě běh: Tam jsou tůně přehluboké, skálí, víry přeširoké (Básně drobné, 1820 – А).*

Прилагательные с *pře-* являются практически обязательной принадлежностью языка произведений, использующих средства "высокого" стиля: Ср.: *On práva zástupce jest přehorlivý (Čechoslav, 1820 – А)*, стихотворение к именинам;

přemocným mne štítem zacloniti (Alm. Puchm. – A), ода; *přináší přeušlechtilé a předrahé poklady na oltář vlasti* (Květy, 1869–A), торжественное стихотворение; *nevěstu předrahou svaté řád ten pěstoval* (Voc. Meč.), историческая поэма; *Z rumu kláštera se valí přehustý mrak* (Ibid.); в стихотворениях философско-религиозного содержания: *Ač tvorů tvých tak přehojných* (Fr. Pap); *Bůh nám ale neskončené v nebesích dni přeblažené slibuje* (Ibid.); в балладах: *zří kance přehrozného* (Čechoslav, 1820); *I Hron z Náchoda, rek slavný, Jablonský, pán přestatečný* (Besedy). Интересующая нас лексика реже встречается в лирических стихотворениях, стихотворениях шутливого содержания, баснях, характеризующихся более "простым" языком: *Na pahorku u potoka strmí skála převysoká* (Jindy, I, 1833); *Sotvas že se dotkla, ušlas na přerýchlych nožkách svých* (Čechoslav, 1821–A); *Kvetla jablů krásně bíle, vonným květem červeně, ba červeně, o přeššastná kratochvíle!* (Věnc – A); *Proč mně tepeš, vrahu urputný? Tak mne znítáš ve hrob přesmtný* (Mach. Chr. – A), басня.

В языке прозаических произведений также зафиксированы многочисленные случаи употребления прилагательных с *pře-*. Они встречаются в речи автора и персонажей в романах, рассказах, повестях, записках путешественника: *Když se spolu rozžehnávali, byla to přesmtná chvíle* (Romant. pov.); *V zahrádce kvetlo množství převzácných bylin* (K. Světlá. Pov. a r.); *Jako skála přetěžká přivalila se na srdce upomínka* (Ibid.); *Na mém svědomí ležela přenesmírná tíha* (Bibl. Vlas., I, 1830); *zdrávlí můj předrahy manžel* (Ibid.); *za skrovný plat v přenáděrném Rusu sídle provedl* (Ibid.). Отмечены эти прилагательные и в языке сказок, отличающихся простым, бесхитростным повествованием: *Na toho beránka se nehněvejte. Je to zvíře přechytré* (B.N. Bách., II); *I vidouc tu přehozydnou tvář* (V. Zahradník. Bajky, 1832).

Особый интерес представляют драматургические произведения, нередко отражающие особенности устной речи. Было установлено, что в языке бытовых комедий, написанных

простым, разговорным языком, дериваты с *pře-* встречаются реже, чем в трагедиях. Сказанное дает нам основание полагать, что данная лексика уже в этот период несла приметы книжности.

Прилагательные с *pře-* в изобилии встречались в языке периодических изданий рассматриваемой эпохи, обращенных к широкому кругу читателей. Наибольшее количество случаев употребления отмечено в текстах газетной и журнальной хроники: *přečkal přemnohé změny v ministerium* (KVN, 1820); *kořisti nabrali převeliké množství* (Ibid.); *Pán chemikus učinil přepodivný nález* (Ibid.); *Birva v Palermo byla přeukrutná* (Ibid.); *Město bylo v převelikém nebezpečenství* (Pražské noviny – A). Встречаются эти прилагательные и в языке других газетных и журнальных рубрик – советы и консультации редакции: *Přežádoucí jest prostředek znáti k vyhlazení motýlů ovocným zahradám přeškodlivých* (Jindy, 1833); *v každém hospodářství předůležitý jetel* (Pražský posel, 1846 – A); объявления от редакции о готовящихся изданиях: *Pomněte, že se spis chuti přerozdílne vyhověti musí* (Jindy, 1833); *rozjímání o přehořkém umučení Pána*, (KVN, 1820); рецензии, литературные и театральные: *předpodařeným hráním srdce posluchačů jímala* (KVN, 1820); *bylo viděti, an se přepilný herec vady své chvalitebně varoval* (Jindy, 1833); политический очерк: *předůležitou věc, jakož je volení deputovaných na domácí sněm* (Tyl. Pr. posel); *bylo shromáždění studentů v Karolíně hlučné, ale ne přehořné* (Ibid.).

Случаи употребления данных прилагательных отмечаются и в языке произведений с острой публицистической направленностью (так называемые "обраны", политические листовки и пр.): *přešlechtilý jich spisy prachnivější a červivější!* (Tham. Obrana – A); *lidé Češtině nepoučení, přešlechtilých vlastností její neznající*. (Ibid.); *bratr slovanský, věřen přesmrtnému osudu národa polského* (Letáky – A); *český sněm se s tou předůležitou úlohou zanášet bude* (Ibid.).

Исследуемые нами прилагательные относительно часто встречаются в произведениях научной литературы (имеются в виду как очерки научного характера, опубликованные в периодической печати, так и специальные научные сочинения): *Předůležitou tuto pravdu (o sufixu "n") první poznal ostroumný* (Benfey. Č. Č. M. 1846 – A); *v tomto předokonalém hexametu* (Počátkové, 1818 – A); *od mnohočetných a přelidnatých národův* (Šafařík. Slov. starožit. 1837 – A); *spis přeborný o všech příhodách* (Pal. Děj., I, 1848 – A); *kyselinami anobrž i přeslabými červená* (Presl. Lučba, II, 1835 – A); *Strom s kmenem přetlustým* (Presl. Všeob. rostl., 1846 – A); *Z květů převorných včely sbírají med převýborný* (Presl. O přír. rostlin, 1835 – A); *mořských jednorožců převelici zástupové* (Čechoslav, 1820); *India jest země přeúrodná, a na vše přebohatá* (Bartolomeides. Geografia, 1798 – A). Дериваты с *pře-* использовались и в эпистолярном жанре: *Ničeho tak přezádostiv nejsem, než...* (Šaf. Pal.); *zprávu dal p. Kopitar ale co se týče Bulharů, přenespravedlivou* (Ibid.).

Изучение конкретного материала, воспроизводимого здесь лишь фрагментарно, показало, что прилагательные с *pře-* имели в литературном чешском языке эпохи национального возрождения широкую сферу употребления и относительно высокую фреквенцию. Вместе с тем очевидным является и факт наметившейся специализации указанных дериватов – преимущественное использование в языке произведений "высокого" стиля.

При изучении семантики и особенностей употребления немалое значение имеет установление соответствующих контекстных окружений, характерных для данных прилагательных. Так, можно видеть, что исследуемые нами образования с *pře-* чаще всего употребляются в контекстах с высокой эмоциональной напряженностью, с включением выпренних, патетических средств выражения. В их числе нередко контексты специального назначения – религиозные тексты, обращения и высказывания, адресованные королю и

другим высоким персонам, родине; посвящения литературных произведений, риторические высказывания и пр. Ср.: *padouch přešeredný, který vykonal ten skutek přenezbedný* (Hn. Děvín); *O hrozný a přeholestný pohled!* (Čechoslav, 1820); *o já přešťastný člověk* (Reti Mař.); *s přeosvíceným patriarchem* (Č.Č. M, 1837 – A); *Předobrotivý jest, přemocný jest Bůh!* (Štěpnička. Hlas liry, 1823 – A); *O jak přesladké to jméno vlast* (Besedy); *lásku k vlasti, tu převznešenou občanskou ctnost* (Čechoslav, 1820); *naše předrahá Koruna Svatováclavská do Prahy přivezena bude* (KPN, 33-1791); *přemilého krále Františka Bůh vyvolil* (KVN, 1820); *Císař přeslavné paměti* (Tham. Obrana); *v přítomnosti předústojných a převelebných Panů kanovníků* (Hlasatel, 1818 – A); *přejasný hejtmane!* (J.F.Frič. Mazepa); *přelaskavý kníže!* (Hn. Jaromír); *vznikl ve mně cit přeradostné vděčnosti* (Rett. Růže); *Vida lásku k přemilé vlasti* (Tham. Obrana – A).

Тексты религиозного содержания настолько насыщены прилагательными с *pře-*, что можно говорить даже об известном автоматизме их употребления, традиционном следовании ранее сложившимся образцам (что, впрочем, сохранилось и по сей день).

В текстах научного содержания исследуемые нами дериваты более предпочтительны, чем производные со значением интенсификации, имеющие иную словообразовательную структуру.

Необходимо отметить, что набор контекстных окружений с течением времени подвергся значительным изменениям, прежде всего в сторону его сужения, обусловленного эволюцией как стилистических норм литературного чешского языка, так и реальных жизненных ситуаций, косвенно отраженных в языке.

Дериваты с pra- (prach-)

Характер функционирования данных прилагательных во многом отличен от предыдущих. Анализ фактического

материала конца XVIII — первой половины XIX в. показал, что они использовались в относительно ограниченных сферах применения письменного языка. Наиболее широко производные с *pra-* используются в языке произведений художественной литературы, преимущественно прозаических жанров, в языке периодических изданий, главным образом в тексте очерков, имеющих полемическую, обычно политическую направленность. Наибольшее количество эксцерпций относится к прозе (эксцерпции из стихотворных произведений немногочисленны) *Nyní řeknu, pyšně hlavou hodě: "Pane! teď jsou právě v módě na prach špatné deklamace! (Rub. Dekl. 1837-1839); před ní pražádných tajností neměla (K. Světlá. Pov. a r.-A); že nouze i železo přeláme, je prachpravdivé příslov (Květy, 1835 - A); Čas (jest) svrchovaný, aby prachfalešné domnění lepšímu přesvědčení místa postoupilo (Počátkové, 1818 - A); ten nynější svět je už prahbezbožný (Rozličnosti, 1831 - A); ačkoli střílel do zvěře, pražádné předc netrefil (Vlastimil, I, sv. II - A). Ср. также в сказках, баснях: je v pracizi krajině (B.N. Bách.); pražádné moci jim nenechala (Ibid.); odpoví šnek: nemysl sobě, že jsem já tak prahubohý (Puchm. Alm., II).*

Примечательно, что дериваты с *pra-* (*prach-*) употребляются обычно в литературных жанрах, характеризующихся простым, общедоступным стилем повествования (практически не представлены жанры так называемого "высокого" стиля), часто они фиксируются в речи персонажей; ср.: *vklouzl jsem praneveselý a velmi mrzutý (Tomsa. Klaurenovu pov., 1830 - A); to je prachpocitivý kus od Vaší Excellency, že své rodiče tak v uctivosti máte (Rozličnosti, 1827 - A); já jsem tak praobyčejný, všedný člověk (Vlastimil, 1840 - A); Tedy prach žádná pomocí není? (Dobroslav, 1822 - A).*

В этом отношении небезынтересны эксцерпции из произведений драматургии — как правило, это примеры из языка бытовых комедий Я. Штепанка, широко использующих

элементы просторечья: *To je ale prach holá lež* (Štěpánek. Div. 9. Zahr. zed', 1824 – A); *je prach schytralá; ta je prohnaná!* (Ibid.); *je prachmlaďounká* (Štěpánek. Div. 5. Tři otč, 1823 – A).

Дериваты с данными префиксами используются в языке журналов, газет, где они встречаются преимущественно в текстах, насыщенных экспрессией (нередко это оттенок иронии): *před národní obranou jí pražádného práva, pražádné přednosti nepodávají* (Tyl. Pr. posel); *Zásluhy zemřelých předků, kteréž v potomcích již nepůsobí, pražádného oprávnění k jakému významnému neposkytují* (Tyl. Pr. posel); *takovým způsobem zbavíme se mnohých prachybných nápisů veřejných* (Čes. včela, 1846 – A); *Nad nimi by muselo i prakanibálské srdce trnouti* (Ibid., 1845 – A). Ср. также текст политической листовки: *Za to by tě málo pochválili tvoji prapociví otcové v hrobě* (Letáky – A).

Наконец, было зафиксировано несколько случаев употребления данных дериватов в языке научно-популярной литературы, рассчитанной на широкую (и в основном непросвещенную) читательскую аудиторию. Использование префиксов *pra-* (*prach-*) для образования терминологической номенклатуры не отмечено. Приведем примеры: *duše ryby vtělena ve vajíčko jest na začátku jen pramalou kuličkou* (Tyl. Pr. posel); *I u cínu se dlouho nezdržíme, an praznámy jest* (Ibid.); *U věci (železo) této v životě našem pradůležitě a praznáme se nebudeme dlouho zdržovati* (Ibid.); *Vysvětlování procesů na oko prarozdílných* (Č.Č.M. 1838 – A). Поскольку дериваты с *pra-* (*prach-*) проникали в литературный язык (по мере его демократизации) из народно-разговорной речи (сказанное в особенности относится к дериватам с *prach-*), лексика данной структуры отсутствует в произведениях высокого стиля и, напротив, представлена в сочинениях, характеризующихся простотой, доходчивостью средств выражения, допускающих привлечение элементов просторечья. Дериваты с префиксом *pra-* и в особенности с *prach-*, используемые ныне в

литературном языке, сохранили в сознании носителей языка элемент разговорности и яркой экспрессивной окрашенности.

Начиная со второй половины XIX в., количество экскерпций, включающих данные образования, значительно возрастает (увеличивается и объем лексики указанной структуры, отраженной в словарях. Однако, как и ранее, эти лексемы встречаются в произведениях художественной литературы преимущественно прозаических жанров).

Дериваты с vele-

Закономерности функционирования прилагательных с *vele-* в целом очень сходны с закономерностями, наблюдаемыми нами у дериватов с *pře-*. И те, и другие практически используются в одних и тех же сферах применения литературного языка. Так же, как и *pře-*, *vele-* тяготеет к литературным жанрам высокого стиля. Следует, впрочем, со всей определенностью сказать, что масштабы функционирования в литературном языке прилагательных с *vele-* по сравнению с дериватами с *pře-* настолько сужены, что в современном языке указанные образования относятся к некоторому пассивному запасу сугубо книжной лексики, который не обогащается новыми словами и используется исключительно в составе отдельных устойчивых обозначений в относительно строгом наборе контекстных окружений. Носителями современного чешского языка дериваты с *vele-* воспринимаются как архаизмы. Случаи употребления прилагательных с *vele-* отмечены преимущественно в языке произведений художественной литературы XIX в. (случаи использования указанных дериватов в других функциональных сферах литературного языка несравненно более редки). Наиболее часто лексемы с *vele-* отмечаются в тексте произведений "высоких" литературных жанров - поэмах, торжественных стихотворениях, одах. Так, в поэмах Ш. Гневковского "Яромир" и "Девин", написанных архаичным даже для своего времени языком, встречается более

20 прилагательных данной структуры. Приведем некоторые примеры: *Ten rek jest tak velelepý, velesličrý* (Hn. Jaromír); *Cítím v srdci veletrudný bol* (Ibid.); *Vaše krátké vládnutí neslo Vlasti velemilé biahodějně květy* (Ibid.); *Ohavné jest nazpět vojsko velestatné věši* (Ibid.); *Přenešťastná, velesličrá chvíle* (Ibid.); *Za nimi tu táhne lehká pěchota, heyno obratné a velehbité* (Ibid.). Указанные прилагательные нередко встречаются в стихотворениях патетического, торжественного стиля: *Královno ty velejasná, chotě láskou převěhlasná* (Sušil. Hymny, 1846 — A); *Velebystrou myslí chrabrých Čechů* (Čechoslav, 1820); *Den se ze věčnosti slavně zas vyvinul nám, tvým dítkám velevěrným blahý* (Koun.); *Rozhlašují trouby, zvoní ku turnaji na den třetí. Veleslavné podívání* (Besedy).

Отмечены эти образования и в лирических стихотворениях, и в произведениях прозаических жанров — рассказ, повесть, и в драматургических произведениях. Однако во всех случаях, как уже упоминалось выше, речь идет о контекстах, характеризующихся выпяченностью, патетизмом; ср.: *křídla rozpíná labuť velečistá* (Čelakovský — PS); *Za to ale žil bych sladce, veledrahé, mezi vámi, rýžemi a růžinkami* (Besedy); *Pramen lásky k veleslavné vlasti* (Besedy); *Veleznámá pohostinnost ruského národa* (Vesna); *Moje děti zvadly jako zmrzne velestkvostrný hyacint* (Ibid.); *O jak velevážné bylo podívání na tichou zemi* (Ibid.); *K věci té veleplodonosné a předuležité* (Presl. Vlastencům); *slunce veleslavného jména nad hlavou tvou vzešlo* (Přítel, 1806); *Věztež, zejtra jest den narození veledrahého otce* (Rettigová. Růže); *otec můj jest veledobrý* (Ibid.).

Случаи употребления данных прилагательных отмечены и в прессе — преимущественно в тексте рецензий: *Veleramáhavé hlavní úlohy* (Neruda — PS); *onen velehorlivý vlastenec* (Jindy, 1833); *Z charakterů zvláště vynikají veleudatný Britvald* (Ibid.); *v tomto veleduležitěm okamžení* (Vídeňský deník, 1850). Отмечены они и в эпистолярном жанре. Случаи использования префикса *vele-* в составе терминологических обозначений крайне редки.

Специфической сферой употребления прилагательных с *vele-* являются посвящения литературных произведений, написанные, как правило, выпендренным языком: *vítám dnešní veleslavný den* (Rett. Růže); *umění její veleštedrý podporovatel* (Ibid.); *Velectěné paní Růženě Fričové věnuju v přátelství upřímném* (Neruda – PS); *Odpustí jistě Vaše dobrota velectěná* (Koun.).

Данная лексика имеет высокую частотность употребления в текстах религиозного содержания: *Velemocný Bože!* (Klicpera – PS); *Bůh velehrozný* (Almanach, 1825 – A); *Veliký bůh - já hoch veleprostý* (Lang, Sel.). Наконец, указанные прилагательные являются частым компонентом таких устойчивых сочетаний, как обозначения некоторых титулов, званий; ср.: *velejasný, velevážený, velešlechtný, veleslovutný, veleslavný, veledůstojný*.

Дериваты с *roz-* (*rozto-*)

Несмотря на свою немногочисленность, дериваты данной структуры относительно широко функционируют в литературном языке. Сказанное в особенности правомерно для лексем с *rozto-*. Анализируемые прилагательные используются преимущественно в языке произведений художественной литературы. Большое количество дериватов с *roz-* (в особенности) и *rozto-* было нами отмечено в лирических стихотворениях эпохи национального возрождения: *moje rozmilá věrně slovo splnila* (Diblík. 1855 – A); *Ach holoubka rozmilého na světě už není!* (Hanka. Písně – A); *Ty Vltavinko spanilá vlastenci řeko rozmilá* (Chm. Kytka, 1838); *A hle! spatří vedle sebe rozmilého andělíčka* (Kamarýt. Básně); *Děvče české bývá hezké, utěšené, roztomilé* (Rub. Dekl., 1842); *Jako kdyby rostla do poledne v máji za mírného slunce v roztomilém háji* (Hanka. Písně – A); *V sedmnáctém květnu prala, roztomilá holubinka* (Kamarýt. Básně – A). Отмечены данные прилагательные и в произведениях прозаических жанров: *Kdo zaopatří ty roztomilé parmy?* (Bibl. Jav., 1840 – A); *Julie byla roztomilý díblíček* (Paleček, 1840 – A); *jak jste*

otce i **rozmilou** máteř smrtí ztratila (Bibl. Vlas.); Co dělá **rozmilá** Agatka? (Kram. Polybius); držel krvavou hlavu **rozmilé** Marie (Rett. Mař.).

Зафиксированы случаи употребления данных прилагательных в языке произведений драматургии: *Tu jsme u mé roztomilé nevěsty* (Št. Div. - A); *Tot' je roztomilý nápad* (Rett. Růže); *Bylo to roztomilé svolení* (Hn. Náml.).

Анализ показывает, что исследуемые прилагательные употребляются преимущественно в литературных жанрах, характеризующихся простым, разговорным стилем повествования. В произведениях высокого стиля они встречаются относительно редко; ср.: *Roztomilý slouho všechněch slečen* (Hn. Děvín.).

Присущая рассматриваемым прилагательным эмоциональная нагрузка, отражающая чувства любви, симпатии и пр., вполне естественно обуславливает их преимущественное использование в текстах произведений лирических жанров и, напротив, препятствует их употреблению в языке научных сочинений, характеризующихся строгостью, бесстрастностью повествования. Факты использования дериватов с *roz-* (*rozto-*) отмечены также в контекстах, насыщенных иронией, уничижением и т.д. Впрочем, в этих случаях решающую роль играет сам контекст; включение префиксального деривата контрастирует со смыслом высказывания в целом, оттеняет, усиливает его ироническое звучание: *poskytuje roztomilé podfívání, když mnohý na svět kouká jako někdo na nová vrata* (Tyl. Pr. posel); *Byl to roztomilý pan kantor, ten pan Metternich* (Ibid.); *Jest to v skutku roztomilý hostinec! neboť oč k večeri požádá něčeho neobdárži* (Paleček, 1843 - A); *Vy snad žárlíte? Totě roztomilá vášně* (Hn. Náml.).

Примечательно широкое использование прилагательных данной структуры в различного рода обращениях: *rozmilá máti!* (Rett. Mař.); *rozmilý streyčku!* (Kram. Polybius); *O rozmilý Ježíši!*

(*Nebeský budíček*. 1770 – A); *rozmilý příteli!* (*Dopisy Šaf. Pal.*); *Plač můj rozmilý slavičku! plač můj rozmilý měšičku!* (*Věnec*, 1836); *roztomilá matinko!* (*Almanach*, 1825).

Дериваты с *arci-*

Дериваты данной структуры используются лишь в литературном чешском языке эпохи национального возрождения и практически отсутствуют в современном языке (иногда, впрочем, они употребляются с ироническим оттенком).

В целом количество зафиксированных эксцерпций невелико, в связи с чем говорить об отчетливо выраженной приверженности анализируемых прилагательных к определенным сферам употребления литературного языка не представляется возможным. Обращает на себя внимание лишь тот факт, что указанные лексемы чаще использовались в языке произведений художественной литературы, прессе (обычно это рецензии); ср.: *dílo to bude pro evropejskou literaturu arcidůležitě* (*Lumír*, 1851 – A); *Jest to (zubr) arcizřídka zvěř* (*Ibid.*, 1852 – A); *tenkrát se mi zdála býti dosti švarnou, teď ji mám za arciošklivou* (*Rittersberg. Kock. Trojlístek*, 1854 – A) и пр. Зафиксированы и случаи употребления в научных историографических текстах: *uvvedení Němcův a katolíkův do města již arcihusitského* (*Pal. Děj.*, III, 1851 – A).

Очевидным является тот факт, что уже в эпоху национального возрождения данные дериваты являлись принадлежностью лишь письменной речи. В сознании носителей языка они обычно воспринимались как архаизмы (не случайно они нередко встречались в текстах переводов с греческого).

Таковы некоторые наблюдения над образованием и функционированием данной лексики.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A — Лексикографический архив Института чешского языка
Чешской академии наук

bás. — поэтическое

pop. zast. — несколько устаревшее

řidč. — редкое

* — малоупотребительное

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

J. — J. Jungmann. Slovník česko-německý, d. 1-5. Praha, 1835-1839.

K. — Fr. Kott. Česko-německý slovník, zvláště grammaticko-frazeologický, d. 1-7. Praha, 1878-1893.

Kon. — J. N. Konečný. Vollständiges Taschenwoerterbuch der
čechoslavischen u. deutschen Sprache. Wien, 1845.

Pal. — G. Palkowitsch. Böhmisch-deutsch-lateinisches
Wörterbuch, I-II. Prag, 1820-1821.

Šum. — J. F. Šumavský. Kapesní slovník jazyka českého a
německého. Praha, 1859.

Tom. — F. J. Tomsa. Vollständiges Wörterbuch der böhmisch-
deutsch-und lateinischen Sprache. Prag, 1791.

Tham. — K. I. Tham. Neues kleines deutsch-böhmisches
Wörterbuch. Prag, 1804.

PS — Příruční slovník jazyka českého, I-IX. Praha, 1937—
1957.

SSJČ — Slovník spisovného jazyka českého, I-IV. Praha, 1960—
1971.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Besedy* – České besedy. Praha, 1842.
- Bibl. Vlas.* – J. Vlasák. Bibliotéka mládeže. V Praze, 1828-1832.
- B.N. Bách.* – B. Němcová. Národní báchorky a pověsti. Praha, 1950.
- Č.Č.M.* – Časopis českého muzea.
- Čechoslav* – Čechoslav, 1820.
- Erb. Č. poh.* – K.J. Erben. České pohádky. Praha, 1949.
- Fr. Pap.* – K. Frýček. Písňe a průpovědi. V Praze, 1834.
- Hn. B. drob.* – Š. Hněvkovský. Básně drobné. V Praze, 1820.
- Hn. Děvín.* – Š. Hněvkovský. Děvín. V Praze, 1829.
- Hn. Jaromír.* – Š. Hněvkovský. Jaromír, smutnohra. V Praze, 1835.
- Hn. Náml.* – Š. Hněvkovský. Námluvy v Koloději. V Hradci Králové, 1839.
- Hv.* – Zábavně spisy od Jana z Hvězdy. Praha, 1843-1845.
- Hýbl.* – 7 povídek - Sedmero povídek pro dítky a milovníky jich. V Praze, 1840.
- Chm. Kytka* – J.K. Chmelenský. Kytka. V Praze, 1838.
- Jindy* – Jindy a nyní. V Praze, 1833.
- Koun.* – Kouna Josefa Polemíra. Láska dětí. V Praze, 1828.
- KPN* – Kramériusovy pražské poštovské noviny. Praha, 1791.
- Kram. Polybius* – V.R. Kramérius. Polybius. V Hradci Králové, 1825.
- K. Sv. Pov. a r.* – K. Šetlák. Povídky a romány. Praha, 1959.
- KVN* – Kramériusovy vlastenské noviny. V Praze, 1820.
- Lang. Sel.* – J. Langer. Selanky. V Praze, 1838.
- Letáky* – Letáky z roku 1848. Praha, 1948.
- Puchm. Alm.* – A.J. Puchmajer. Almanachy. V Praze, 1917-1921.
- Rett. Růže* – M.D. Rettigová. Bílá růže. V Hradci Králové, 1827.
- Rett. Rada* – M.D. Rettigová. Dobrá rada slovanským venkovankám. V Praze, 1838.
- Rett. Mař.* – M.D. Rettigová. Mařenčin košíček. Hradec Králové,

1821-1822.

Rub. Dekl. – F. Rubeš. Deklamovanky a písně. V Praze, 1837-1839.

Šaf. Pal. – Korespondence Pavla Šafaříka s Františkem Palackým.

Praha, 1961.

Št. – J.N. Štěpánek. Octář, Alína. Praha, 1839.

Šum. M. čit. – J. Šumavský. Malá Čítanka. V Praze, 1841.

Tyl. Pr. posel – J.K. Tyl. Pražský posel. Praha, 1846-1847.

Vesna – Vesna. Almanach. V Praze, 1837.

Voc. Meč. – E. Vocel. Meč a kalich. V Praze, 1843.

Сокращения, принятые в Лексикографическом архиве Института чешского языка, не расшифровываются.

При написании статьи были использованы материалы монографии: Г.П. Нецименко. История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX в. М., 1968.

К.В.Лифанов
(Москва)

Грамматикализация перегласовок как характерная особенность языка памятников словацкой письменности

Бесспорно, эпоха национального возрождения имела чрезвычайно важное значение для формирования словацкого литературного языка нового типа [Смирнов 1978]. Тем не менее еще в 30-е гг. XX века некоторые словацкие и даже чешские лингвисты отмечали, что было бы принципиальной ошибкой начинать историю словацкого литературного языка с 40-х гг. XIX в., т.е. с кодификации Л.Штура, или с 1787 г., т.е. с кодификации А.Бернолака. По мнению М.Вейнгарта, "было бы неверно ограничиваться лишь изучением этой (бернолаковской и штуровской — К.Л.) литературы и описанием современных диалектов, но оставлять в стороне сотни архивных памятников, возникших в Словакии в XV–XVIII вв., т.е. на протяжении четырех столетий, представлявших собой период, более продолжительный и при этом не менее значительный в истории Словакии, чем последние сто пятьдесят лет. Все это, однако, еще ждет своих исследователей" [Weingert 1935, 113]. Высказывание М.Вейнгарта не потеряло своей актуальности до настоящего времени. Несмотря на то, что в прошедшие десятилетия появилось довольно большое количество работ, посвященных формированию словацкого языка, эта проблема все еще далека от своего решения. Она остается одной из наиболее дискутируемых в словакистике. Исследователи не находят согласия практически по всем основным вопросам, затрагивающим тот или иной ее аспект. Дискуссии ведутся вокруг времени появления словацкого литературного языка,

сфер его функционирования, языковой структуры и механизма ее конституирования, соотношения языка разных жанров письменности и разных территориальных вариантов, квалификации так называемых культурных языков (западно-словацкого, среднесловацкого и восточнословацкого) как единого языкового образования или как разных, сформировавшихся независимо друг от друга, и т.д.

Пожалуй, наиболее принципиальным, ключевым вопросом из перечисленных выше является механизм формирования словацкого литературного языка и его истоки. Первоначально в словакистике была высказана точка зрения о том, что исходным состоянием словацкого литературного языка следует считать чешский. Так, крупнейший словацкий лингвист конца XIX – начала XX вв. С.Цамбел в статье, опубликованной под псевдонимом Я.Влколинский, писал, что словаки вообще "не откальвались" от чехов, поскольку словацкий литературный язык возник из чешского в результате длительной эволюции, продолжавшейся несколько столетий, и Бернолак лишь формально санкционировал то, что действительно существовало в его время [Vlkolinský 1885, 238]. Недвусмысленной была и позиция Л.Новака, считавшего, что словацкий литературный язык является прямым наследником чешского литературного языка в Словакии аналогично тому, как прямым наследником церковнославянского языка стал русский литературный язык [Novák 1938, 286]. Близкая точка зрения высказывалась в ранних работах Э.Паулини [Pauliny 1946-1947, 275; Pauliny 1948], а также в весьма интересной статье А.Пранды [Pranda 1948]. В настоящее время ее разделяет Л.Дюрович, отмечавший, что путь от чешского языка, использовавшегося словаками в качестве литературного, к словацкому литературному языку проходил через стадию "словацкого чешского языка", название которого всегда употреблялось только по-латыни: *lingua Slav(ic)o – Bohemica* [Durovič 1990].

Наиболее распространенной в настоящее время, однако, является гипотеза Э.Паулини о том, что обе кодификации словацкого литературного языка — А.Бернолака и Л.Штура — были осуществлены соответственно на основе культурного западнословацкого и культурного среднесловацкого языков, сформировавшихся в докодификационный период главным образом из наиболее типичных элементов словацких диалектов. При этом одни лингвисты полагают, что культурные языки существовали исключительно в устной форме [Blanár 1990], другие же признают факт их письменной реализации, однако методика изучения письменных текстов, используемая ими, показывает, что эта сфера функционирования культурных языков считается вторичной. Так, например, Р.Крайчович, пытаясь описать характерные особенности культурного среднесловацкого языка, выбирает из текстов в основном лишь такие явления, которые представлены в среднесловацком диалекте, и оставляет без внимания генетические богемизмы и элементы западнословацкого происхождения [Krajčovič 1991, 18, 95]. В результате образцом культурного языка оказываются показания разбойника в суде, насыщенные среднесловацкими особенностями, а не язык перевода Библии, религиозных трактатов, в которых количество указанных элементов существенно убывает. Заметим, что Я.Доруля квалифицирует судебные показания как диалектные записи, лишь в незначительной степени подвергшиеся обработке писарем [Dorula 1967, 25].

Такой противоречивый подход к проблеме формирования словацкого литературного языка во многом объясняется совершенно недостаточной изученностью конкретного языкового материала. А ведь только с его помощью можно разрешить существующие проблемы! При этом следует иметь в виду, что утверждение о том, что культурные языки существовали (преимущественно) в устной форме коммуникации, приводит к фактическому отрицанию собственного структурирования языка памятников словацкой письменности,

так как она представляет собой лишь арену столкновения культурных языков с чешским.

Если это действительно так, то в текстах будут отсутствовать какие-либо закономерности употребления генетически чешских и генетически словацких элементов. Если же такие закономерности будут выявлены, то в этом случае следует признать, что язык памятников письменности должен квалифицироваться как вполне самостоятельная, автономная система, развивающаяся по собственным законам, не всегда совпадающая с процессами, протекающими в народных говорах.

Прежде чем приступить к непосредственному анализу текстов, необходимо также решить вопрос, какие из них составят ядро письменного языка, т.е. в каких жанрах письменности реализовались более строгие нормы при условии, если таковые вообще будут обнаруживаться. В этом отношении ряд лингвистов подчеркивают особое значение переводов Библии, религиозных трактатов, особенно печатных, а также других произведений духовной литературы ([Наумов 1995; Кречмер 1995, 99; Толстой 1997, 19] и др.). В определенной степени исключением из этого правила являются проповеди, в которых возможны существенные отклонения от норм под влиянием родного говора автора или говора той местности, в которой происходила его деятельность. В связи с тем, что традиционно словацкие евангелисты использовали в качестве сакрального языка (и не только) чешский литературный язык, объектом нашего изучения будут произведения религиозного содержания словацких католиков. Кроме того, в данной статье мы будем использовать материал наиболее значительных произведений светской поэзии авторов католического вероисповедания, каковыми являются "Словацкие стихи" П.Беницкого (1652 г.), "Образ прекрасной дамы, нарисованный пером" Ш.Ф.Селецкого (1701) и "Пастушья школа" Г.Гавловича (1755 г.).

Рамки данной статьи позволяют нам рассмотреть лишь одно явление, типичное для языка письменности докодификационного периода, а именно: конкуренцию генетически чешских

форм с перегласовкой гласных 'a > e ('á > í), 'u > i ('ú > í) и генетически словацких без перегласовки. Выбор данного явления объясняется тем, что на первый взгляд кажется, что перегласованные и неперегласованные формы хаотично употребляются практически на протяжении всей истории словацкой письменности. При более внимательном рассмотрении, однако, оказывается, что это далеко не так. В языке памятников словацкой письменности наблюдается процесс "расщепления" перегласовок гласных, так как их судьба находится в непосредственной зависимости от грамматических форм, в которых они были представлены. В этой связи все грамматические формы с исходными перегласовками можно разделить на три группы: 1) практически последовательно сохраняющие перегласовки (или допускающие их исчезновение в самый поздний период); 2) отражающие конкуренцию перегласованных и неперегласованных гласных на протяжении длительного периода времени; 3) довольно рано утрачивающие перегласовки, уступая неперегласованным гласным в абсолютном большинстве случаев употребления. "Расщепление" перегласовок свидетельствует о том, что это явление в памятниках словацкой письменности полностью утрачивает свой исконно фонетический характер, а также о том, что здесь речь идет уже о конкуренции не перегласовок, а формантов. Из них самыми устойчивыми оказываются суффиксы причастий и деепричастий, которые вообще остаются вне этого процесса, так как в них последовательно представлены только перегласованные гласные, причем именно эти формы кодифицируются А.Бернолаком. Ср. примеры: *hn'ewem zlosti a pomstwu horjých* (Ol., 12¹); *wssemu silne werice* (Ol., 15); *Istofetha na Lužku Polednegssym odpočiwagjciho* (Sm., 9); *smegjce se pobijza k bytwe a wola* (Sm., 26); *wrch geho dotýkagjcy se Nebe* (Macš., 8); *malu a negaku opodálnost*

¹ Цифра в скобках указывает страницу печатного памятника.

neznassagice a netrpice (Macš., 11); *a prižedely někdo, opitaŕjcy se teba* (Bibl.); *Warůg se žebys wjna nepila, any nápoga opožužjcyho* (Bibl.); *w gesličkách ležičiho a kwilicīho* (Mok.); *utıkagice pred nim ass do Egypta* (Mok.); *každeho człoweka prichazegicīho na tento swet* (Vr.); *to widice Dawid gako dobry pastir prenasledowal gich* (Vr.); *Pan Buch se ginim zda gako newidicy* (Baj.); *porad plakal hledic toliko nagedno misto* (Baj.); *Neznagjce časů, / Co sebu prinesu / Dnes nebo zitra tobe* (Ben., 10); *Pry veljkem dvore / Každi sobe ore / Chtegic gratiu ziskat* (Ben., 14); *ktereg oczu krasu wersar wypisugicz* (Sel.); *kteri wyprawgagic dusu potwrdjowal* (Sel.) *Melancholicke, neb zemske gest to Prirodzeni, / Ktere se z nasledugicych poznawa znameni* (Gavl.); *I ta mucha neda pokog, cīm gu kdo wic honi, / Tym ona wic litagice kola nosa zwoni* (Gavl.).

Лишь в одном примере, обнаруженном в проповедях Д.Мокоша, отсутствует перегласовка, однако здесь мы имеем дело не с собственно деепричастием, а с устойчивым сочетанием, подвергшимся адвербиализации: *chtac, nechtac uwidet ho musite* (Mok.).

Хорошо сохраняются перегласованные формы и в парадигмах существительных среднего рода на *-i*. Из рассмотренных памятников письменности указанные формы без перегласовок встречаются лишь в проповедях П.Баяна, в трактате А.Мачая, а также в переводе Библии, где они уже преобладают. Ср. примеры: *studenost a zastidnost Prirozenj* (Ol., 17); *odewsseho nesstesty anebezpečenstwj zachowal* (Ol., 3); *knassemu naučenj napsano bylo* (Ol., 3); *abychom tak pysani swa posluhali* (Ol., 3); *lidem k Wečnemu Spasenj nagpotřebnegssy* (Sm., 2); *bez rozumu, bez bazne, bez swedomy* (Sm., 15); *Wžádosti Dusse sweg pritahl wýtr milowonj sweho* (Sm., 16); *že gest ssyroka cesta k zahinuti* (Sm., 39); *abi bez wsseckeho žmilowani pred dwoma aneb troma swedkami ukamenowan bil* (Mok.); *ani tenkrate do srdca a swedomi sweho newstupil* (Mok.); *o riloch ku napravowani teg cesty mislite?* (Mok.); *Naprotiwa tomu ginssy priklad mame prestupeni*

prikazani boskeho (Vr.); *Listi zeleneho / Ovodce hogneho / Zvestuge se promena* (Ben., 6); *Roskoš Panovanj, / Marnost gest na zemi, / Šalamun mudri svedczy* (Ben., 6); *Panské nabývanj / V času plundrovanj / Yinšy zas uživagu* (Ben., 6); *Vieczy czastka swgeta zada mnjet spogenj / swich pisku s gegima w czasy polibeny* (Sel.); *statek k pocztiwemu dosty k obziweny* (Sel.); *Snat dokonass zitra žiwot krem tweho nadani, / Nedostaness, čoz chtel podle marneho duffani* (Sel.); *Wssecke wecy čas swug magu, čas gest k žartowani, / Když se zmeniss chwalitebně, žaden te nezhanj* (Gavl.); *Gestlis schopny ku wereni, nestačyss weriti, / Nebo budu mnozy ginač o gednom mluwiti* (Gavl.); *Aby se tim spisse wykonalo Pokolenj Lidskeho Wýkupenj* (Macs., 1); *od dnešnj Nedele až do Narozenj Krysta Pána* (Macs., 2); *pres cely Adwent vrjzene k čitánj* (Macs., 2) – *takowy čas žiwobyř'a gegich sudil se býťj* (Macs., 76); *A Syzara kdiž utekal pribehel k pristrešu ženi Yáhel* (Bibl.); *O pjsni poděkowán'a, ktery spjwala Débbora a Barák po wjtazstwú* (Bibl.); *Hagtmáné s pokolen'a Yzachar byli z Débboru* (Bibl.). Интересно, что А.Бернолак в качестве основных кодифицирует формы рассматриваемых существительных с перегласовкой [Gramatické dielo Antona Bernoláka 1964, 169], что также доказывает неразрывную связь его кодификации с предшествующей письменной традицией.

Совершенно иначе данный процесс реализуется во флексиях адъективаций с функционально мягким согласным в конце основы. Если в переводе "Ритуала Н.Олага" формы с перегласовкой употребляются последовательно, то уже у Б.Смртника фиксируются дублетные формы: *horjcy žadost nasseho Srdce* (Ol., 17); *abychom wyru nassi lasku a nadegi. y trpeliwost potwrdili* (Ol., 1); *nassi wdečnost ktobie prokazowati* (Ol., 11); *sláwu Božj čiste wihledáwa* (Sm., 47) – *prekažku nad gine nagprwnegssu, nagwetssu prekažku, nagsskodiwegssu* (Sm., 13). Эта дублетность в дальнейшем не устраняется, однако у одних авторов (например, П.Беницкий и А.Мачай) преобладают

формы с перегласовкой, а у других (например, у Д.Мокоша) – без нее. Отметим, что с перегласованными формами адъективалий корреспондируют их стяженные формы род., дат. и предл. пад. ед.ч., обнаруживаемые на протяжении практически всей истории словацкой письменности докодификационного периода. Ср. примеры: *z wětssy náděgu my možeme se těssytj* (Macs., 52); *Ale o Negswětégssy Panno* (Macs., 10); *zrižená od Boha otce za buducu Matku Syna Božjho* (Macs., 10); *ale ma sestru, ktera gest mládssy a pěkn'egssy od ny* (Bibl.) – *Neopústili nálezki swé a cestu nagitwrdssu* (Bibl.); *Tu buducu gehu twrdost pozorugme* (Mok.); *swogu slepotu wpekle oplakawagu* (Mok.); *ta woda nad gine bila smacnegssa a lepssa* (Mok.); *W Nedelu poslednj po S.Duchu* (Baj.); *trun a stolica we Welebneg Oltarnj Swatostj* (Baj.); *Nagprvnegšy summu, / Kterut ginj ugmu, / Radbj sy se nawratil* (Ben.22); *Lepšj mlčzenlivost / Než v radach nemirnost / Bis czastokrate užil* (Ben.10); *ona ge ne insy bohynu w kragine* (Sel.) – *ma ta seskrat wgeczu, ktereg ge tato cnost* (Sel.); *Negmilegssa člowekowi bywa ta kragina, / Kde se zrodil, a wichowal, znama gest nowina* (Gavl.); *A treta wec bila tato: že geden den strawil, / A žadneho testamentu pisebne nesprawil* (Gavl.) – *Neb každa wec y negwetssi leži w swogem miste, / tehdy misto gest negwetssse o tom sam wiss gistè* (Gavl.).

Похожая ситуация характеризует и формы род.пад. ед. ч. существительных мужского и среднего родов с функционально мягким согласным в конце основы. В этом случае дублетность перегласованных и неперегласованных форм возникает несколько позже по сравнению с формами адъективалий, так как у Б.Смртника формы с перегласовкой употребляются еще последовательно. Разрешается же она в пользу неперегласованных форм только в переводе Библии. Ср. примеры: *V Otce sweho nebeskeo* (Ol., 9); *na Wychod Slunce Puowodem* (Ol., 10); *do wečneho ohne haže člowěka* (Sm., 14); *Gsau słowa Mudrce* (Sm., 30); *kdež trapij se bez konce* (Sm., 30); *čitagme Ewangelium*

S. Lukásse (Macs., 22) – *podle onného Werssu od vychýrneho Lekara Galenusssa složeného* (Macs., 14); *tak se spitugme u Yeremiassse proroka* (Mok.) – *proroka sweho Yonassa* (Mok.); *abi se znouu nawratili do owczínce* (Vr.) – *pre seba do konca nic nepožadal* (Vr.); *aždo konce sweta* (Baj.) – *rozřeže a otewre wnitrnostj srdca* (Baj.); *Zrostlj po sveg wuli / Yotce ven wízene* (Ben., 17) – *Yelena po rohách / Medveda po nohach, / Snadno poznatj mužeš* (Ben., 36); *Sedmu Notu pastyrowe Jobowi neminu, / Když od ohne Nebeskeho y z owcami hinu* (Gavl.) – *Bezbožny zlosti roztrása, neb gich nekupuge, / Každý Mudry od takého kupca odstupuge* (Gavl.); *ukážem tebe muža, kterého hledáš* (Bibl.); *a pochován gest w hrob'e otca swého* (Bibl.); *Za tych časůw nebylo krála w lidu Yzrahélském* (Bibl.).

История перегласовок в формах род. пад. ед.ч. существительных мужского и среднего родов фактически повторяется и в формах дат. пад. ед. ч. тех же существительных. Ср. примеры: *y hněd rekla k Sudcy* (Sm., 46) – *komuto koncu gedinemu* (Sm., 8); *ku Panně zaslubeneg Muži, kterémuž gměno bylo Jozeff* (Macs., 12) – *mohel ... ku koncu priwesti* (Macs., 7); *hore ksluncyleficy* (Baj.) – *podwečer bezal k Palcu* (Baj.); *Lakomcy štedremu, / Kurvaczy staremu / Protivnu gest šlechetnost* (Ben., 22) – *Žebraku pišnum bi' / Chromemu k tancu git / Smišna muzika biva* (Ben., 22); *abi bily rowne k srdcy foremnemu* (Sel.); *Sstesti mnohich zaslepuge a o zrak priwadza, / A newime, až když Sstesti ku koncy pryhadza* (Gavl.) – *Gestli budess pracam twogim missat weselosti; / Schopny budess welke prace ku koncu priwesti* (Gavl.). Отличительной особенностью данной формы является то, что флексия *-i* с перегласованным гласным частично проникает даже в кодификацию А.Бернолака, допускающего ее употребление в соответствующих формах существительных среднего рода [Gramatické díelo Antona Bernoláka 1964, 171].

В отличие от уже рассмотренных грамматических форм в некоторых случаях перегласованные формы уступают в конкуренции неперегласованным уже к началу XVIII века.

Ярким примером этого типа является изменение огласовки глагольных форм 3 л. мн.ч. настоящего времени. Исходные флексии с перегласовкой последовательно сохраняются только в переводе "Ритуала Н.Олага": *nadarmo usylugj ti kteriž stawěgi geg* (Ol., 18); *kdj wartugj stražny* (Ol., 18), т.е. в XVI в. У П.Беницкого и Б.Смртника, т.е. во второй половине XVII в., фиксируются дублетные формы: *Kupcove, flagnarkj, / V hostincoch krczmarky / Nemaгі dluho spavat* (Ben., 11); *Neb vecý nahlive / Negsau trvanlive / Musegj svu skazu vzit* (Ben., 12) – *Šaty ozdobene, / Czinicz telo pišne / Molove prežtraju* (Ben., 6); *Ne z nakladnu zbrogj / Na širokem polj / Nepriteluw styhagu* (Ben., 17); *Na tisice takowe hrjčky pachagj se* (Sm., 16); *ostatky z Stola zbyragj* (Sm., 25) – *hledagu smrt a nemohu nagti* (Sm., 19); *snad na twe statky čyhagu* (Sm., 41). В изученных же памятниках более позднего периода практически регулярно употребляются генетически словацкие формы: *ony tez zadagu wzacznot smichu widjet* (Sel.); *orumparti drahe na rukah panugu* (Sel.); *Studenu žinčicu rano y w poledne pigu, / Ale na večer horucu, z tym napogem žigu* (Gavl.); *Nekteri se disputugu o tom, čo neweda, / Z geža chtegu proukazat welkeho medweda* (Gavl.); *prez čtyrydcet pět dnj vdy gehu se fformugu* (Macs., 14); *odpusstěnj hrjčůw wezmu skrze Gméno gehu wssecy, ktery wěra w něho* (Macs., 52); *gako obyčag magú psy chlyptati* (Bibl.); *nech wás ony wyslobod'á za času uzkości* (Bibl.); *swogu slepotu wpekle oplakawagu* (Mok.); *proto odplatu nebesku za swu službu dotawagu* (Vr.); *nebo sliby se obicěžně russa* (Baj.).

Определенную аналогию вышеперассмотренному явлению представляет собой развитие глагольных форм 3 л. ед. ч. настоящего времени, однако в этом случае процесс вытеснения перегласованных форм неперегласованными оказывается несколько сдвинут во времени, так как первые еще последовательно употребляются у П.Беницкого: *Velkj titul mitj, / Poddanich nemitj, / Malu slavu prinašy* (Ben., 24); *Tak čžlovek pobožnj / V prenasledovanj / Všecko milerad znašy* (Ben., 9). Кроме

того, он не достигает столь высокой степени интенсивности, как в формах 3 л. мн.ч., и перегласованные формы спорадически появляются и у других авторов: *což vycházy z vst mých* (Macs., 6); *Podle dawneho skusení rozkoss obcu kazy, / Neb do obce skrze rozkoss wsselika zlost wchady* (Gavl.). Впрочем, наличие и тех, и других форм у Г.Гавловича расширяет возможности создания рифмы, поэтому может рассматриваться как особенность его поэтического языка.

К этому же типу развития перегласовок можно отнести и формы существительных женского рода с основой на функционально мягкий согласный. С точки зрения наличия или отсутствия конкуренции перегласованных и неперегласованных гласных в указанных формах все рассмотренные произведения разбиваются на три группы, представляя собой три хронологических среза. К первой группе относится перевод "Ритуала Н.Олага", последовательно отражающий исходное состояние, характерное для древнечешского языка. Ср. примеры: *abychom wyru nassi lasku a nadegi y trpeliwost potwrdili* (I); *cožkoli wpysniych swatych napsano gest* (3); *wassněmi a naklonnostmi okuklenych* (6). Вторую группу памятников, фиксирующих жесткую конкуренцию перегласованных и неперегласованных форм данных существительных, составляют "Словацкие стихи" П.Беницкого и "Искусство хорошо умереть" Б.Смртника. При этом в парадигмах существительных с нулевой флексией в им. пад. ед.ч. типа *kost* изучаемая конкуренция выступает в осложненном виде. Как известно, эта парадигма уже в древнечешский период испытывает сильное влияние парадигмы существительных бывших *ja*-основ, приведшее в частности к появлению дублетных форм в дат. и предл. пад. мн. ч. соответственно с флексиями *-em* и *-ech*, восходящими к праславянским флексиям **-ьmъ* и **-ьchъ*, и *-im*, *-ich*, которые представляют собой перегласованные варианты флексий *-ām*, *-āch* [Lamprecht, Šlosar, Bauer 1986, 161]. Последние (перегласованные) в памятниках

словацкой письменности вытесняются генетически словацкими (неперегласованными), которые занимают их место в оппозиции с исконными флексиями данной парадигмы, постоянно расширяя сферу своего употребления.

Приведем примеры из произведений названных авторов:

Blazen bez Umyslu / Miva Pracy gistu / Ale však bez užtku (Ben., 11); *Had kužy svu zyleka, / Orlyce z daleka / Letagicz y pera pušty* (Ben., 28); *Nemocný z nemocy / Sylny vlasnu mocy / Cžasem sobe pomožu* (Ben., 32) — *Lepšy kiselicu, / Valasku žinčycu / Zmilym ledakde gidat* (Ben., 39); *Mstiteľ Bůh Wssemohucy na dwerich gest* (Sm., 30); *z weliku horliwosti* (Sm., 8) — *žádan rozkossam at misto neda* (Sm., 39); *trestati smrtu prestupnjch odklada* (Sm., 8); *Horliwostu naramnu Horil gest* (Sm., 37).

Все же рассмотренные памятники XVIII в. свидетельствуют о том, что в данной грамматической позиции процесс уже практически завершился: *na dnešnj Neđelu / tak y na nasledugjcy* (Macs., 2); *teskliwy z weliku prudkostu y gegi Narozenj žádal* (Macs., 11); *které mezy winicama založené gest* (Bibl.); *který kdiž drjmotu spolú z smrtú zmissal oslabel y zémrel* (Bibl.); *awiste gich obratili k zemskim wecam* (Mok.); *žnilostu a lasku geho pohrdagu* (Mok.); *Ruža widawa libesnu wunu* (Vr.); *telo sedmi kopigami prehnate* (Vr.); *Swatj w klassteroch, w pusszczach, o nebeskich wecach rozimagu* (Baj.); *ne z falessnostu, ale z prawdu wssady zachazat* (Baj.); *bohina wssem ginssim w tanczy predložena* (Sel.); *Wise osmy roku gak panju zostala* (Sel.); *Y w Studnicach negčistegssich nachadžu se blato, / Nekdy barwu promenuge a y čiste žlato* (Gavl.); *Chodite, dewki, preč zowcami, was tu nežadame, / Na dobry čas sme treffili, wodu v žlaboch mame* (Gavl.).

Важное значение для вскрытия процесса формирования словацкой письменной традиции имеет отражение в текстах результатов древнечешского изменения *aj > ej*, иногда называемого регрессивной перегласовкой. Уже в переводе "Ригуала Н.Олага" обнаруживаются формы как с исходным

сочетанием *aj*, так и новым *ej*: *Synu Boha negwyžssjho* (9); *wden neyposlednegssj* (13) — *ku chwale y slawe gmena tweho nayswategssiho* (1); *O Synu Boha naywižssjho* (3); *Deyž nam prosyme ...* (3) — *Day nam ten dar* (12); *Dayž nam to prosyme Bože a Pane dobrotiwy* (14). Может возникнуть предположение, что в данном случае зафиксирован один из наиболее ранних словакизмов в письменных текстах — неперегласованная группа *aj*. Однако это не так. Как отмечает М. Комарек, наибольшей интенсивности изменение *aj > ej* достигает только в XVII вв. [Komárek 1969, 175], тогда как тексты XV — XVI вв. характеризуются дублетностью форм. Таким образом, данная особенность языка перевода "Ритуала Н. Олага" непосредственно указывает на его связь с древнечешским литературным языком.

Итак, анализ перегласовок в памятниках словацкой письменности показывает, что в качестве письменного языка у словаков функционировало особое языковое образование гибридного характера, имевшее свою структуру и собственные тенденции развития. Истоки этого языкового образования восходят к древнечешскому литературному языку, а кульминацией в развитии явилась кодификация А. Бернолака, непосредственно опиравшаяся на предшествующую письменную традицию.

ИСТОЧНИКИ

Baj.	Bajan P. Sermones 1760-1771 (rukopis)
Ben.	Básne Petra Benického // Archiv starých česko-slovenských listín, písemností a dejepisných pôvodín pre dejepis a literatúru Slovákov. Diel II., Sväzok I. Turč. sv. Martin, 1873.
Bibl.	Kamaldulská biblia 1756-1759 (rukopis).

Gavl.	Gavlovič H. Walaska Sskola 1755 (rukopis).
Macs.	Macsay A. Panes primatiarium aneb Chleby prwotjn. Tmawa, 1718.
Mok.	Mokoš D. Sermones 1752 - 1774 (rukopis).
Ol.	Oláh N. Ordo et ritus sanctae metropolitane ecclesie Strigoniensis, quibus parochi et alii animarum pastores in ecclesiis suis uti debent. Viennae Austriae, 1560 (preklad, rukopis).
Sel.	Selecký Š. F. Obraz panye krasneg perem malowany. 1701 (rukopis).
Sm.	Smrtnik F.B. Kunsst dobre vmriti. Tmawa, 1697.
Vr.	Vrabel G. Sermones 1766 (rukopis).

ЛИТЕРАТУРА

Кречмер А. Актуальные вопросы истории русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1995. № 6.

Наумов А. Средневековая литература и богослужение // *Ricerche slavistiche*. 42. 1995.

Смирнов Л.Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780-1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Толстой Н.И. Slavia Orthodoxa и Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации (опыт предварительной оценки) // Вопросы языкознания. 1997. № 2.

Blanár V. Podmienky a predpoklady vývinu spisovnej slovenčiny // *Wiener slawistischer Almanach*. Roč. 37. Č. 1. 1990.

Doruľa J. O češtine na Slovensku v 16. a 17. storočí a o vývine slovenskej slovnej zásoby // *Slavica Slovaca*. Roč. 2. Č. 1. 1967.

Đurovič L'. Vývin kodifikácie spisovnej slovenčiny pred Bernolákom // *Slovenská literatúra*. Roč. 37. Č. 1. 1990.

Gramatické dielo Antona Bernoláka. Bratislava, 1964.

Komárek M. Historická mluvnice česká. I. Hláskosloví. Praha, 1969.

Krajčovič R. Čeština a slovenčina v starších archiváliách v predpisovnom období. Bratislava, 1991.

Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J. Historická mluvnice češtiny. Praha, 1986.

Novák L'. Čeština na Slovensku a vznik spisovnej slovenčiny // Slovenské pohľady. Roč. 54. 1938.

Pauliny E. Na okraj kamaldulského písma // Verbum. Roč. I. 1946 - 47.

Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1948.

Pranda A. Jazykové a mimojazykové motivácie narúšania českej spisovnej normy na Slovensku v XV. a XVII. storočí // Slovanská Bratislava. Roč. I. 1948.

Vlkolinský J. O "prvej" knihe slovenskej // Živena. Roč. 22. 1885.

Weingart M. O nejstarších jazykových památkách slovenských // Časopis pro moderní filologii. Roč. 21. № 2. 1935.

Е.И.Демпна
(Москва)

**К проблеме греческо-болгарских
культурных связей
поствизантийского периода (XVI – XVII вв.)**

Многообъектная и многоаспектная проблема греческо-болгарских культурных связей поствизантийского периода, остающаяся пока слабо разработанной, может быть поставлена в достаточно полном объеме лишь после проведения серии предварительных исследований, посвященных частным, но существенным для создания общей концепции сторонам этой проблемы. В настоящей работе рассматривается один из таких частных вопросов, а именно – вопрос о характере воздействия греческой словесности конца XVI–XVII столетий на болгарскую письменность этого предвозрожденческого периода и, специально, – на язык этой письменности, народный в своей основе и занимающий особое место в истории литературного языка в Болгарии.

Как известно, во второй половине XVI в. в поработенной Османской империей Греции возникает и на протяжении XVII–XVIII вв. получает широкое развитие активная тенденция к демократизации культуры и письменности, одним из ярких проявлений которой было стремление к отказу от традиционного литературного языка византийской эпохи, законсервированного традицией и уже во многом непонятного простому народу, к созданию литературы на народном в своей основе новогреческом языке. Греческие писатели-проповедники второй половины XVI в. Теофан Ритор (Елеавулк), Дамаскин Студит, Йоакимий Картанос и др. [Кпѳs 1965; Димарас 1971; Трифонов 1950] выдвигают программное требование сделать доступными для широких масс произведения византийских писателей, чтобы заключенные в них знания не

уподоблялись, по словам Дамаскина Студита, красивому и благоуханному, но обнесенному неприступной оградой саду, опечатанному источнику.

Стремясь к сохранению и укреплению национальной культуры и народностного самосознания, названные книжники обращаются к произведениям византийских авторов – апокрифическим сказаниям, житиям святых, рассказам, проповедям, которые в том или ином отношении соответствовали бы запросам времени. Они пересказывают, перелагают в доступной для простого читателя форме эти произведения, дополняют их рядом сведений познавательного характера, используя при этом выразительные средства живого новогреческого языка ("κοινή γλώσσα").

Особую популярность простотой и доступностью изложения, драматичностью и увлекательностью содержания снискал себе распространившийся в рукописном виде и много раз издававшийся (вплоть до начала XX в.) сборник поучительных слов, житий, апокрифов, проповедей Дамаскина Студита "Сокровище" ("θησαυρός"), впервые опубликованный в 1557–1558 г. в Венеции и получивший широкое распространение не только в Греции, но и на славянском Юге [Петканова-Тотева 1965; Демина 1968; здесь и библиография] и в румынских княжествах [Olteanu 1973]. Был он известен и в Московской Руси XVII в. [Соболевский 1903, 333–334; Лавров 1901; Попов 1872, 141 № 69]. Для языка "Сокровища" был характерен ряд особенностей живой народной речи своего времени: тенденция к аналитизму имени и глагола (распад надежной системы, аналитические формы будущего времени глагола, утрата древнегреческого инфинитива, ограниченное употребление опатива и плюсквамперфекта и др.), использование ранее неизвестных литературному языку народных слов при обозначении реалий, близких к народному быту. В то же время, Дамаскин Студит во многом еще следовал старой

византийской ораторской и проповеднической традиции, что придаст языку сго произведений книжный характер.

В этот же период (середина XVI в.) появляется первая грамматика "вульгарного" греческого языка, изданная в 1550 г., автор которой – Николас Софианос – отстаивал мнение, что "науки изучаются не только при помощи древнегреческого языка, но и при помощи всякого другого языка, который только есть у народа, хотя бы он был самым варварским на свете", и считал возможным изложить на "обычном" языке, "который понимают чуть ли не женщины", риторику, логику и философию [Sophianos 1874, 85-86]. Тенденция к демократизации языка письменности усиливается в Греции в XVII в., когда появляются также и светские сочинения на новогреческом языке. Так в 1630 г. митрополит Монемвасийский Дорофей издает на новогреческом свой труд "История" ("Ἱστορίον ἱστορικόν"), посвященный политической и церковной истории Рима и Византии от создания света до падения Цариграда под власть турок и далее вплоть до 1629 г. В 1642 г. в Венеции выходит в свет книга Йоакимия Маркароса "Метеорология" ("Μετεωρολόγιον"), как и "История" митрополита Дорофея, основанная на византийских источниках и популяризирующая содержащиеся в них знания. Особенно широкое распространение в XVII в. получили светские и вероисповедные книги монаха Агапия Критского, в частности "Спасение грешных" ("Ἀμαρτωλῶν σωτηρία", Венеция 1641) и "Недельник" ("Κυριακοδρόμιον", Венеция 1675), адресованные для чтения простому народу и пользовавшиеся популярностью в балканских странах вплоть до XIX в. [Петканова-Тотева 1969].

На болгарскую письменность конца XVI – XVII вв. особое влияние оказал сборник Дамаскина Студита "Сокровище". Дважды переведенный еще в конце XVI в. в Македонии и в районе Средней Горы на традиционный болгарский

литературный язык ресавской редакции и легший в основу письменности дамаскинов (см. об этом [Демина 1968, 42-50]; здесь же и библиографические данные о дамаскинах среднегорского и македонского типов), он получил широкое распространение в Болгарии в XVII и, позднее, в XVIII в. Возникает целый ряд новых переводов и версий отдельных статей этого сборника, создатели которых, взяв за основу книжного языка живую народную речь аналитического грамматического строя, вместе с тем умело воспользовались системой письма и недостающим словарным составом традиционного литературного языка [Демина 1973]. Первый из этих переводов части статей из "Сокровища", дополненный статьями из старших славянских источников в их новоболгарской версии, появился, как можно полагать на основании палеографических данных и анализа диалектной основы его языка, в первой половине XVII в. в районе Средней Старой Планины в составе бывшей Ловечской епархии [Демина 1985, гл. III]. Он представлен целым рядом рукописных сборников, которые в болгарской культурной традиции назывались дамаскинами — по имени автора, повторявшемся в названии каждой из статей "Сокровища". По нашей классификации [Демина 1968, 53-57; здесь и археографические и библиографические данные] это дамаскины I и II новоболгарских типов: Тихонравовский, Копривштенский, Троицкий, Люблянский, Тревненский, Дряновские и др. дамаскины XVII в.

Именно этот перевод, в котором отражен первый в истории болгарского литературного языка в послекирилло-мефодиевскую эпоху опыт создания книжного языка на народной основе, и привлекает в данной работе наше внимание. Хотелось бы высказать и попытаться обосновать свое критическое отношение к давно уже прочно утвердившейся в славянской филологии и распространенной вплоть до настоящего времени точке зрения, согласно которой появление народного в своей основе книжного болгарского языка XVII в.

обязано своим происхождением прямому воздействию языка "Сокровища" Дамаскина Студита.

Впервые это мнение было сформулировано в 1899 г. П.А.Лавровым в его известном исследовании "Дамаскин Студит и сборники его имени "дамаскины" в югославской письменности". "Мы не ошибемся, если влиянию греческого оригинала припишем народный характер самого славянского перевода" [Лавров 1899, 3], – утверждает Лавров, и далее пишет: "Сначала переводной язык был обычный литературный язык той эпохи – болгаро-сербский, хотя и в нем заметна свежесть, и в нем пробивается народная струя, сказывающаяся в народных выражениях и во влиянии живого языка. Но еще очевиднее результаты этого влияния выступают в тех сборниках, в которых на смену литературного является народный язык во всем разнообразии живых его говоров" [Лавров 1899, 3]. В свою очередь известный болгарский филолог Б.Цонев писал: "Произведения греческого проповедника Дамаскина Студита..., будучи составленными на простом греческом языке, переводятся также на простой болгарский и становятся любимейшим чтением болгар в XVII, XVIII и даже XIX веке" [Цонев 1919, 274-275]. В высказываниях современных филологов также утверждается, что «под влиянием "Сокровища", составленного на народном греческом языке, болгарские книжники впервые обратились к живому народному языку» [Бернштейн 1957, 215], или же: "еще в начале XVII в. под влиянием Дамаскина Студита наши книжники начинают писать на разговорном языке" [Петканова-Тотева 1965, 40].

Во многом это мнение, возможно, основано на убеждении, высказанном еще в 1874 г. И.И.Срезневским, впервые обратившим внимание на связь болгарских дамаскинов с "Сокровищем". Срезневский не сомневался в том, что оба известных ему перевода "на язык церковнославянский и на язык простой болгарский" *независимо один от другого* восходят непосредственно к греческому оригиналу [Срезневский 1874,

164-165]. И хотя еще Лавров высказал предположение, "что могли быть примеры того и другого, т.е. пользования старым переводом и перевода вновь" [Лавров 1899, 60], сама мысль о прямом в процессе перевода воздействии языка греческого текста как причине возникновения книжного болгарского языка XVII в. на народной основе закрепились в сознании исследователей и вошла в научный обиход.

Вместе с тем, проведенное нами сравнительно-текстологическое исследование всего круга дамаскинов XVI-XVII вв. [Демина 1968] позволяет выдвинуть мысль о том, что оценка воздействия "Сокровища" Дамаскина Студита на различные славянские и болгарские переводы входящих в него произведений должна быть дифференцированной. Необходимо четко разграничивать случаи, когда речь может идти не только о влиянии самой *идеи* о важности общедоступного языка письменности, но и о *ситуации двуязычия, о прямом в процессе перевода влиянии* языковой модели греческого оригинала (понимая под таковой всю специфическую для "Сокровища" совокупность лексико-грамматических и стилистических средств в их отношении к византийской языковой традиции) и случаи, когда непосредственное влияние греческого оригинала в процессе создания болгарского текста не имело места [Демина 1971, 54-62].

Что касается переводов конца XVI в. — македонского и среднегорского, о которых говорилось выше, то каждый из них восходит непосредственно к греческому тексту и тем самым мог испытывать на себе его прямое влияние. Некоторые, впрочем незначительные, следы такого влияния можно отметить. Так, например, славянские переводчики восприняли и перенесли в свой текст принятый греческим автором принцип использования "византийского" языка в цитатах из Библии и новогреческого в их толковании. В частности, это нашло отражение в использовании синонимических книжных и народных лексических средств на месте аналогичного

распределения традиционных и новогреческих слов оригинала [Илиевски 1964, 95].

Иначе обстоит дело со старшим новоболгарским переводом. Как показал сравнительно-текстологический анализ, вошедшие в новоболгарский сборник произведения из "Сокровища" Дамаскина Студита переводились не непосредственно с греческого оригинала, а с его первоначального перевода на традиционный литературный язык – со среднегорского перевода [Демина 1962; Демина 1968, гл. III]. При этом сам набор и последовательность включенных в новоболгарский сборник статей не соответствует ни "Сокровищу", ни дамаскинам среднегорской редакции. По замыслу его создателей, этот сборник подобно древним славянским гомилиарам должен был содержать цикл произведений, соотнесенных с церковным календарем (с начала индикта 1 сентября, далее по дням и неделям Великого поста) и предназначался для чтения в церквях простому народу. Исходя из этой задачи, болгарские книжники перевели только часть произведений из "Сокровища", дополнив их необходимыми произведениями из старших славянских источников. Вошло в сборник и одно из произведений собственно болгарского автора; это Житие св. Петки Тырновской знаменитого болгарского патриарха Евфимия Тырновского в его новоболгарской версии ([Демина 1980]; здесь и библиографические данные). Однако на протяжении всего сборника, даже в тех случаях когда болгарский текст восходит к болгарским источникам, отличающимся весьма архаичным языком и стилем, ему свойственен все тот же живой народный язык, обогащенный традиционными книжными элементами, и доступная манера изложения.

Уже данное обстоятельство само по себе свидетельствует о том, что, решая вопрос о потенциальном влиянии греческого оригинала на язык старшего новоболгарского текста, можно скорее говорить о восприятии болгарскими книжниками *самой идеи* общедоступного языка письменности и попытке осу-

существить эту идею на болгарской почве, взяв за основу книжного языка один из народных идиомов. Принципиально важно, что эта попытка была предпринята в условиях своеобразного взаимодействия двух типологически отличных идиомов, репрезентирующих разные формы существования болгарского языка (одна из разновидностей традиционного болгарского литературного языка синтетического строя – один из разговорных идиомов новоболгарского народного языка аналитического строя). Перевод с развитого и еще вполне нормированного литературного языка, выполненный прекрасно владевшими им книжниками, обладавшими хорошим филологическим чутьем, определил существенные особенности первого типа книжного болгарского языка на народной основе, обогатив его недостающими выразительными средствами и придав ему с самого начала относительно нормированный характер. Попытка включить один из народных идиомов в сферу достаточно высокой культуры при этом, бесспорно, облегчалась и намеренно популяризаторским, общедоступным содержанием произведений Дамаскина Студита. Не могло не сыграть своей роли и знакомство с языковой ситуацией этого времени в Греции.

Однако и сведение проблемы к восприятию самой идеи общедоступного языка письменности несколько упрощало бы действительную картину. Чтобы идея демократизации языка письменности глубоко укоренилась на болгарской почве, были необходимы определенные социально-исторические и историко-культурные условия внутри страны, что следует иметь в виду, оценивая влияние Дамаскина Студита. Более того, знакомство с языковой ситуацией конца XVI–XVII вв. у других балканских народов показывает, что у них этот период также является переломным, характеризуется существенными изменениями в литературном языке как историко-культурном феномене, обусловленными соответствующими экономическими и социальными сдвигами. Именно в этот период у всех балканских народов наблюдается отказ от используемого как инструмент

культурного общения непонятного (или уже малопонятного) простому народу традиционного литературного языка различных редакций (древнеболгарского языка среднеболгарского типа в Болгарии, Валахии, Трансильвании, Молдове, отчасти – Албании, классического языка византийской эпохи – в Греции, арабского – в Албании) и создание новых книжных языков на народной основе, претендующих на роль литературных. Это, в свою очередь, было связано с общей демократизацией культуры и письменности в этот предвозрожденческий период ([Демина 1974]; в сокращенном виде в [Балканские исследования 1976, 285-290]). В условиях упадка в конце XVI – начале XVII в. Османской империи в результате ряда военных поражений, разложения военно-феодальной системы, усиления политики религиозной дискриминации и насильственной ассимиляции балканских народов, с одной стороны (известным исключением здесь является Греция), подъема освободительного движения балканских народов, роста городов, развития ремесла и торговли, с другой, создание письменности на доступном народу языке явилось своеобразной формой борьбы против языковой и религиозной дискриминации за самобытность культуры, формой сплочения народности и укрепления национального самосознания.

Рассмотренный в более широком, европейском контексте этот процесс явился вместе с тем отражением прокатившейся по Европе мощной волны Реформации, идей гуманизма, ускорившей формирование ряда европейских литературных языков на народной основе. Важно иметь в виду языковую ситуацию этого времени у всех народов мира *Slavia Latina* и *Slavia Orthodoxa*, где также шел активный процесс формирования книжно-литературных идиомов на народной основе (см. об этом [Демина 1993]), происходило "органическое, проникающее сближение ранее противопоставленных и обособленных систем письменного и разговорного языков" [Ларин 1961, 25]. В свете этих данных, появление первого типа

книжного болгарского языка на народной основе, открывающего собой период болгарского Предвозрождения, может быть расценено не столько в аспекте греческого влияния, безусловно, сыгравшего значительную роль в популяризации идеи демократизации языка письменности, сколько в аспекте общих типологических тенденций развития литературных языков этого времени.

ЛИТЕРАТУРА

Бернштейн С.Б. К изучению редакций болгарских списков "Сокровища" Дамаскина Студита // *Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов*. София, 1957. С. 215.

Демина Е.И. Классификация болгарских дамаскинов по редакциям "Чуда о ковре" // *Ученые записки Института славяноведения АН СССР*. Т. XXIII. 1962. С. 212-246.

Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Часть I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968.

Демина Е.И. О характере влияния "Сокровища" Дамаскина Студита на болгарскую письменность XVI-XVII вв. // *Исследования по славянскому языкознанию*. Сб. в честь шестидесятилетия профессора С.Б.Бернштейна. М., 1971. С. 54-62.

Демина Е.И. Проблема нормы в формировании книжного болгарского языка XVII в. на народной основе // *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов*. Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. М., 1973. С. 118-141.

Демина Е.И. Типологическая характеристика раннего этапа формирования балканских литературных языков // *Доклады и сообщения советской делегации. III Международный*

конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. Бухарест, 4-10 сентября 1974 г. М., 1974. То же в сокращенном виде см. в кн.: Балканские исследования. Проблемы истории культуры. М., 1976. С. 285-290.

Демина Е.И. "Житие Петки" Евфимия Тырновского в новоболгарской письменности // Тырновска книжовна школа. 2. Ученици и последователи на Евтимий Тырновски. София, 1980. С. 183-192.

Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Часть III. Тихонравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. София, 1985. Глава III.

Демина Е.И. Традиция и новые тенденции развития славянских литературных языков в преднациональный период // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, 31 августа – 7 сентября 1993. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 121- 136.

Димарас К. История на новогръцката литература от първите начала до наши дни. Преведе от гръцки К.Делчев. София, 1971.

Илиевски П. Некои лексички особености во македонскиот превод на Дамаскинот // Македонски јазик, год. XV, кн. 1-2, 1964.

Лавров П.А. Дамаскин Студит и сборники его имени "дамаскины" в югославянской письменности. Одесса, 1899.

Лавров П.А. "Сокровище" Дамаскина Студита в новом русском переводе. Одесса, 1901. С. 1- 26.

Ларин Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961.

Петканова-Тотева Д. Дамаскините в българската литература. София, 1965.

Петканова-Тотева Д. Из гръцко-българските книжовни отношения през XVII-XVIII век // Годишник на Софийския

университет, ф-т по славянски филологии. Т. XII. 1969. С. 53-149.

Попов А.Н. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А.И.Хлудова. М., 1872. С. 141. № 69.

Соболевский А. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII вв. СПб., 1903.

Трифонов Ю. Ритор Теофан и иподякон Дамаскин Студит // Списание на Българска академия на науките. Кн. LXXI , историко-филологически клон. 34. 1950. С. 1- 27.

Цонев Б. История на българский език. Т. I. София, 1919.

Knös B. L'histoire de la littérature néogrecque. Stokholm, 1965.

**Список научных трудов
доктора филологических наук
Льва Никандровича Смирнова**

1956 - 1961

1. К вопросу о страдательных конструкциях в словацком литературном языке // Ученые записки Института славяноведения. М., 1956. Т. 13. С. 240-253.

2. Рец. на кн.: Kapitoly ze stonpávací mluvnice ruské a české. Praha. ČSAV. 1956. // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 144-145.

3. IV съезд славистов // Вестник истории мировой культуры. М., 1958, № 6. С. 234-238 (в соавторстве с Б.Ф.Стахеевым).

4. Вопросы истории славянских литературных языков на IV Международном съезде славистов // Вопросы языкознания. 1959. № 4. С. 130-133 (в соавторстве с В.В.Веселитским).

5. Новые издания [о журн. Jazykovedný časopis] // Вопросы языкознания. 1959. № 5. С. 150-151.

6. Научн. пер. с чеш.: К.Горалек. Несколько замечаний о задачах сравнительно-исторической лексикологии славянских языков // Славянское языкознание. Сб. статей. М., 1959. С. 28-34.

7. Соотносительное употребление форм прошедшего времени в словацком литературном языке // Ученые записки Института славяноведения. М., 1960. Т. 19. С. 70-100.

8. Научн. пер. со словац. яз.: Й.Штольц. Некоторые вопросы общеславянского атласа и атласа словацкого языка // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 3-11.

9. Издания советского комитета славистов // Краткие сообщения Института славяноведения, 1961. Вып. 32. С. 136-137.

1962

10. Употребление форм прошедшего времени совершенного вида со значением повторяемости // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 35. С. 29-43.

11. Значение и употребление форм прошедшего времени в современном словацком литературном языке. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. канд. филолог. наук. М., 22 с.

12. Значение и употребление форм прошедшего времени в современном словацком литературном языке. Дисс. на соискание уч. ст. канд. филолог. наук. Машинопись. М. 16 а.л.

13. Выступл. по докл.: W.Boeck. Der Tempusgebrauch in den ruischen Objekt- und Subjektsätzen, seine historische Entwicklung und sein stilistischer Wert // IV международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М.. С. 217-218.

1963

14. Вклад П.Й.Шафарика в славянское языкознание (к 100-летию со дня смерти) // Краткие сообщения Института славяноведения. Славянское языкознание. Вып. 38. С. 55-67.

15. Русские лингвисты о вкладе П.Й.Шафарика в славянское языкознание // Odkaz P.J.Šafárika (Slovanské štúdie VI). Bratislava, 1963.S. 189-195.

16. Научн. пер. с чеш. и польск.: Пробный вопросник к общеславянскому лингвистическому атласу // Вопросы языкознания. № 1. С. 67-74 (Совместно с З.Н.Стрекаловой).

17. Аннотированный библиографический список иностранных словарей, 1957-1958 гг. издания, полученных крупнейшими библиотеками Москвы. I. // Лексикографический сборник. М. Вып. VI. С. 199-230 (Совместно с З.Н.Стрекаловой).

18. Научн. пер. со словац.: Й.Штольд. Об общеславянском лингвистическом атласе // Вопросы языкознания. № 3. С. 53-57.

1964

19. Добровский (Dobrovský), Йосеф (17.VIII. 1753 – 6.1.1829) // Советская историческая энциклопедия. М. Т.5.
20. Poznámka o prenesenom používaní tvarov prétérita v spisovnej slovenčine // Slovenská reč, Bratislava. Čís.3. S. 137-139.
21. Научн. пер. с чеш.: Фр.Данеш. Опыт теоретической интерпретации синтаксической омонимии // Вопросы языкознания. № 6. С. 3-16.

1965

22. У истоков словацкого литературного языка (обзор новейшей литературы о языковой деятельности А.Бернолака) // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 43. С. 85-94.
23. Антон Бернолак // Славянское источниковедение. М. С. 138-145.
24. Материалы конференции по вопросам развития современного словацкого литературного языка // Советское славяноведение, № 3. С. 119.
25. Дискуссия о культуре языка в Словакии // Советское славяноведение, № 6. С. 92-95.
26. Рец. на кн.: V. Havránek. Studie o spisovném jazyce. Praha, 1963. 372 s. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 24. Вып. 6. С. 555-557.
27. Научн. пер. со словац.: А.Габовиштяк. Пастушеская терминология в Общеславянском лингвистическом атласе // Общеславянский лингвистический атлас (Материалы и исследования). М. С. 109-116.

1966

28. О научном изучении словацкого языка в СССР // Ruštínár. Bratislava. Roč. I. Čís. 10. S. 297-299.

29. Сборник докладов чехословацких лексикографов (рец. на кн.: Lexikografický sborník. Bratislava. 1961) // Современная русская лексикография. М., Наука. С. 160-166.

30. Научн. пер. с чеш.: Ф.В.Мареш. Проект подготовки словаря церковнославянского языка // Вопросы языкознания. № 5. С. 86-99.

1967

31. К вопросу о теории языковой культуры // Kultúra spisovnej slovenčiny. Bratislava. 1967. S. 124-125.

32. Научн. пер. со словац.: Й.Мистрик. Математико-статистические методы в стилистике // Вопросы языкознания. № 3. С. 42-52.

33. Защита диссертаций // Советское славяноведение, № 2. С. 119-120.

34. Научн. пер. с чеш.: М.Докулил. К вопросу о морфологической категории // Вопросы языкознания. № 6. С. 3-16.

1968

35. Научн. пер. со словац.: М.Лациок. Русская славистика и словацкий язык // Советское славяноведение, № 2. С. 65-72.

36. Научн. пер. со словац.: Й.Штольц. Состояние, проблемы и задачи словацкой диалектологии // Вопросы языкознания. № 4.

1969

37. О роли Антона Бернолака в истории словацкого литературного языка // Вопросы языкознания. № 6. С. 103-113.

38. Двувидовые глаголы в современном словацком литературном языке // Slavica slovsca. Bratislava. Roč. 4. Čís. 1. S. 40-70.

39. О роли А.Бернолака в истории словацкого литературного языка // Славянские литературные языки в донациональный период (Тезисы докладов). М. С. 18-19.

40. Конференция по истории славянских литературных языков донационального периода // Советское славяноведение, № 6. С. 112-115.

41. Рец. на кн.: J.Oravec. Väzba slovies v slovenčine. Bratislava, 1967. 389 s. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. № 6. С. 557-558.

1970

42. Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке // М., Наука, 216 с.

1971

43. Об одной особенности функционирования глаголов совершенного вида в словацком языке (сравнительно с русским) // Исследования по славянскому языкознанию. Сб. в честь шестидесятилетия профессора С.Б.Бернштейна. М., Наука. С. 236-241.

44. О видовых корреляциях типа *padaf'* - *padnúť'* в словацком языке // Jazykovedné štúdie. XI. Bratislava. S. 159-164.

45. Slovakistika v ZSSR (prehľad literatúry za roky 1960-1970) // Slovenská reč. Čís. 6. S.376-379.

46. Рец. на кн.: К.Набовštiaková. Bernolákovo jazykovedné dielo. Bratislava. 1968. 445 s. // Советское славяноведение, № 5. С. 98-100.

47. Научн. пер. со словац.: Шт.Пециар. Типы видовых альтернатив в словацком языке // Исследования по славянскому языкознанию. Сб. в честь шестидесятилетия профессора С.Б.Бернштейна. М., Наука. С. 216-227.

48. Научн. пер. со словац.: В.Бланар. О внутренних обусловленных семантических изменениях // Вопросы языкознания. № 1. С. 3-13.

49. Научн. пер. со словац.: Д.Коллар. Хроникальные заметки // Вопросы языкознания, № 1. С. 142-143.

50. Научн. пер. со словац.: В.Бланар. III словацкая ономастическая конференция // Вопросы языкознания, № 4. С. 142-144.

1972

51. Добровский (Dobrovský), Йосеф // Большая советская энциклопедия. М. Т.8.

1973

52. О переводах на русский язык романа Св.Гурбана-Ваянского "Летающие тени" // Slovenská a ruská literatúra. Vzťahy a súvislosti. Bratislava. Vyd. SAV. S. 154-168.

53. К теории художественного перевода (проблемы лингво-стилистической адекватности) // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., Наука. С. 500-518.

54. К теории художественного перевода (проблемы лингво-стилистической адекватности) // VII Międzynarodowy kongres slawistów. Streszczenia referatów i komunikatów. Warszawa. S. 882-883.

1974

55. О роли культурных интердиалектов в процессе формирования славянских литературных языков // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII-XIX вв.). Тезисы докладов и сообщений. М., С. 30-31.

56. О префиксально-суффиксальном способе образования отыменных глаголов в словацком языке // *Jazykovedné štúdie*. XII. Bratislava. S. 165-171.

57. Научн. пер. со словац.: П.Ондрус. Словацкие говоры и карпатская языковая область // Советское славяноведение. № 3. С. 82-85.

1975

58. Рец. на кн.: *Slovo a slovník*. Bratislava. 1973. // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., № 6. С. 569-571.

59. Научн. пер. с чеш.: Й.Блашкович. Тюркологические исследования в Чехословакии // Вопросы языкознания. № 1. С. 122-126.

60. Научн. пер. со словац.: П.Ондрус. К вопросу о характеристике и классификации социальных диалектов // Вопросы языкознания. № 5.

1976

61. Словацкий язык // Большая советская энциклопедия. М. Т. 23.

62. Научн. пер. с чеш.: Я.Попела. Хроникальные заметки (О конф. в Праге "Акад. Л.В.Щерба и современное языкознание") // Вопросы языкознания, № 2. С. 153-155.

63. Научн. пер. со словац.: П.Ондрус. Принципы отбора слов для вопросника "Общекарпатского диалектологического

атласа" // Общекарпатский диалектологический атлас. Кишинев. С. 43-50.

1977

64. Вопрос о словацком литературном языке на разных этапах национального возрождения // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Наука. С. 193-203.

65. Научн. пер. со словац.: Я.Горецкий. Исходные принципы теории литературного языка // Вопросы языкознания. № 2. С. 57-63.

1978

66. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780-1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., Наука. С. 86-157.

67. От редколлегии // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., Наука. С. 5-8 (совместно с С.Б.Бернштейном и Г.К.Венедиктовым).

68. О роли культурных интердиалектов в процессе формирования славянских литературных языков // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII-XIX вв. М., Наука. С. 116-121.

69. Научн. пер. со словац.: Э. Паулини. Модель языковой коммуникации и соотношения формы и звука // Вопросы языкознания. № 4. С. 86-95.

70. Научн. пер. со словац.: Й.Ружичка. Характерные черты синхронного состояния языка // Языкознание в Чехословакии. Сб. статей. М., Прогресс. С. 7-17.

71. Научн. пер. с чеш.: К.Горалек. Бинарность, дихотомия, дуализм // Языкознание в Чехословакии. Сб. статей. М., Прогресс. С. 41-48.

72. Научн. пер. с чеш.: О.Лешка. Грамматические инварианты и лексическое значение // Языкознание в Чехословакии. Сб. статей. М., Прогресс. С. 142-147.

73. Научн. пер. со словац.: Я.Качала. Второе сказуемое и интонационная структура // Языкознание в Чехословакии. Сб. статей. М., Прогресс. С. 255-264.

74. Научн. пер. с чеш.: П.Новак. К вопросу о семантической сущности падежей и их так называемом целостном (общем) значении и локальности // Языкознание в Чехословакии. Сб. статей. М., Прогресс. С. 265-278.

75. Научн. пер. со словац.: Э.Секанинова. Классификация приставок в славянских языках (на основе структурно-семантического анализа) // Языкознание в Чехословакии. Сб. статей. М., Прогресс. С. 345-351.

76. Научн. пер. со словац.: П.Ондрус. Место числительных в системе частей речи // Языкознание в Чехословакии. Сб. статей. М., Прогресс. С. 352-356.

77. Чл. редкол.: Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., Наука, 355 с.

1979

78. О роли реформы М.М.Годжи-М.Гатталы в истории словацкого литературного языка // Славянское и балканское языкознание. М., Наука. С. 232-245.

79. Формирование национальных литературных языков зарубежных славян // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., Наука. С. 119-128.

80. Новый этап демократизации славянских литературных языков в эпоху социалистических преобразований // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Тезисы докладов и сообщений. Киев. С. 139-141.

81. Микуцкий С.П. // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., Наука. С. 235-236.

82. Поржезинский В.К. // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., Наука. С. 279-280.

83. Соколов А.А. // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., Наука. С. 314.

84. Ульянов Г.К. // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. М., Наука. С. 335-336.

85. Рец. на кн.: R.Krajčovič. Svedectvo dejín o slovenčine. Matica slovenská. 1977. 268 s. // Советское славяноведение. № 4. С. 119-120.

86. Рецензент-ред.: Veľký slovensko-ruský slovník. I. diel. Bratislava, Veda. 992 s.

87. Чл. редкол.: Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменность. М., Наука. 284 с.

1980

88. К проблематике сопоставительной славянской аспектологии // Materiály z II. sympozia o bohemistice v zahraničí. Praha.

89. О видовой характеристике глаголов типа *paranajkovať* sa в словацком языке // Jazykovedné štúdie. XV. Bratislava. S. 269-272.

90. О видовой соотносительности деноминативных префиксально-суффиксальных глаголов в словацком языке // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. Bratislava. Roč. XXX. S. 133-137.

1981

91. О языковом аспекте формирования нации // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., Наука. С. 95-101.

92. Отражение в литературно-языковой сфере борьбы за консолидацию словацкой нации // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., Наука. С. 197-211.

93. Рец. на кн.: Історія української мови. Морфологія. Київ, 1978 // Вопросы языкознания, № 2. С. 139-141.

94. Научн. пер. со словац.: Я.Горецкий. Морфематический аспект морфонологии в словацком языке // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., Наука. С. 299-302.

95. Чл. редкол.: Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М., Наука. 360 с.

96. Чл. редкол.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфонологии. М., Наука. 340 с.

1982

97. Новый этап демократизации славянских литературных языков в эпоху социалистических преобразований // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст. Киев. С. 320-324.

98. Предисловие // Э.Паулини. Краткая грамматика словацкого языка. М., Изд. Высшая школа. С. 5-8.

99. Влияние НТР на развитие лексики славянских литературных языков // Славянская культура и мировой культурный прогресс. Тезисы докладов и сообщений. Минск.

100. Рецензент-ред.: Veľký slovensko-ruský slovník. II. diel. Bratislava, Veda. 848s.

1983

101. О словообразовательной вариативности отвлеченных существительных в литературном словацком языке на начальном этапе его развития // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., Наука. С. 38-54.

102. От редактора // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., Наука. С. 3-4.

103. Проблемы и задачи сопоставительной славянской аспектологии // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., Наука. С. 184-198.

104. Problems and Tasks of the Contrastive-Comparative Slavonic Aspectology // Резюме докладов и сообщений. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., Наука. С. 165-166.

105. Отв. ред.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., Наука. 255 с.

106. Чл. редкол.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., Наука. 261 с.

1984

107. К сопоставительному изучению гибридных словосложений в современных славянских литературных языках // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Тезисы междунар. симпозиума. М.. С. 122-124.

108. Рец. на кн.: В.К.Журавлев. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., Наука. 1982 // Вопросы языкознания, № 6. С. 148-151.

109. Рец. на кн.: J.Hroziencič. Turčianski olejkári a šafraníci. Bratislava. 1981 // Советское славяноведение. № 2. С. 111-114.

110. Чл. редкол.: Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. М., Наука. 271 с.

1986

111. Выступ. по докладам: M.Szymczak. Nowe tendencje rozwojowe zachodniosłowiańskich czasowników częstotliwych и Н.Телин. Типология глагольной префиксации и ее семантики в славянских языках // IX Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Языкознание. Киев. Наукова думка. С. 128-129.

112. Рец. на кн.: M.Soták. Kapitoly zo slovensko-ruských jazykových kontaktov. Bratislava, 1982. 240 s. // Советское славяноведение. № 1. С. 102-105.

113. Рецензент-ред.: Veľký slovensko-ruský slovník. III. diel. Bratislava, Veda. 808s.

114. Чл. редкол.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии. Категория посессивности. М., Наука. 248 с.

1987

115. Из истории словакистики в России // Л.А.Булаховский и современное языкознание. Киев, Наукова думка. С. 178-185.

116. Демократизация славянских литературных языков в эпоху социалистических преобразований // Изучение культур славянских народов. М. С. 114-118.

117. К сопоставительному изучению гибридных словосложений в современных славянских литературных языках // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., Наука. С. 192-198 (Совм. с З.Н.Стрекаловой).

118. Проблема изучения языка города в истории советской социолингвистики // Socjolingwistyka. 6. Warszawa. Kraków. Katowice. S. 45-50.

119. Из истории русско-словацких научных связей в XIX веке // Zborník Pedagogickej fakulty v Nitre. Séria rusistiky. 4. Nitra. S.111-120.

120. Демократизация литературного языка в социалистическом обществе // Развитие языковой жизни стран социалистического содружества. Прага. С. 253-261.

121. Проявление процессов интернационализации в словообразовательной системе словацкого литературного языка // IX Республіканська славістична конференція ... Тези доповідей і повідомлень. I. Одесса. С. 60-61.

122. Рец. на кн.: V. Blanár. Lexikálno-sémantická rekonštrukcia. Bratislava, 1984. 216 s. // Советское славяноведение. № 6. С. 116-117.

123. Чл. редкол.: Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение. М., Наука. 264 с.

1988

124. Проблемы социолингвистического анализа современных славянских литературных языков // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., Наука. С. 225-238.

125. О начальном этапе формирования литературного словацкого языка // Slavica Tartuensia II. Tartu. С. 59-68.

126. Опыт характеристики тенденций демократизации и интернационализации в современных славянских литературных языках // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., Наука. С. 6-41.

127. От редактора // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., Наука. С. 3-5.

128. Проблемы социолингвистического анализа современных славянских литературных языков // X международен конгрес на славистите. Резюмета на докладите ... София. С. 65.

129. Рец. на кн.: Й.Ф.Андерш. Типологія простих дієслівних речень у чеській мові в зіставленні з українською. Київ, 1987. 192 с. // Советское славяноведение, № 5. С. 95-98.

130. Деятели словацкого национального возрождения (рец. на кн.: E. Jóna. Postavy slovenskej jazykovedy v dobe štúrovej. Bratislava, 1985. 172 s.) // Информационный бюллетень (МАИРСК). М. Вып. 18. С. 53-56.

131. Научн. пер. с чеш.: А.Едличка. Типы норм языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. М., Прогресс. Вып. XX. С. 135-149.

132. Научн. пер. с чеш.: Я.Хлоупек. О социальной и территориальной дифференциации чешского языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., Прогресс. Вып. XX. С. 158-172.

133. Научн. пер. со словац.: Я.Горецкий. О теории литературного языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., Прогресс. Вып. XX. С. 212-219.

134. Научн. пер. со словац.: Я.Качала. Аспекты совершенствования литературного языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., Прогресс. Вып. XX. С. 271-280.

135. Отв. ред.: Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М., Наука. 288 с.

1989

136. Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., Наука. С. 245-255.

137. К вопросу об интернационализации лексики современных славянских литературных языков // Втори международен конгрес по българистика. Т.4. София. С. 218-226.

138. О месте литературного идиома в стратификационных моделях национального языка // Социальная стратификация языка (материалы межвузовской конференции). Пятигорск. С. 49-52.

139. О синхронно-сопоставительном изучении способов глагольного действия в славянских языках // Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. Тезисы докладов и сообщений ... М. С. 38-39.

140. Рец. на кн.: *Rozprawy sławistyczne I. Formacje hybrydalne w językach słowiańskich*. Lublin, 1986 // Советское славяноведение, № 6. С. 108-110.

141. Отв. ред.: Синхронно-сопоставительное изучение грамматического строя славянских языков. Тезисы докладов и сообщений советско-польской конференции ... М. 50 с.

142. Чл. редкол.: Славянское и балканское языкознание. Просодия. М., Наука. 251 с.

1990

143. О некоторых проблемах сопоставительной славянской аспектологии // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М.. С. 49-68.

144. Людовит Штур і лужицькі серби. // Проблеми слов'язнознавства. Львів, Вип. 41. С. 114-116.

145. Институт славяноведения и балканистики АН СССР // Лингвистический энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия. С. 194.

146. Рец. на кн.: *Krátky slovník slovenského jazyka*. Bratislava. Veda, 1987. // Советское славяноведение, № 4. С. 121-122.

147. Рец. на кн.: L.Dvonč. Súborná personálna bibliografia slovenských slovákistov a slavistov (1925-1975). Matica slovenská. 1987 // Советское славяноведение. № 4. С. 121-122.

148. От редколлегии // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., С.3.

149. Отв. ред.: Венедиктов Г.К. Болгарский литературный язык эпохи Возрождения. Проблемы нормализации и выбора диалектной основы. М., Наука. 206 с.

150. Отв. ред.: Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М. 193 с.

151. Рецензент-ред.: Veľký slovensko-ruský slovník. IV. diel. Bratislava, Veda. 760 s.

1991

152. О шутовской концепции литературного словацкого языка // Studia Slavica. К 80-летию С.Б.Бернштейна. М., Наука. С. 221-228.

153. Відображення процесів інтернаціоналізації в лексико-словотвірній системі словацької літературної мови // Функціонування і розвиток сучасних слов'янських мов. Київ, Наукова думка. С. 113-125.

154. О переводах произведений Св.Гурбана Ваянского в дореволюционной России // Советское славяноведение. № 6. С. 102-108.

155. В.И.Григорович и развитие славянского языкознания в России // Профессор Виктор Иванович Григорович. Тезисы докладов областных научных чтений. Одесса. С. 12-14.

1992

156. Вклад Людовита Штура в формирование словацкого литературного языка // Людовит Штур и его время. М., Институт славяноведения и балканистики РАН. С. 42-59.

157. К 175-летию со дня рождения Людовита Штура // Людовит Штур и его время. М., ИСБ РАН. С. 3-4.

158. Словообразовательные типы *Nomina abstracta attributivitatis* в литературном словацком языке эпохи национального возрождения // Исследования по словацкому языку. М., ИСБ РАН. С. 34-80.

159. О сопоставительном изучении способов глагольного действия в славянских языках // *Synchroniczne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich*. Warszawa. S. 57-66.

160. К истории перевода Библии на словацкий язык // Информационный бюллетень (МАИРСК). М. Вып. 26. С. 47-59.

161. К вопросу об интердиалектной основе современного болгарского литературного языка // Болгарская культура в веках. Тезисы докладов научной конференции. М. С. 45-47.

162. Изучаем наследие Людовита Штура // Информационный бюллетень (МАИРСК). М. Вып. 23-24. С. 117-121.

163. Проблемы сопоставительной лексикологии в современной чехословацкой лингвистике // Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. Тезисы докладов и сообщений межреспубликанской конференции. М. С. 40-41.

164. Отв. ред.: Исследования по словацкому языку. М., ИСБ РАН. 254 с.

165. Отв. ред.: Людовит Штур и его время. М., ИСБ РАН, 119 с.

166. Отв. ред.: *Synchroniczne badania porównawcze systemów gramatycznych języków słowiańskich*. Warszawa, 179 s. (Совм. с И.Пабис).

167. Чл. редкол.: Типологическое и сопоставительное изучение славянских и балканских языков. Тезисы докладов и сообщений межреспубликанской конференции. М. 55 с.

168. Литературный словацкий язык эпохи национального возрождения: теоретические проблемы становления и развития // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., Наука. С. 136-151.

169. О первом переводе Библии на словацкий язык // *Philologia slavica*: К 70-летию академика Н.И.Толстого. М., Наука. С. 401-409.

170. Демократизация литературного языка словаков в эпоху национального возрождения // *Диахроническая социолингвистика*. М., Наука. С. 60-72.

171. Ян Коллар и формирование словацкого литературного языка // Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. М., ИСБ РАН. С. 25-41.

172. Из истории межславянских культурных связей (о переводах произведений Св.Гурбана Ваянского на русский язык в конце XIX – начале XX вв.) // *Славянская филология*. Санкт-Петербург. Вып. VII. С. 7-15.

173. Проблемы синхронно-сопоставительной лексикологии в современной чехословацкой лингвистике // *Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании*. М., ИСБ РАН. С. 69-79.

174. Из истории отечественной социолингвистики // *Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков*. М., ИСБ РАН. С. 154-167.

175. Предисловие // *Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков*. М., ИСБ РАН. С. 3-6.

176. Литературный словацкий язык эпохи национального возрождения: теоретические проблемы становления и развития // *XI. medzinárodný zjazd slavistov. Zborník resumé*. Bratislava. Veda. S. 211-212.

177. О некоторых актуальных проблемах истории славянских литературных языков эпохи национального возрождения // Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения. Тезисы докладов международной конференции. М. С. 54-57.

178. Проблема эквивалентности в теории и практике современной словацкой двуязычной лексикографии // Актуальные проблемы славянской филологии (материалы научной конференции). МГУ. Филолог. фак-т. М. С. 17-18.

179. Рец. на кн.: *Pravidlá slovenského pravopisu*. Bratislava, 1991. 536 s. // Славяноведение, № 6. С. 98-100.

180. Отв. ред.: Проблемы развития и функционирования современных славянских литературных языков. М., ИСБ РАН. 168 с.

181. Рецензент-ред.: *Veľký slovensko-ruský slovník*. V. diel. Bratislava, Veda. 469 s.

182. Отв. ред.: Историко-культурные и социолингвистические аспекты изучения славянских литературных языков эпохи национального возрождения. Тезисы докладов международной конференции. М., ИСБ РАН. 80 с.

183. Чл. редкол.: Ян Коллар – поэт, патриот, гуманист. Сб. статей. М., ИСБ РАН. 147 с.

184. Чл. редкол.: Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании. М., ИСБ РАН. 229 с.

185. Чл. редкол.: Славянское и балканское языкознание. Структура малых фольклорных текстов. М., Наука. 256 с.

1994

186. О роли переводов Библии в становлении и развитии литературных славянских языков эпохи национального возрождения // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Санкт-Петербург. С. 147-152.

187. Традиционное и новое в опытах кодификации норм литературного словацкого языка периода его становления // Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: проблема динамики нормы. Тезисы докладов междунар. научн. конф. М., ИСБ РАН. С. 41-44.

188. Рец. на кн.: *Historický slovník slovenského jazyka*. I. Bratislava, Veda. 1991. 536 s. // Этимология 1991-1993. М., Наука. С. 174-179.

189. Чл. редкол.: Традиция и новые тенденции в развитии славянских литературных языков: проблема динамики нормы. Тезисы докладов междунар. научн. конф. М., ИСБ РАН. 84 с.

1995

190. К истории словацко-украинских культурных связей в XIX веке // *Славяноведение*, № 1. С. 74-78.

191. О роли иностранных слов ("европеизмов") в развитии лексики штуровского литературного языка // *Slavica slovaca*. Čís. 2.

192. Слово о Шафарике // Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., ИСБ РАН. С. 3-9.

193. О роли П.И.Шафарика в развитии славянского языкознания // Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., ИСБ РАН. С. 29-43.

194. К истории изучения словацких диалектов в дореволюционной России // *Dialectologia slavica*. Сборник к 85-летию С.Б.Бернштейна. М., Индрик. С. 311-317.

195. От редактора // Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Сопоставительное изучение вариативности в славянских диалектах. М. С. 3-5.

196. Место и роль "Словаря" Антона Бернолака в истории словацкой лексикографии // Словарь и культура. К столетию с начала публикации "Словаря болгарского языка" Н.Герова... М., ИСБ РАН. С. 40-42.

197. Научн. пер. со словац.: В.Бланар. Словацкая лексика в возрожденческой лексикографии // Словарь и культура. К столетию с начала публикации "Словаря болгарского языка" Н.Герова... М., ИСБ РАН. С. 36-39.

198. Отв. ред.: Павел Йозеф Шафарик (к 200-летию со дня рождения). М., ИСБ РАН. 131 с.

199. Отв. ред.: Калнынь Л.Э., Масленникова Л.И. Сопоставительное изучение вариативности в славянских диалектах. М. 284 с.

200. Рецензент-ред.: Veľký slovensko-ruský slovník. VI. diel. Bratislava, Veda. 704 s.

201. Чл. редкол.: Проблемы становления и развития серболужицких языков и диалектов. М., ИСБ РАН. 195 с.

202. Чл. редкол.: Словарь и культура. К столетию с начала публикации "Словаря болгарского языка" Н.Герова. Материалы междунар. научн. конференции. М., ИСБ РАН. 125 с.

1996

203. Павел Йозеф Шафарик в болгарском языке и древнеболгарской письменности // Болгарский ежегодник. Харьков – София. Т. II. С. 286 - 293.

204. Исследования в области славянского языкознания // Институт славяноведения и балканистики. РАН. 50 лет. М., Индрик. С. 194-216.

205. П.Й.Шафарик и развитие славянского языкознания в России // Pavol Jozef Šafárik a slavistika. Zborník príspevkov z vedeckej konferencie a dokumentov z osláv 200. výročia narodenia P.J.Šafárika. Matica Slovenská. Martin. S. 211-216.

206. К юбилею Павла Йозефа Шафарика // Информационный бюллетень (МАИРСК). М., ИСБ РАН. Вып. 30-31. С. 193-197.

207. Отв. редактор: Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI– XIV/XV вв. Проблемы и методы. М., Наука. 229 с.

1997

208. Мартин Гаттала (1821–1903) // Славяноведение, № 1. С. 121–124.

209. О месте родного языка в философско-дидактической концепции Я.А.Коменского // Человек — культура — общество в концепции Я.А.Коменского. М. С. 187–193.

210. Введение // Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках. М., ИСБ РАН. С. 3–26.

211. Отражение процесса интернационализации в лексико-словообразовательной системе современного словацкого литературного языка // Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках. М., ИСБ РАН. С. 27–57.

212. Заключение // Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках. М., ИСБ РАН. С. 230–233.

213. Библиография (совм. с Ю.Е.Стемковской) // Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках. М., ИСБ РАН. С. 234–256.

214. Из истории перевода Библии на русский язык // O prekladoch Biblie do slovenčiny a do iných slovanských jazykov. Slavicistický kabinet SAV. Bratislava. S. 220–231.

215. План-проспект спецкурса "Введение в историю литературных славянских языков" // Кирилло-мефодиевские чтения. Сборник трудов Самарской гуманитарной академии. Вып. 3. Самара. С. 7–15.

216. В защиту русского языка // Кирилло-мефодиевские чтения. Сборник трудов Самарской гуманитарной академии. Вып. 3. Самара. С. 123.

217. Из наблюдений над лексикой литературного словацкого языка питуровского периода // Славянское и балканское языкознание.

218. Отв. ред.: Тенденция интернационализации в современных славянских литературных языках. М., ИСБ РАН. 257 с.

1998

219. С.Б.Бернштейн (1911 – 1997) // Славяноведение. № 1. С. 123-125.

220. Из истории словацкого литературного языка // Славяноведение. № 3. С. 23–29.

221. Об изучении истории литературных славянских языков эпохи национального возрождения // Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., ИСБ РАН. С. 20–37.

В печати

222. К синхронно-сопоставительному изучению способов глагольного действия в славянских языках // Recueil linguistique de Bratislava.

223. О суффиксальных универбах с интернациональной морфемой в словацком языке // Zborník FFUK. Bratislava.

224. Проблема эквивалентности в теории и практике современной словацкой двуязычной лексикографии (Италия, Неаполь).

225. Социальные контакты и место литературного идиума в макросистеме национального языка.

226. Байза Йозеф Игнац // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

227. Бернолак Антон // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

228. Булаховский Л.А. // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

229. Гамульяк Мартин // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

230. Гаттала Мартин // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

231. Годжа Михал Милослав // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

232. Гурбан Йозеф Милослав // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

233. Павлович Юрай // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН

234. Паулини Эуген // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

235. Станислав Ян // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

236. Штур Людовит // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

237. Словацкий язык // Энциклопедия "Славянский мир". ИСБ РАН.

238. Словацкий язык (2,5 а.л.) // В серии "Языки мира".

239. Ян Паларик о славянской взаимности // Славянская идея в портретах ее идеологов и интерпретаторов. ИСБ РАН.

240. Общее и специфическое в процессах интернационализации в славянских литературных языках на современном этапе их развития (совместно с Г.К.Венедиктовым, М.И.Ермаковой, Ю.Е.Стемковской) // XII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Краков, 1998. Доклады российской делегации.

241. О месте "Словаря" Антона Бернолака в истории словацкой лексикографии.

242. Заметки по словацкой исторической лексикологии (в печати).

243. К юбилею словацкого диалектолога.

244. Памяти Йозефа Шкультеты // Славяноведение.

Ю.Е.Стемковская

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	5
<i>В.К.Журавлев (Москва)</i> Социально-экономические и культурно-исторические параметры формирования национальных литературных языков	7
<i>Л.Н.Смирнов (Москва)</i> Об изучении истории литературных славянских языков эпохи национального возрождения	22
<i>Р.Цойнская (София)</i> Балканские литературные языки в эпоху Возрождения – общие черты и специфика в их развитии	40
<i>П.А.Дмитриев, Г.И.Сафронов (Санкт-Петербург)</i> О причинах, способствовавших победе "вуковцев" в Хорватии в конце XIX века	59
<i>В.М.Русановский (Киев)</i> Становление нового украинского литературного языка	74
<i>М.И.Ермакова (Москва)</i> Проблемы развития верхнелужицкого литературного языка в период национального возрождения	89
<i>Г.К.Венедиктов (Москва)</i> О болгаризации современного болгарского литературного языка на стадии его формирования	119
<i>О.С.Плотникова (Москва)</i> Идеи славянской взаимности и словенский литературный язык XIX века	135

<i>А.Г.Широкова (Москва)</i> Разговорный чешский язык в период национального возрождения	151
<i>Г.А.Лилич (Санкт-Петербург)</i> Вопросы становления литературного языка в переписке чешских будителей	161
<i>Р.Х.Тугушева (Санкт-Петербург)</i> О взаимодействии чешского и словацкого языков в период образования словацкого литературного языка (на материале частной переписки)	167
<i>Ю.Е.Стемковская (Москва)</i> Динамика изменений лексико-семантической структуры личных имен существительных в чешском литературном языке эпохи национального возрождения	177
<i>В.Бланар (Братислава)</i> Ещё раз о лексической и проприальной семантике	228
<i>Г.П.Нещименко (Москва)</i> О префиксальных прилагательных со значением интенсификации признака в чешском литературном языке эпохи национального возрождения	236
<i>К.В.Лифанов (Москва)</i> Грамматикализация перегласовок как характерная особенность языка памятников словацкой письменности	261
<i>Е.И.Демина (Москва)</i> К проблеме греческо-болгарских культурных связей поствизантийского периода (XVI - XVII вв.)	276

Список научных трудов доктора филологических наук Льва Никандровича Смирнова (Ю.Е.Стемковская)	288
--	-----

CONTENTS

From the Editor	5
<i>V.K.Zhuravlev (Moscow)</i> Socio-economical, historical and cultural guidelines in the formation of the national standard languages	7
<i>L.N.Smirnov (Moscow)</i> On the study of history of the standard Slavic languages of the epoch of national renaissance	22
<i>R.Tsoinskaia (Sofia)</i> Balkan standard languages in the epoch of Renaissance: common features and peculiarities of development	40
<i>P.A.Dmitriev, G.I.Safronov (Saint-Petersburg)</i> On the reasons of the victory of "vukovtsy" in Croatia in the end of the XIX cen	59
<i>V.M.Rusanovskii (Kiev)</i> On the formation of the new Ukrainian standard language	74
<i>M.I.Ermakova (Moscow)</i> Problems of development of the Upper Sorbian standard language in the period of national renaissance	89

<i>G.K.Venediktov (Moscow)</i> On the specific Bulgarian features of the Bulgarian standard language (the process of formation)	119
<i>O.S.Plotnikova (Moscow)</i> Idea of Slavic intercourse and the Slovenian standard language of the XIX cen	135
<i>A.G.Shirokova (Moscow)</i> The spoken Czech in the period of national renaissance	151
<i>G.A.Lilich (Saint-Petersburg)</i> The problems of the formation of standard language in the correspondence of Czech "buditeli"	161
<i>R.Kh.Tugusheva (Saint-Petersburg)</i> On the intercourse of the Czech and Slovak languages in the period of the formation of the Slovak standard language (according to the data of private correspondence)	167
<i>Iu.E.Stemkovskaia (Moscow)</i> Dynamics of change of the lexical and semantic structure of the proper names in the standard Czech of the epoch of national renaissance ..	177
<i>V.Blanar (Bratislava)</i> On the lexical and proprial semantics	228
<i>G.P.Neshchimenko (Moscow)</i> On the prefixed adjectives with the meaning of "intensification of feature" in the standard Czech of the epoch of national renaissance	236
<i>K.V.Lifanov (Moscow)</i> Grammaticalization of apophony as a characteristic feature of the written texts in the Old Slovak language	261

<i>E.I.Demina (Moscow)</i> On the problem of the cultural relationship between Greece and Bulgaria in the post-Byzantine period (XVI-XVII cen)	276
List of works of Ph.D.Lev Nikandrovich Smirnov (<i>Iu.E.Stemkovskaia</i>)	288

**СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЯЗЫКИ
ЭПОХИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ**

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Г.К.ВЕНЕДИКТОВ

ЛР №020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 7.04.1998 г. 19,4 печ. л. Тираж 300
экз. Заказ № Цена договорная

Отпечатано на ротапринтере ООО «Валента»

